

- - [Против графа Л. Толстого. Восемь бесед](#)
    - [Беседа I. О том, что не следует христианским проповедникам опровергать все лжеучения](#)
    - [Поучение II. О трех старцах, и о том, что должно изучать и знать веру христианскую](#)
    - [Беседа III. О том, что ересеучение графа Льва Толстого разрушает самые основы не только православно-христианской веры, но и всякой религии](#)
    - [Беседа IV. О том, что нельзя отделять Господа нашего Иисуса Христа, главу церкви, от тела церкви и в частности от святых пророков и апостолов](#)
    - [Поучение V. Об истинном теле и истинной крови Хрстовыгъ в св. свхаристии](#)
    - [Поучение VI. О том, что ересеучение графа Льва Толстого разрушает основы общественного и государственного порядка](#)
    - [Беседа VII4. О христианском супружестве](#)
    - [Беседа VIII. Церковь и государство](#)
  - [Примечания](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)

---

---

<b>Введение</b>
-----------------

Содержание

---

---



# Беседа I. О том, что не следует христианским проповедникам опровергать все лжеучения

На день святого благоверного князя Александра Невского и тезоименитства Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя нашего Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА <sup>1</sup>).

Волею согрешающим ним, по приятию разума истины, ктому о гресех не обретается жертва; страшно же некое чаяние суда и огня ревность поаясти хотящего сопротивныя. Отверглся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или триех свидетелех, умирает. Колико, мните, горшие сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив и Духа блгодати укоривый! Вемы бо рекшего: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господ. И паки: яко судит Господь людем сеоим. Страшно есть еже впасти в руце Бога живаго ([Евр. 10:26-31](#)).

По случаю появления в нашем отечестве Толстовской ереси, некто укоряет учащую православную церковь в России за то, что она ничего не делала для опровержения всех заблуждений, возникавших между русскою интеллигенцией со времени царствования Императрицы Екатерины II.

Стены святыя, покров священный св. храма сего! Н възыщите. Обстоятельства нашего времени побуждают, если только не вынуждают нас огласить вас множеством имен, которые здесь никогда не раздавались, которые и произносить тут признается не совсем уместным. Впрочем, мы следуем в этом примеру Господа нашего Иисуса Христа и святых апостолов Его, как и пророков, которые произносили сами, для научения церкви многие имена злодеев, богопротивников, ложных учителей, как и отца их сатаны. Их время имело своих богопротивников и христоненавистников, наше имеет своих.

Против фактов, — говорит укоряющий нас, — спорить нельзя. Посмотрим, что мы давали тем, кто и хотел бы найти в духовной литературе рассеяние своих сомнений, навеянных отрицательной литературой, и твердую поддержку своим христианским воззрениям. С половины XV40;ИИИ века проникли к нам разными путями идеи Вольтера и энциклопедистов. Распространению этих учений мы противопоставили несколько проповедей (митрополита Платона, архиепископа Гедеона Криновского и епископа Анастасия Братановокаго) и весьма немного апологетических трудов (два), которые отличались общими местами, легкостью, непониманием учения противников, отсутствием глубины, обличая неподготовленность авторов к научно-философской защите религии и церкви; тогда как на Руси было много лиц, которые углублялись в сочинения мощных противников и выносили из чтения их разрушение своих верований. За антирелигиозным и антихристианским влиянием Вольтера и энциклопедистов идет влияние Шеллинга (ум. 1854 г.), которого в нашем обществе пропагандировали Павлов и Одоевский. Влияние Одоевского на современников было громадно. А был ли с нашей стороны предложен вниманию общества живой и основательный анализ философии Шеллинга во всех ее фазах в связи с выяснением ее отношений к православно-христианскому сознанию. Для наших присяжных богословов-философов как будто не существовало ни философии Шеллинга, ни увлечения ею со стороны нашей интеллигенции. Они оказались, по отношению к влиянию Шеллинга в России, далеко не на высоте своего призвания и долга потому ли, что не могли, или потому, что не хотели удовлетворить запросам общественной мысли. С 1835 года представители и руководители нашей интеллигенции (Станкевич, Бакунин, Белинский и другие) начинают знакомиться с философией Гегеля и все более и более увлекаются ею. Крайний пантеизм Гегельянского учения, рассматривающего и христианскую религию, как низшую и преходящую форму проявления и раскрытия абсолютной идеи в человеческом сознании, само собою

разумеется, отрывал от православно-христианской церкви многих ее сынов, роняя в их глазах действительное значение всего православно-христианского учения. Казалось бы, в виду всего этого должен был посыпаться со стороны наших богословов-философов целый ряд обстоятельных исследований, чтобы выяснить несостоятельность основных начал философии Гегеля и в особенности его взгляда на религию. Но призванные самим положением своим к защите святыни православно-христианских верований сохранили могильное молчание тогда, когда следовало говорить горячо, убежденно, сильно. И для противодействия антирелигиозному и антихристианскому влиянию Гегелевских воззрений в надлежащее время нами не было сделано ничего. Что же удивительного, если представители нашего общества все больше и больше отрывались от церкви? Вина этого ложится тяжким бременем и на нас, В 1835 г. появилось в Западной Европе сочинение Штрауса: *Жизнь И. Христа*, произведшее повсюду сильное впечатление, Штраус, в конце своей жизни примкнувший к материалистической школе, до этого был одним из жарких приверженцев Гегеля, и книга его написана под влиянием Гегелевских начал, Книга Штрауса переведена и на русский язык. Но пока с нашей стороны предложено (епископом Михаилом и священником Буткевичем) какое-либо опровержение этой книги, сколько зла успела она сделать! В начале 40-х годов влияние Гегеля начинает у нас вытесняться влиянием Фейербаха, которого не без основания называют отцом новейшего материализма. В 1843 г. окончательно переходят в лагерь Фейербаховцев Белинский, Герцен, Бакунин и другие, бывшие до того яркими приверженцами гегелизма. Важнейшее сочинение Фейербаха: *Сущность христианства* было напечатано в 1861 г. на русском языке в Лондоне и распространялось в нашем отечестве всеми темными путями. Мы же усиливаемся как бы замолчать и эту книгу Фейербаха, из которой между тем доселе черпают возражения против христианства не только отечественные вольнодумцы, но и многие из западных. Затем распространялись в нашем обществе влияния учений Сен-Симонизма и Фурьеризма. На последние 40-е годы падает печатная пропаганда в России позитивизма *Огюста Конта* и *Литтре*, которые рассматривали мифологический период, относя к нему господство всякого религиозного воззрения, как низшую стадию умственной жизни, долженствующую совершенно замениться высшею, позитивной или научной стадией, В начале 50-х годов появилось сочинение Бюхнера: *Сила и Материя*. В 60-х годах это сочинение, как и сочинение Молешотта и Карла Фохта, появилось и на русском языке. Таким образом весь триумvirат вождей материализма в Германии предстал и перед русскими непосредственно в своих сочинениях. Пропагаторами их воззрений оказались в России Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Антонович и многие другие, не говоря о Герцене, о его изданиях: *Полярной Звезды*, *Колоколе* и других.

Параллельно пропаганде материализма шла у нас пропаганда и морали эгоизма в сочинениях Милля и Бентама, Тогда же появилось и в России в двух переводах сочинение Бокля: *История цивилизации в Англии*, и идеи Бокля применялись у нас к решению всяких вопросов, религиозных, нравственных, политических, общественных. Вместе с пропагандою у нас материализма со второй же половины 50-х годов началась проповедь и социализма, переходившего в очевидный коммунизм, в переводных сочинениях Лаесалля, Маркса, в русских сочинениях Чернышевского и др. С конца 60-х годов наша светская литература начинает все заметнее и решительнее склоняться на сторону позитивизма. Переводятся на русский язык одно за другим сочинения позитивных писателей, особенно *Герберта Спенсера*, который критикует религиозно-философские учения о божестве, о происхождении мира и т. д., находя несостоятельным и теизм наравне с другими учениями, утверждая, что божество есть нечто непознаваемое. Учение Спенсера о религии и нравственности стало трактоваться многими, как последнее слово научно-философской мысли, Независимо от переводных позитивистских

сочинений у нас чаще и чаще стали появляться и оригинальные, Лессевича, Де-Роберта, журнал „Знание“ и т. д. Переводятся на русский язык сочинения Дрепера, Тайлора, Леббока, Топинара. В самые последние годы появляются у нас переводы сочинений *Шопенгауэра* и *Гартмана* по так называемой пессимистической философии, В последние же годы появилось сочинение Ланге: *История материализма*, которое своеобразно решает вопросы, имеющие самое близкое отношение к религии, и решает вовсе неблагоприятно для христианства. Нужно ли говорить о важнейших сочинениях по естествознанию, о Дарвине, Геккеле, Ляйелле и др.? Должно признать, что духовная литература с половины 50-х годов стала отзывчивее к запросам современной общественной мысли. Тем не менее, кто пожелал бы найти в наших сочинениях рассеяние своих сомнений и недоумений, то находил большей частью поздно, или вовсе не находил потребного,

Довольно укорю себя. Закрывать ли нам свое лицо от стыда? Я полагаю, нет. Я полагаю, что христианский проповедник не обязан ни опровергать, ни даже изучать все возможные заблуждения, несогласные с христианским учением,

К этому мы уполномочиваемся примером наших первоучителей, основателей христианства, примером самого Господа нашего Иисуса Христа и святых Его апостолов,

Знал ли Господь Иисус все несогласные с Его божественным учением лжеучения, лжеучения религии египетской, индийской, китайской, огнепоклоннической, во всех их отраслях и разветвлениях, лжеучения язычества финикийского, карфагенского, еллино-римского, со всеми мистериями и теургиями сего последнего, с его мифологией и теорией евгемеризма, не говоря о язычестве дикого севера Азии, Европы, глубин Африки и Аравии, Америки и островов океана? Знал ли современные Ему философские и физические учения стоические, эпикурейские, скептические, эклектические, непотухшую философию Платона и Аристотеля, зарождающуюся философию неоплатонизма и гностицизма? Знал ли басни греко-римских поэтов о начале вещей? Знал ли символическую герменевтику филонизма? Отвечаем, что знал по божественному всеведению, Но относительно собственно человеческого изучения Господом Иисусом и знания всего этого необъятного круга предметов напрасно и ставить этот вопрос, когда ставится вопрос даже о том, умел ли Он писать; когда принимается за достоверное, что Он не получил никакого вне-еврейского, внешне-научного, философско-языческого, общеисторического образования. Напрасно ставить вопрос также и о том, опровергал ли Он все эти заблуждения, когда следует прямее ставить вопрос о том, опровергал ли Он какие-либо заблуждения? Собственно языческих заблуждений коснулся Он только однажды, когда саддукеи предложили Ему известное возражение против воскресения тел, которое Господь и разрешил на основании не соображений разума, а только божественного же откровения, на основании изречения пророка Моисея. Еврейские же заблуждения Господь Иисус не опровергал, а только обличал. В чем, однако же, заключается разница между опровержением и обличением, это мы яснее усмотрим в примере святых апостолов.

Пусть Господь Иисус провозглашал, что послан только к овцам погибшим дому Израилева, вовсе почти не приходя в соприкосновение с язычниками. Но ученики Его, святые апостолы, по Его заповеди, пошли уже в мир весь проповедать евангелие всей твари, которое и пронесли от Иерусалима даже до конец земли. Тем не менее и о них напрасен вопрос, знали ли они все заблуждения современного им мира? Будучи людьми не книжными и простыми, конечно, не знали, пока Дух Святой не находил благопотребным просветить их ум на счет того или другого заблуждения чрезвычайным откровением. Внешнее мирское образование отчасти заметно только в апостоле Павле. Но относительно даже его бесплодно ставить вопрос, был ли он знаком с современным ему совопросничеством современных философских школ: стоических, скептических, эпикурейских, эклектических? Ясно, что он имел некоторое ведение о языческих

поэтах. Ясно, что имел глубокое разумение об общем языческом мирозерцании. Он же один из апостолов дал нам немногие, не более трех ([Деян. 14:15-17](#); 17, 16—31 и [1 Кор. Гл. 15](#)), и краткие образцы и опровержения языческих заблуждений, если только даже эти речи его можно признать опровержениями. Мы разумеем весьма краткую речь его в Листре в опровержение идолопоклонства, краткую же речь о том же в Афинском ареопаге и апологию истины бессмертия души и воскресения в первом послании к Коринфянам ([1 Коринф. Гл. 15](#)). Можно ли например назвать опровержением идолопоклонства, с громадным его содержанием, его мифологии, обожания людей, языческих жертвоприношений, краткую вдохновенную речь апостолов Павла и Варнавы в Листре: *«Мужие! что сия творите? — Жители Листры хотели принести им в жертву тельцов, признав их за Юпитера и Меркурия, — И мы подобострастны есмы вам человецы, благовествующе вам от сих суетных обратитися к Богу живу»* и т. д. Всего несколько слов, а сколько можно бы, и с современно-научной точки зрения должно бы наговорить в опровержение укоренившихся суеверий язычества? Основатели христианства, Господь И. Христос и апостолы Его только обличают антихристианские заблуждения, открывая высоту, глубину и светлость христианства и выставляя пред неискаженною совестью человечества низость и гибельность заблуждения. Таковы всюду распространенные в Новом Завете обличения заблуждений извращенного иудейства, Таковы же у апостолов Петра, Иоанна, Иуды и Павла обличения зарождающихся отраслей возникающего гностицизма. Но нигде у святых апостолов не видим обстоятельно научного изложения гностических учений, Нигде нет разбора, что эти основания шатки, Нигде усилия доказать, что истинно противное им христианское учение. Нет, В своих писаниях святые апостолы, имея в виду главным образом положительное раскрытие веры, касаются лжеучений и лжеучителей мимоходом, произнося о них только категорически-властный приговор, что эти учения ложны и губительны, а самые лжеучители сыны погибели. Господь Иисус только возжег светоч своего учения и поставил его на свещнице на горе, да светит всем и освещает окружающую тьму мира сего. Но Он не брал на себя усилий тушить все блудячие огни, мелькающие по лицу вселенной, возникавшие из блага общечеловеческой нравственной гнили. Тоже творить заповедал Он и своим апостолам: *«входяще во град или в долы, — заповедал Он, — целуйте его глаголюще: мир дому сему. И аще убо будет дом достоин, приидет мир ваш нань. Аще ли же не будет достоин, мир ваш к вам возвратится. И иже аще не примет вас, ниже послушает словес ваших, исходяще из дому или из града того на распутия его, рцйте: и прах, прилепший нам от града вашею, отрясаем вам; обаче сие ведите, что приблизилось к вам царствие Божие»* ([Мат:10, 12-14](#); [Лук:10, 10-11](#)), но вы отверглись его. При возжении света Христова все прочие светила, даже великие, а о мелких нечего и говорить, должны сами собою померкнуть, как меркнут даже звезды при солнечном восходе; что действительно и случилось, в первые века христианства, со всеми нехристианскими учениями, по принятии евангельской проповеди во всей вселенной.

Однако же древние св. отцы и учителя церкви опровергали современные им заблуждения? Опровергали, но кто и что и как? Во-первых, не опровергали ни естественно-физических, ни философских теорий современного им язычества, из которых ни одна не была строго согласна с учением евангелия; а касались этих теорий только мимоходом, сопоставляя их с учением христианским о соприкосновенных предметах, Мы не видим у древних отцов и учителей церкви ни одного обстоятельного исследования, которое специально было бы направлено к разбору той или другой из современных философских теорий. Усматриваем одно только чисто философское сочинение, построенное почти исключительно на началах разума, — это *О началах* Оригена, Видим, что именно Ориген, да еще Тертуллиан, в защите христианской истины, готовы были больше других давать волю своему уму; и замечательно, они-то и впали в заблуждения, отвергнутые церковью, и причтены сами почти к еретикам. Пример не поощрительный. Один

же Ориген написал исследование в защиту евангельского текста и евангельской истории против Цельса; а прочие так и остались безвестны, Не видим у древних отцов обстоятельного опровержения большинства гностических ересей, которые слишком уже отделились от божественного откровения и вдалились в философское экстатическое суемудрие. У св. Иринея, у Ипполита и других видим не столько опровержение, сколько более или менее обстоятельное изложение тех или других из первоначальных ересей и низведение выводов их к основам христианской проповеди, к Священному Писанию и преданию. Напротив, видим у отцов церкви самое обстоятельное, широкое и глубокое изложение ересей, которые исходили из тех же начал, из которых исходит и православное учение, равно как и опровержение их на основании тех же начал божественного откровения. Вообще пастыри и учителя церкви, преемники апостольские, поставляли своей исключительной задачей, по примеру своих первоучителей апостолов проповедать евангелие на основании самого евангелия Христова, на основании устной и письменной проповеди Христа и апостолов, следуя заповеди св. апостола Павла Тимофею и Титу *не словопретися ни на кую же потребу на разорение слышащих, скверных тщелгасий отменяя: наипаче бо преспеют в нечестие, и возмущают некоторых веру; уклоняся скверных суесловий и прекословий лжеименного разума; отступая боих стязаний п гностических родословий и рвений и сваров относительно ветхозаветнаго закона: суть бо не полезны и суетны* ([Тит. 3:9](#); [2 Тим. 2:16-18-23](#) и др.). Еретика и человека, заповедует св. ап. Павел Титу ([Тит. 3:10](#)), *по первом и втором наказании отрицайся, ведый, яко развратися таковый и согрешает и есть самоосужден.* По этой апостольской заповеди, как и по заповеди *низлагать помышления и всяко возношение, вземлющееся на разум Божий, пленя всякий разум в послушание Христово* ([2 Кор. 10:4-5](#)), древние пастыри церкви Христовой воздерживались от излишних бесплодных, а иногда и вредных словопрений даже с теми из еретиков, которые исходили из тех же начал, на которых зиждется и православие, из божественного откровения, Философское же суемудрие, основанное чисто на началах разума, древние отцы церкви почти совершенно обходили, предоставляя ему сокрушаться в себе самом, оставляя мертвым погребать своих мертвых, попуская гнилому истлевать по естественному закону саморазложения. И где теперь эти гордые философские построения всех этих академиков, перипатетиков, циников, стоиков, эпикурейцев, скептиков, эклектиков, неоплатоников? Где теперь все эти бесконечные, безмерно-чудовищные фантазмагории гностические? Все это рухнуло, даже безшумно, и развеялось по ветру прахом совсем бесследно, А христианство стоит и простоит тысячелетия по глубочайшему изречению ап. Павла: *твердое основание Божие стоит, имущее печать сию: позна Господь сущие своя, и еще: да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне* ([2 Тим. 2:19](#)),

Опросим теперь в свою очередь опять, где теперь также ближайšie к нам антихристовы слуги Вольтер и энциклопедисты, с которыми стыдились и опасались соприкоснуться, даже для опровержения, не только наши православно-русские пастыри, но и представители священства западно-Европейского, латинского и протестантского? Ведь такая заразительная мерзость не могла же не мараť своей гнилью при каком бы то ни было соприкосновении. Сами они потонули и ближайšie к себе общество потопили в лужах, в потоках, в целом море человеческой крови. А по началу жребия этого новейшего антихристианства можно отчасти судить и о продолжении его и о пагубном конце. Стоило ли пастырям церкви изучать и опровергать Канта, отвергнувшего всю философию древности, когда его оставили Фихте, Шеллинг и Гегель, построив каждый свою собственную систему, несогласную с системами других? Стоило ли изучать и опровергать Гегеля, который утверждал, что его понял только один человек, да и тот понял плохо; которого, чтоб понять, нужно наперед сойти с ума; которого осмеяли и откинули с презрением, как пустейшего фантазера, Бюхнер, Молешотт, все

материалисты и позитивисты? Стоило ли пастырям церкви опровергать этого Бюхнера, которого один русский, но европейски известный ученый (Цион), в самые последние дни, называет „темным медиком, одинаково далеко стоящим как от философии, так и от науки“; которого, как и единомышленников его, Молешотта, Карла Фохта и других материалистов, с пренебрежением отбрасывают новейшие позитивисты, как ненаучных метафизиков? Стоит ли пастырям церкви опровергать и позитивистов: Огюста Конта, который, относя христианство в область темной мифологической эпохи, усиливался сочинить свою собственную, конечно, нелепую религию, или же Литтре, который обратился сперва в масонство, а под конец жизни и в католическое христианство, или Джона Стюарта Милля, Бэна и наших русских самоновейших позитивистов, которые стоят уже совеем не на той точке зрения, на которой усиливался поставить позитивное мирозерцание Огюст Конт; когда их самих новейшие эмпирики-философы отписывают в область ненаучных метафизиков? Стоит ли опровергать и этих самоновейших философов-эмпириков, которые со своей стороны отрицают все, не только Духа высочайшего, но и человеческую душу, и все ее способности и законы логики и все самые общепринятые понятия философии всех прежних веков, отделяя все это в область всего более ненавистной им метафизики, а свою собственную философию признавая не более как произведением субъективного творчества, в роде любой сказки или басни? Стоит ли изучать и опровергать философов пессимистов, Шопенгауера, Гартмана, которые в основу бытия кладут буквально бессмыслие, советуя человечеству стремиться от страданий бытия к покою небытия, полагая, что безумное человечество, посягнув на собственное бытие и потушив свое сознание, может якобы достигнуть благотворного для всех и всего результата, потушения бытия всей вселенной; Шопенгауэра и Гартмана, которые составляют странное до нелепости исключение из общего направления всех современных умов; которые на всем пространстве истории не встречают себе предшественников, разве только в Гераклите, да и то очень не много на них похожем? Стоит ли пастырю церкви опровергать даже естественно-научные теории, когда они, помимо объяснения очевидных фактов, переходят к общим широким, собственно философским обобщениям относительно происхождения мира и всех вещей, относительно начала и развития жизни и появления человека; когда в астрономии относительно происхождения миров мы не имеем ничего верного, твердо и несомненно установленного; когда в геологии, появившейся на памяти живого еще поколения, мы имели взаимно исключаящие себя теории разных нептунистов, плутонистов, а теперь имеем метаморфистов, которые находят более уместным утверждать, что наш земной мир вечен и вечно преобразуется, начало же его от нас так удалено, что и гадать о происхождении его бесплодно? Нужно ли опровергать самого Дарвина, который уже в наши дни стал известен, прославился, и недавно скончался? Дарвинизм обуял все умы, Дарвинизм символика современного естествоведения. Но как Дарвинизм ниспровергает основы всего прежнего общечеловеческого мирозерцания, то нужно было только подождать и поджидая надеяться, что кто-либо непременно выскажется против этой разрушительной теории, сам ли Дарвин, последователи ли его, или же противники, Что и осуществилось уже, осуществилось отчасти и то и другое и третье.

Находятся уже ученые, которые доказывают, что для приручения нарочно выбирали животных, а растения для культуры, которые сами по себе обладали высокою природною способностью к изменчивости; что при одичании организмов прежде прирученных или культивированных, они возвращаются к своему дикому типу; а то софизм, что изменчивость диких животных и растений, сравнительно с домашними, во столько раз сильнее, во сколько природа могущественнее человека: природа не произведет паровую машину, из букв алфавита не составит ни малейшего разумного изречения; что отклонения в домашних породах нигде не достигли видовой отупении различия; значение самого основания, на котором зиждется вся

Дарвинова теория, т. е. значение искусственного подбора чрезмерно преувеличено; что таким образом база, от которой Дарвин исходит для заключений, сокращается до самых ничтожных размеров; что борьба за существование лишена необходимых для произведения подбора свойств: напряжения, непрерывности и единства направления; что эти свойства борьбы за существование крайне преувеличены Дарвином; что скрещивание в естественных условиях должно сглаживать все, что неопределенная изменчивость должна бы произвести, а в устранении скрещивания и заключается весь подбор; что существование множества безразличных, бесполезных и даже вредных признаков, а также чисто морфологический характер изменений, претерпеваемых некоторыми органами, совершенно необъясним для теории подбора; что мир, построенный на началах Дарвина, имел бы совершенно иной характер, отличный от того, который ныне действительно существует: то был бы мир, по нашим теперешним понятиям, из действительности почерпнутым, нелепый и бессмысленный; что следов незаметными оттенками переливающихся, переходных форм ни в живущем, ни в палеонтологическом мире не существует, и главное объяснение отсутствия этих следов, представленное Дарвином: крайняя скудость, неполнота, недостаточность геологических и палеонтологических документов, частью пустая отговорка, частью неверное перетолкование фактов; что все примеры вымирания видов, которые мы можем проследить, не представляют соответственного вымиранию нарождения новых форм, между тем вытеснение новыми вымирающих форм должно бы по теории, главным образом обуславливать вымирание, как следствие поражения в борьбе за существование; все известные случаи вымирания ни разу не представили подтверждения нормальному Дарвинову процессу, что очень странно; что ко всем этим невероятностям и невозможностям присоединяется еще положительнейшая невозможность вместить Дарвинов процесс образования видов в огромный период истекшего геологического времени, наприм. невозможно объяснить происхождение и развитие глаза случайными находками и качками, без всякой целесообразности, хотя бы в продолжении биллонов лет; что Дарвин, по неправильной и пристрастной оценке вероятностей, преспокойно оставляет в стороне убивающие теорию: поглощение изменившихся форм скрещиванием и неизбежность нахождения ископаемых переходных форм; что по логической непоследовательности, признавая, что в первых изданиях своих трудов слишком слабо оценил значение крупных самопроизвольных изменений, тем не менее, оставляет у себя все по старому и не видит или не хочет видеть, что с этим признанием он должен отказаться от возможности объяснять внутреннюю и внешнюю целесообразность строения организмов из начал подбора; что при происхождении форм от форм скачками неизбежно принять целесообразность, или разумную предуготовленность направлений, в коих идут эти переходы, что ниспровергает все его учение. Многие из ошибок Дарвина замечены разными учеными, и к числу их принадлежат самые замечательные умы нашего времени из числа посвятивших себя естествознанию, каковы: Бэр, Агассис, Мильн-Эдвардс, анатом Овен, палеонтологи: Броньяр, Гепперт, Бронн, Баранд, фитогеограф Гризебах, ботаники: Декен и Биганд, знаменитейший из современных гистологов Келликер, физиолог Флуран, биологи: Катрфаж, Бурмейстер, Бланшар и наш знаменитый анатом Пирогов. К противникам Дарвина нужно отнести и великого Кювье, который уже предвидел Дарвинову теорию. Сообщают, что и самый рьяный последователь Дарвина Геккель начинает изменять ему, „отказываясь от своих прежних увлечений», по крайней мере, в учении о происхождении человека (Цион в Рус. Бест. 1886 г. июнь, стр. 787). Бэр иронически восклицает: „Громкая молва разносится по странам Европы: тайна создания наконец открыта. Подобно тому, как Ньютон открыл законы движения небесных тел, так Дарвин указал законы жизненных форм, и тем совершил еще больший шаг вперед, чем Ньютон“. Между тем, говорят, ясность и понятность Дарвинова филогенезиса собственно зависит от отсутствия всяких

объективных данных, при построении теории подбора; ясность ее следует искать в той свободе, с какою Дарвин строит учение совершенно субъективного характера, не стесняясь ничем объективным фактическим. Дарвинова теория только умозрительная гипотеза, не более. С положительно научной точки зрения виды и после Дарвина, как и до него, остаются для нас постоянными, неизменными в своей сущности, но только колеблющимися около некоего нормального типа; таковыми оказываются они, насколько хватают вдаль и вглубь наши наблюдения, и наши опыты. Но постоянство не значит еще вечность, принять которую было бы столь же противно наблюдениям, как и принятие перехода одного вида в другой. Мы положительно знаем, что виды имеют пределы своему существованию во времени; также точно имеют и свое начало, т. е. каким-нибудь образом да произошли, и это происхождение видов повторялось большое число раз. Знаем, что они имеют и свой конец, — вымирают, что также повторялось огромное число раз. Но за отсутствием всяких наблюдений и опытов над этим процессом происхождения, этот процесс находится пока вне области положительной науки. Поэтому Дарвиново учение, с точки зрения положительной науки, не имеет ровно никакой цены. Это учение, недоказанное путем положительной методой, а, при теперешнем состоянии наших знаний, и недоказуемое, по этому самому и не опровергаемое, т. е. никаким положительным фактом оно не подтверждается. Дарвин предлагает гипотезу, не более, механического объяснения, или точнее, — объяснения, выведенного из случайности; тогда как другие, отвергнув это объяснение, переходят к предуготовленным целям, к телеологии, как Бэр, принимая нисхождение органических существ, изменение форм по некоему внутреннему, присущему в организмах, закону развития, По Келликеру органические образования подлежат тем же законам, как и неорганическая природа. Под законом развития органической природы еле дует понимать то же, что понимает и минералог, когда говорит о законе образования кристаллов, или астроном, говоря о законе тяготения и развития небесных тел. Подобно тому, как в основании образования кристаллов, небесных тел, солнечных систем лежат общие законы, которые производят точнейшие согласования форм в единицах, без того, чтобы между ними существовала генетическая связь; точно также и в царстве животном и растительном может оказываться согласование без того, чтобы непременно необходимо было признавать происхождение всех организмов друг от друга, или медленное преобразование их одного в другой. Так организмы, могущие находиться и на других планетах, напр. на Марсе, в сущности, будут построены так же, как и на нашей земле, и следовать законам образования, как и эти, не происходя от земных, как и следуют органические соединения, усматриваемые на метеоритах. Таким образом, согласование или гармония органического мира может оказываться и без признания их генеалогического сродства, судя по аналогиям с другими разрядами фактов. Органический мир предлагает нам для решения собственно морфологическую задачу. Очевидно, что морфологический принцип, не образуемый, не направляемый средою, но побеждающий ее влияния и заставляющий их служить себе, составляет главное в организмах; этот морфологический принцип образует организмы не в тех только основных чертах, по которым мы отличаем типы животного царства, но и все прочие меньшие группы: классы, отряды, семейства, роды, виды, Недоказанная с положительно научной точки зрения филогенетическая связь между организмами с умозрительной только вероятна, не более. Коренной спор идет только между началами случайности и разумности, и все грозное значение Дарвинизма заключается в признании случайности верховным мировым принципом. Если бы эта случайность могла быть доказана, то разум исчезает из природы, становится плеоназмом, излишним предположением, без которого поэтому можно и должно бы обходиться, и мир, сколько бы он пред нами ни притворялся гармоничным и разумным, был бы, в сущности, царством нелепости. Доказать это и есть задача Дарвиновой философии природы. Провести

решение этой задачи далее приложения Дарвинова начала к зоологии и ботанике принял на себя сам Дарвин, написав особую книгу о происхождении человека. А так как и при этом он не прибегает ни к какому новому принципу, довольствуясь все тем же подбором, то значит он прилагает свой принцип не только к биологической, но и к психической стороне космогонической задачи. Другие приняли на себя труд провести это решение в область астрономии, или точнее космогонии. Таким образом, подбор является всеобъемлющим началом, которое преобразует сущее из хаоса в космос. Дарвинов подбор необходимо отождествлять с началом абсолютной случайности. Изменения, новые органические явления происходят хаотически, без всякой закономерности, без всякой системы и порядка, без всякого определенного направления; они совпадают, согласуются, или не совпадают, не согласуются, с предшествовавшими, старыми органическими явлениями в том же органическом существе, как и в других существах, и с явлениями внешнего неорганического мира, и сообразно с этим остаются, сохраняются, или исчезают, гибнут, и органическое существо становится таким образом мозаикою из взаимно между собою и с внешними условиями совпавших, согласовавшихся случайностей. Случайность, следовательно, обращает хаос в космос, и этой случайности, оказывается, по Дарвину вполне достаточно для произведения такого результата. Но каким жалким, мизерным представляется при этом мир и мы сами, в коих вся стройность, вся гармония, весь порядок, вся разумность являются лишь частным случаем бессмысленного и нелепого; всякая красота — случайною частностью безобразия; всякое добро — прямою непоследовательностью во всеобщей борьбе, и — космос только случайным частным исключением из бродячего хаоса. Подбор-это печать бессмысленности и абсурда, запечатленная на челе мироздания; ибо это замена разума случайностью. Это учение абсолютной случайности имеет значение заместителя или суррогата учения о механической необходимости, так как эта механическая необходимость никогда не могла, и до сих пор не может быть строго проведена чрез всю область сущего ни метафизическим-умозрительным, ни научно-положительным путем. Вот главная причина того восторга, с которым принято было учение о подборе; ибо чего хочется, тому верится... Благо пришла поддержка, откуда ее всего менее ждали, из учения об органическом мире, где всегда неизбежно господствовала идея целесообразности, где хотя на словах и чурались ее, но на деле никогда от нее отделаться не могли. Ненавистная и будто бы не научная телеология заменилась псевдотелеологией, обратившей, очевидно, целесообразность или целестремительность в пустую обманчивую видимость.

Вот причина и того восторга рукоплесканий, от которого не так давно трещали стены и сего храма науки, когда лектор с торжеством читал о каком-то новом открытии, связывающем до сих пор не связанные переходною формою две разновидности, И кому же это мы рукоплескали? Конечно, Дарвину, человеку, который не обинуясь говорит нам в лицо, что мы скоты, не более, что мы обезьяны в существе дела, Мы же что? А мы ничего; мы даже рады, больше того, мы в восторге; мы даже злорадуем в сторону людей, которые продолжают уверять нас: „Да нет же, мы люди, существа разумные, отличные качественно, а не только количественно от скотов и даже от мнимых прародичей наших обезьян“.

Так вот и Дарвина светские же люди начинают опровергать и отвергать, А уж он ли не столб ходячего современного миросозерцания! А подождем еще годов десять, — Дарвиновы поклонники скоро же свергнут его в Лету забвения, как встарь Киевляне свергли в волны Днепра своего обожаемого идола Перуна: выдыбай-де, Боже!

Скоро же будет низвергнут и другой идол нашего русского недомыслия, новоявленный ересеучитель, странно сказать, граф Толстой, этот радикальнейший ученик самых радикальнейших учителей, который с самой ранней поры своей жизни подвергся

отрицательным влияниям, одно за другим надвигавшимся и одно другим сменявшимся, начиная с Вольтера и энциклопедистов и оканчивая позитивизмом и социализмом, а теперь самозванно рядится в хламиду проповедника самоизмышленного им евангелия. Будет низвергнут как потому, что заключает в себе самом непримиримые для светлого и крепкого смысла противоречия, так и потому, что разрушает основы общественного и государственного быта, след., приводит к нетерпимому абсурду как свою пропаганду, так и общественную к ней толеранцию. Будет низвергнут помимо наших опровержений. Впрочем, что он подрывает основы государства, к этому мы когда-либо еще воротимся.

Но пока мы бездействуем в молчании, много христианских душ совертятся в пагубные учения? Да. Так было искони на пространстве всех веков христианской истории, Ереси и всякие лжеучения возникали, истинных христиан от стада Христова отторгали, пастыри скорбели и стадо Христово оберегали, по мере своих сил, Богу содействующу, благодати Божией споспешествующей. *Аз вем сие, — завещавал св. апостол Павел пресвитерам Ефесеким, — яко по отшествии моем внидут волцъг тяжцы в вас, не щадящи стада. И от вас самтех воспанут мужи, глаголющи развращенная, еже огторгати ученики в след себе (Деян. 20:29-30). Подобае в вас и ересем быти, да искусни в вас явлени будут, —* пишет св. Павел к Коринфянам (1 Кор. 11:19). И вот уже с апостольского века начинают возникать массы ересей гностических, докетических, антитринитарских и т. д. С IV века возникают арианство с бесчисленными оттенками, несторианство, монофизитство и т. д. без конца. Массы верующих отпадали, Пастыри и учителя церковные противодействовали повальному увлечению разнообразными способами, Но многие ли писали в опровержение ересей? Пишут, сколько известно, св. Ириней, св. Ипполит, Тертуллиан, кто в Галлии, кто в Италии, кто в Африке, разделенные между собою расстоянием больших пространств и веками времени. В IV веке пишут Афанасий почти один на всю Африку, Василий великий и Григорий Богослов одни на всю Азию, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст одни на всю Византию, да и Европу, Да и при том многие ли могли слышать их? Многие ли могли читать их произведения при тогдашней трудности сообщения и распространения письменных творений? Но пришло свое время, и промысл Божий разом смел с лица земли все обуревавшие церковь ереси, так что чрез каких-либо два века не осталось ни следа могучей рациональной ереси арианства; а за нею, не долго спустя, понеслись и прочие ереси в пучину забвения, оставив след разве только на страницах истории,

Теперь, начиная с половины XVIII века, христианский мир представляет страшную, можно сказать небывалую свалку всяких антихристианских учений, воздымаемых превозношением ума, гордостью пустозвонных умозрительно-философских и научно-умозрительных теорий. Однако же взглядываясь назад, можно усматривать, что это в Европе пока еще продолжается небывалое сумасбродство умов, болезненно возбужденных французскою революцию, которая пока еще, увы! не кончила даже первого века своего пагубного существования. А взглядываясь вперед, можно предусматривать, что эта толчея взаимно уничтожающих одна другую научно-философских теорий весьма похожа на римские навмахии, в которых десятки тысяч воинов, все обреченные на смерть, бились, чтобы побить друг друга до последнего человека, для развлечения римского цезаря и кровожадного пустомыслия публики. Побьют друг друга и погибнут с шумом, Если же этой самоубийственной, погубительной для всех и всего свалке суждено и усиливаться к концу веков, то мы этого не отвратим. Это предсказано Господом Иисусом Христом, древними пророками и апостолами. Предсказано, что как древле быша лживии пророцы, так и среди нас будут лживии учителя, иже внесут ереси погибели, искуписьшаю их Владыки отметающеся, приводяще себе скору погибель. И многие последуют их нечистотам, — ихже ради путь истинный похулится. И в преумножении лъстивых словес

*многих уловят: ихже суд искони не коснит, и погибель их не дремлет* ([2 Пет. 2:1-3](#)),

Впрочем, будем надеяться, что Европейский христианский мир, внося глубокую анархию в умы, еще не совсем дожид до окончательного разложения; что настанут еще времена мирные, во-первых, для умов и общественной мысли, для сердец и стремлений, а затем и для благоустройства и счастья народов. Помолимся Богу, помолимся исконному ратоборцу, вековечному поборнику Русские земли, святому благоверному князю Александру Невскому, да дарует Господь благоденственное и мирное житие, во-первых, тезоименитому ныне Благочестивейшему Самодержавнейшему Великому Государю нашему Императору Александру Александровичу, а в Нем, в Его вере, в Его твердости, в незыбленной преданности свято-отечественным заветам, залог всякого благопоспешения и боголюбивому российскому народу, Аминь,

## Поучение II. О трех старцах, и о том, что должно изучать и знать веру христианскую

В церкви Одесского Епархиального женского училища, в храмовой день иже во святых отца нашего Димитрия, Митрополита Ростовского.

Глаголет писание: близ ти глагол есть, во устех твоих и в сердце твоём, сиречь глагол веры, еюже проповедаем: яко аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердце твоём, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешия. Сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение. Глаголет бо писание: всяк веруай в Онъ, не постыдится. Всяк, иже призовет имя Господне, спасется. Како убо призовут, в ИИегоже не вероваша? Како же уверуют, Его же не услышаша? Како же услышат без проповедающаю ([Рим. 10:8-14](#))?

Не так давно кто-то прислал на мое имя, в безыменном пакете, № газеты (Нива, № 13, 1886 г.), в котором помещен известный рассказ новоявленного ересеучителя графа Льва Толстого: „О трех старцах“. Я уже читал его прежде, Но, получив эту безыменную посылку, я задумался, чтоб это значило? Что хотел сказать именно мне пославший аноним? Без сомнения тоже, что хотел сказать всей христианской России именитый ересеучитель, распространитель этого рассказа, „Вот-де ты, представитель, сторонник и горячий проповедник умственно-религиозного просвещения народа, — о чем ты хлопочешь, из-за чего суетишься! Вот что нужно, вот чего довольно яко бы для высокого нравственного совершенства и для спасения“.

Содержание рассказа известно. Распространяли его ретиво.

Плыл на корабле архиерей из Архангельска города в Соловки. На пути узнал от спутников простецов, что на одном из близ лежащих небольших островов спасаются в безвестности три старца, якобы Божьи люди. Архиерей пожелал посетить этот остров, чтобы увидеть этих Божьих людей, На вопрос архиерея; „Как вы спасаетесь и как Богу служите?“ — старцы отвечали: „Не умеем мы, раб Божий, служить Богу, только себе служим, себя кормим“, — „Как же вы Богу молитесь?“ — Ответ: „Молимся так: трое вас, трое нас, помилуй нас“. — Архиерей сказал: „Это вы про Святую Троицу слышали, да не так вы молитесь; хотите угодить Богу, да не знаете, как служить Ему, Не так надо молиться, а слушайте меня, я научу, Не от себя буду учить вас, а от Божьего Писания научу тому, как Бог повелел всем людям молиться Ему“. И начал архиерей толковать старцам, как Бог открыл себя людям. Растволковал им про Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого и сказал: „Бог сам сошел на землю людей спасти и научил всех Богу молиться, Слушайте и повторяйте за мной“, И архиерей говорит: Отче наш... И весь день до вечера потрудился с ними архиерей: и десять, и двадцать, и сто раз повторял одно слово, и старцы твердили за ним. И путались они, и поправлял он их, и заставлял повторять сначала. И не оставил архиерей старцев, пока не научил их, пока не прочли они молитву Господню сами. Тогда простился архиерей со старцами, поклонились ему все в ноги. Но когда плыли на корабле дальше, видит сам, видят при лунном свете и другие, что старцы в свете за ними по морю, как по суху, бегут и ног не передвигают. Подошли к борту корабля и заговорили в один голос: „Забыли, раб Божий, забыли твое учение. Пока твердили, помнили, перестали на час твердить, одно слово выскочило, забыли, все рассыпалось. Ничего не помним, научи опять“. Перекрестился архиерей, перегнулся через борт к старцам и сказал: „Доходна до Бога ваша молитва, старцы Божии, Не мне вас учить, Молитесь за нас грешных“. И поклонился архиерей в ноги старцам. И остановились старцы, повернулись, и пошли назад по морю. И до утра видно было сияние с той стороны, куда ушли старцы.

Как видите, такого события на деле никогда не было. Это легенда, не более, и вовсе не благочестивая легенда. Это сказка, не более, хотя и довольно распространенная сказка,

излюбленное произведение народной фантазии, в роде любимой, общераспространенной сказки об Иване-дурачке. Только в рассказе о трех старцах древне-языческая сказка об Иване-дурачке приурочена к христианским искаженным понятиям. Та и другая сказка представляет в себе поэтизирование русского народного невежества: „ни читать-де, ни писать, а тут на царство садят“. В легенде-же о трех старцах даже больше того: ни читать, ни писать не умеют, даже больше того, ровно ничего не понимают, как пни деревянные, далеко хуже сказочного Ивана-дурачка, однако же и царство небесное улучают, и кроме того еще в теле на земле прославляются паче самого Христа, по морю ходят, яко по суху, лучезарным фаворским светом проникаются, так что и лунный и солнечный свет затмевают, Это нелепейший апофеоз величайшего народно-русского невежества, во-первых в вере. А этим словом, что это легенда, сказка — не более, сказано все.

Тем не менее, смысл ее глубок, Русский человек часто ничего в вере христианской не понимает; по смыслу же сказки, и не нужно понимать ему, безусловно, ничего. Никаких молитв нередко не знает и не понимает, — и не нужно ему знать, не нужно разуметь, безусловно, ни одной молитвы; достаточно вместо молитвы лепетать какую-либо бессмыслицу, в роде: „трое нас, трое вас, помилуй нас“; или в роде: „это Тебе, Боже, а это мне“, как рассказывается, будто один подвижник подвизался только тем, что непрерывно перепрыгивал через пень, и при одном прыжке повторял: „это Тебе, Боже“, а при другом: „а это мне“, а все же спасся и угодил Богу. Здесь тот же апофеоз темного невежества, Нередко русский человек к церкви принадлежит только по имени, или даже вовсе не принадлежит (как раскольники, хлысты, как граф Лев Толстой), в церковь не ходит, от таинств уклоняется или даже отвращается, — и не нужно ему, по графу Толстому, ничего этого: не нужно приступать к таинствам, не нужно ходить в церковь, не нужно принадлежать к церкви Христовой. Иногда русский человек не умеет и не хочет служить ни Богу, ни людям, служит только себе, да и себе-то служить не умеет, нимало не заботясь и даже не помышляя о едином на потребу, работает исключительно на свое чрево, живет единственно только, чтоб кормиться, как скоты бессловесные, как те три старца: „не умеем, раб Божий, служить Богу, только себе служим, себя кормим“. А по графу Толстому, так тому и следует быть: так и следует русскому человеку не уметь служить ни Богу, ни людям, а служить только себе; да и себе служа, не помышлять о душе, заботясь только о чреве; не заботиться о едином на потребу, о хлебе духовном, о духовной жизни, а только о хлебе для живота, о корме животном, чтобы только прокормиться. Как видите, это — идеализация, культ чрева. Почему оно в просторечии и переименовано животом. При чем высшее понятие, старинное — живот, жизнь, с течением веков, спустилось в русском скудомыслии в низменное понятие живот — желудок, чрево; а чрево, наоборот, возвысилось в живот: во чреве живот, во чреве вся жизнь и вся цель жизни. Увы! Так было, так есть, а граф Лев Толстой хочет, чтоб так было и вперед и всегда: умственного развития никакого, заботы о душе никакой, а лишь бы прокормиться... Скотство — цель жизни! Скотоподобие-высшая степень нравственного совершенства!

Опровергать ли главную мысль этой сказки? Доказывать ли, что нужно христианину знать свою веру? Нужно молиться, знать и разуметь молитвы? Нужно приступать к святым таинствам? Нужно ходить в церковь? Нужно принадлежать к церкви Христовой? Что это угодно Богу, что этого требует сам Христос?

Для чего же иначе Христос приходил на землю проповедати евангелие царствия Божия? Для того ли, чтоб люди не слушали и вовсе не разумели Христовой проповеди, как те старцы? Для того ли Христос научил учеников молитве Господней, чтоб ученики ни слова из этой молитвы не выразумели и даже не запомнили, как те старцы? Ведь Христос именно *учил* своих учеников молитве, изрекая молитву Господню, вследствие просьбы одного ученика: *Господи,*

науци ны молитися, якоже и Иоанн науци, ученики своя ([Лук:11, 1](#)). Господь повелевает всем своим ученикам молиться молитвою Господнею: *сице молитесь вы: Отче наш* и т. д. Ужели Христос повелевает для того, чтобы мы не исполняли, — учит молитве Господней, чтоб бросили ее и совсем забыли? Ужели Он вообще учил учеников своих для того, чтоб они не вникали в Его учение? Ведь если вникнуть в одну молитву Господню: *Отче наш*, — то можно усвоить себе все христианское учение в самой возвышенной тонкой и таинственной стороне. А несомненно, что молитву Господню преподал сам Христос, Ужели Он просвещал умы своих учеников и естественным способом учения и сверхъестественным озарением для того, чтоб они ничего не поняли, и напрасно говорил: *вам дано есть разумети тайны царствия небесного* ([Матф. 13:11](#))? За что же Он так часто и так тяжело укоряет Иудеев в том, что они *видяще не видят, слышаще не слышат и не разумеют* ([Матф. 11:13](#))? За что же Он укоряет нередко и ближайших учеников своих в недомыслии и неразумении ([Матф. 16:23](#); [Марк:8, 33](#); 10, 38; 10, 14; [Лук. 24:25](#); [Иоан. 14:9](#) и т. д.)? Как же это Христос Господь и в предсмертной молитве своей говорит Богу Отцу: *се есть живот вечный, да знают Тебе, единого истинного Бога и егоже послал еси Иисус Христа... Глаголы их же дал еси Мне, дах им: и тии прияша и разумеша воистину, яко от Тебе изыдох, и вероваша, яко Ты Мя послал еси* ([Иоан:17, 3-8](#))? Ужели и после этого позволительно не знать ни Бога Отца, ни Бога Сына, не разуместь глаголов Бога Сына, не разуместь даже того, что и как Он низшел от Бога Отца, а все же оставаться учеником Христовым, сделаться даже праведником, прославиться праведностью еще на земле? Ужели Христос Господь напрасно изрекал последнюю свою заповедь святым апостолам: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мате. 28, 19—20)? Ужели и после этого позволительно не знать даже того, что мы крещены во имя Отца и Сына и Святого Духа, позволительно не знать ничего, что Христос заповедал, позволительно не уметь прочесть даже: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа*, как не умеют старцы, заменив эту кратчайшую молитву нелепым бормотаньем: *трое нас, трое вас, помилуй нас*? Ведь это извращение всякого здравого смысла, извращение основного христианского здравомыслия. Ужели Христос заповедал апостолам: *шедше в мир вес, проповедите евангелие всей и всякой твари* ([Марк. 16:15](#)) для того, чтобы вся и всякая тварь считала себя в праве не слушать, не разуместь, не усвоить себе евангельскую проповедь? Ужели, посылая апостолов в мир весь, Христос повелел им разьяснять повсюду, что надобно исполниться на Нем всему написанному о Нем в законе Моисеевом, у пророков и в псалмах, что и как подобало пострадати Христу, и воскреснути из мертвых в третий день, и проповедатися во имя Его покаянию и отпущению грехов во всех народах, начиная от Иерусалима, повелел апостолам быть свидетелями всему тому, как все это на их глазах совершилось ([Лук. 24:44-48](#); [Деян. 1:8](#); 2, 21—22), — для того, чтоб люди заткнули себе уши, и не слушали апостолов Христовых и ничего из их проповеди не ведали, как те три старца?!

Евангелист Лука описывает по порядку то, что предали нам бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова Божия, Иисуса Христа, — описывает, по тщательном исследовании для того, чтоб мы узнали тверже основание того учения, в котором наставлены ([Лук:1, 1 4](#)). После этого ужели мы в праве святое евангелие не читать, не желать убедиться в его истинности и даже не получить самого первого оглашения в истине Христовой, как те старцы?! Евангелие Иоанново написано, дабы мы уверовали, что Иисус Христос есть Сын Божий, и, веруя, имели жизнь вечную во имя Его ([Иоан. 20:31](#)). Ужели, тем не менее, мы уполномочены евангелие Иоанново так же, как и Лукино, не читать, во Христа Иисуса Сына Божия не веровать, ничего о Нем не слышать и не знать?! Святый апостол Петр возбуждает нас напоминанием о пришествии Господа нашего Иисуса Христа, быв очевидцем Его величия, и побуждает обращаться к слову пророков, как к светильнику, сияющему во мраке мира ([2 Пет.](#)

[1:12-19](#)). А мы смеем уполномочить себя напоминаний первоверховного апостола не слушать, пророков не читать и вовсе о них не знать, как те старцы?! Нет, это умопомешательство у графа Льва Толстого.

Оставим его пока; а послушаем святого апостола Павла о том, нужно ли знать веру, можно ли спастись без этого знания? У св. Павла вопрос этот рассматривается обстоятельно, „Что говорит о сем ветхозаветное писание“? спрашивает св. апостол. — Говорит! „близко к тебе слово, во устах твоих и в сердце твоём, то есть, слово веры, которое мы проповедуем“. Итак, проповедуемое Духом Божиим в слове Божиим слово должно быть не только в сердце, но и в устах верующего, ищущего спасения, „Если устами своими будешь исповедывать Иисуса Господом“, — продолжает св. апостол, — *и сердцем своим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасется*“. Значит, и обратно: спасешься, если не только сердцем будешь веровать в Господа Иисуса, но и устами исповедывать свою веру. „Сердцем бо веруется в правду, — продолжает св. апостол, — *устами же исповедуется во спасение*“, т. е. достигнешь оправдания, когда будешь веровать сердцем, и спасения, когда будешь исповедывать устами. „Ибо писание говорит“, — продолжает св. апостол, — всякий, верующий в Него, не будет постыжден. Спасется всякий, кто призовет имя Господне, Но как призывать Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего? „Итак, — заключает св. апостол, — вера от слышания, а слышание от слова Божия“. И вот, по апостолу, имеется слово Божие письменное и устное. То и другое возглашается посланниками Божиими. Их проповедь нужно и должно выслушать, уразуметь и принять. От слышания евангельской проповеди рождается вера, рождается в сердце. Родившуюся в сердце веру должно исповедать устами. Она-то вера сердечная породит оправдание, а исповедание веры поведет ко спасению. Кто же не имеет веры в сердце и не исповедует ее устами, тот и не спасется. Значит, не спасется, кто не слушает евангельской проповеди, не разумеет ее умом, не питает ее в сердце и не исповедует устами. А такова ли вера старцев: „Не умеем служить ни Богу, ни людям; не ведаем ни одной молитвы; молимся так: трое нас, трое вас, помилуй нас“?!

Но ведь есть же на Руси немало людей, которые вовсе не разумеют Христовой веры и никак не умеют исповедать ее устами? Увы! явление крайне грустное, однако же, бесспорное. Я сам встречал на Руси много людей, которые о Господе Иисусе Христе не имеют никакого понятия, о лике Его никакого представления, о словах молитв почти никакого разумения; встречал немало людей, которые не знают молитвы Господней, даже Иисусовой, даже сей краткой символической: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь*. При этом приходилось задаваться безмерно прискорбным вопросом: какой веры эти люди, тем более что они и сами не знают, или точнее, не умеют сказать, какой они веры. Но я отвечаю за них: они, несомненно, православной христианской веры, потому что принадлежат к православно-христианской церкви и разделяют веру этой церкви, участвуют в ее молитвословиях, приступают к ее таинствам; постигают смысл всего этого, не всегда умом, но постигают сердцем, так как помимо ума имеется в нашей душе более глубокий способ постижения тайн веры, способ постижения именно сердцем, как, например, дети и простые благочестивые люди сердцем далеко глубже постигают внутренний смысл пасхальной песни: *Воскресения день! просвятимся, людие!*, чем постигают умные своим умом. Не всегда способны простые люди исповедать свою веру, т. е. точно выразить ее смысл собственными устами, независимо от стороннего руководства; но исповедуют под руководством церкви, повторяя вместе с ней и за ней в душе и собственными устами: *Господи помилуй. Боже! милостив буди мне грешному. Верую во единого Бога Отца Вседержителя. Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго* и т. д. Такая-то простота нашего простого православного люда слишком далеко отстоит от самозаключенного идиотства трех старцев, которые или от роду не знали ничего, или же все в своей отрешенности от мира

забыли; которые ни в богослужении церковном, ни в таинствах не участвовали; у которых не имеется ни только никаких слов для исповедания веры в Бога христианского, но никаких и понятий христианских, никакого содержания веры.

А что благодать Святого Духа, витая в церкви, врачует немощное и недостающее восполняет в ее членах, об этом послушаем опять же св. апостола Павла, „Братие! блюдите единение духа в союзе мира. Едино тело есмы, един Дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего. Едина вера у нас; едино крещение, един Бог и Отец всех, иже над всеми и чрез всех и во всех нас. И Он поставил одних апостолами, других-пророками, иных — евангелистами, иных — пастырями и учителями, к совершению святых, в дело служения, для созидания тела Христова, т. е, церкви; доколе все приидем во единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова: дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения; но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть Глава, Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращения для созидания самого себя в любви, в любви каждого и всех ко всем ([Ефес. 4:4-16](#)). Дары благодати Св. Духа в церкви различны, но Дух один и тот же. И служения различны, а Господь один и тот же. И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. *Но каждому дается проявление Духа на пользу*, на общую пользу всего тела церкви. Одному дается Духом слово мудрости, другому — слово знания, иному — вера, иному — дары исцелений, иному — пророчество, иному — разные языки. Все же сие производит один и тот же дух на общую пользу тела церкви. Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело: так и Христос и тело Его церкви, Тело состоит не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то ужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны, Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее; дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены, Так и вы все тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; иным дал силы чудодейственные, дары исцелений, управления, разные языки, — на общую пользу тела церкви. Все ли апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Но все призваны действовать на общую пользу церкви ([1 Кор. 12:3-30](#)), Раздающий сии дары единый Дух, чрез это разделение даров благодати разным членам церкви, подкрепляет каждого из них; так что даже когда мы не ведаем, о чем молиться, как должно, сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизглаголанными, Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией ([Рим. 8:26-27](#)). Оказывается, таким образом, по мысли св. апостола, как и по существу дела, что всякий член в теле церкви Христовой нужен, сочувствует и помогает другому: голова нужна ногам, как и всему телу; но и обратно, ноги также нужны голове и всему телу. Пастыри и учителя, мудрые и сведущие, нужны простецам своей мудростью, своим знанием веры, за то и простецы нужны и полезны высшим членам церкви теплотой, твердостью и детскою простотой своей веры. Простецы помогают пастырям всеобщностью, собирательною силою и глубиною молитвы; а пастыри незримо, не всегда ощутительно, тем не менее, неизбежно содействуют неполной сознательности молитвы простого христианского люда всесторонностью, широтою и глубиною

своего развитого религиозного сознания. Избытком в одних восполняется недостаток в других, и наоборот. Как недостаток в одних, так и избыток в других принадлежит всему телу. А общечеловеческая немощь всех членов церкви возводится в полную меру совершенства благодатью нашего Главы Господа Иисуса Христа, животворящего тело церкви, и неизреченным ходатайством за нас Святого Духа, дышащего в теле церкви. Вне же церкви Христовой духовная смерть, *Аще не снете плоти Сына чловтескаго, ни пиете крове Его, живота не имате в себе (Иоан. 6:53)*, — говорит сам Христос. *Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры и не крестится, осужден будет (Марк. 16:16)*, — говорит сам же Христос, — *Аще кто не родится водою и Духом, не может внити в царство Божие (Иоан. 3:5)*, — говорит опять же сам Христос, А причащаться святым тайнам крещения, евхаристии и другим можно только в церкви Христовой,

Но были же подвижники, отшельники, пустынники, которые спасались вдали от всего мира, как и от церкви? Да, были подвижники, отшельники, пустынники, в роде Павла Фивейского и Марии Египетской, которые по десяткам лет жили вне общества человеческого, желая также пламенно отрешиться от мира, как и наоборот, прилепиться духом к церкви Христовой и самому Христу; которые освящены были тайнами церковными или до отшествия из мира, или же во время самого отшельничества; которые всегда пребывали в духовном общении с церковью, как земною, так и особенно небесною; которые в большинстве, с самыми незначительными исключениями, и селились хотя и в пустыне, и вне общества человеческого, однако же, недалеко от церквей и монастырей, куда по временам и приходили, чтобы причаститься св. Таин, вообще соутешиться общей с другими верою во Христа и укрепиться в духе общей молитвою церкви, С течением же веков, к нашему времени, в самых строгих монастырях, как я слышал от духовных мужей, принимается за правило не поощрять совершенное отшельничество, совершенное отрешение от общения с братией святых обителей, и принимается по важным причинам, вследствие многих духовных опытов; потому именно, что отшельники, при суровом подвижничестве, нередко впадают в крайнее изнеможение не только плоти, но иногда и духа, впадают в духовную гордыню, в тайное самомнение, в духовное мечтание, или же подвергаются подавляющему духу уныния, происходящему также из источника нечистого. Замечают об одиночном заключении, что оно представляет в себе самое тяжкое наказание, сопровождаясь самоубийственным томлением духа, которое оканчивается нередко расстройством всех душевных сил. С другой стороны, известен психологический факт, что люди, по несчастному стечению обстоятельств выросшие вне общества человеческого, без воздействия на их детское сознание сознания возрастного развитого, остаются в большем или меньшем одичании на всю жизнь. Естественно и обратное, когда человек, выросший в обществе людей с детства, удалился бы в юношеском или зрелом возрасте в глубокое уединение на всю жизнь, на долгие годы. Неизбежно за таким отрешением от людей, от воздействия здорового общего сознания на одиночное сознание, неизбежно последовало бы в отрешившемся потемнение его сознания, упадок всяких умственных и нравственных сил и стремлений, ослабление всех вообще душевных сил.

По этому соображению очень возможно, что в основе легенды о трех старцах лежит действительный факт, только факт, приукрашенный народною фантазией. Очень возможно, что три простеца, с крайне скудным развитием религиозного сознания, каковое так обычно в среде нашего простого люда, удалились смолоду на необитаемый остров, допустим, что и для спасения души; прожили там много и много лет до глубокой старости. Там в полнейшем отрешении от общества людей, от действительного общения с церковью, подавленные физической нуждою глубокого одиночества на необитаемом острове, среди суровой и скудной северной природы, они естественно остыли для всех высших порывов человеческой природы;

забыли и думать о том, как это надо служить Богу, а служить людям не имели ни побуждений, ни возможности. Все помыслы у них сузились на низменной заботе, как прокормить себя, чтобы хотя с голоду не умереть. Ясных и твердых религиозных понятий у них не было никогда; а к концу долгого века их бесследно испарились и те, какие вынесены когда-то давно из жизненной среды. Остались у них в памяти только жалкие обрывки самых кратких и употребительных в мире молитв: *Господи помилуй*, и: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа*, остались тусклые следы чего-то такого: помилуй, чего-то такого о трех, о которых, кстати, напоминало то, что и их, и старцев, было трое же. Их беспомощность среди дикой, скудной, суровой природы вынуждала иногда обращение очей горе и молитвенного вопля к небу. Вот и вышло грустное и скудное: *трое нас, трое вас, помилуй нас*. Проще сказать, старцы выжили из ума, сдетинились и одичали. Конечно, по морю, яко по суху, они не ходили и фаворским светом не сияли. А в одичании своем уже неспособны были даже бессмысленно затвердить молитву Господню: *Отче наш...* „Одно слово выскочило, забыли, все рассыпалось“... А граф Лев Толстой, от великого пошатнувшегося ума, хочет и хлопочет, чтоб и вся Русь, отказавшись от веры и церкви, одичала: чтоб забыла даже: *Отче наш...* Не нужно де. И он, увы! учитель многих, очень многих, очень умных, с их стороны учитель желанный, со своей стороны — самозванный.

Дети! Учитесь, чтоб учить. Вот сей ересеучитель учит св. Русь, ни более ни менее, как невежеству в вере, учит, однако же, действуя на умы своим замечательным, хотя и растленным умом. Так действуют и все враги церкви и веры Христовой. Действуют умами же и учением, развращая народный смысл, Поэтому, чтоб и оздоравливать народный смысл, среди современного нездравомыслия, среди повальной заразы шатания умов, нужно действовать на народ умом же, умом здоровым, крепким, правильно развитым и настойчивым. Учитесь же уму-разуму, основывая свое умственное и нравственное развитие на начале премудрости, на страхе Божиим. Аминь.

# Беседа III. О том, что ересеучение графа Льва Толстого разрушает самые основы не только православно-христианской веры, но и всякой религии

В день св. апостола Андрея Первозванного<sup>2</sup>.

Внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам ео одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их ([Матф. 7:15-16](#)).

По плодам узнавайте дерево. По корням, по ветвям не всегда разберете разницу между деревьями. Там незначительная, по-видимому, и незаметная разность, в строении ли частей, в смешении ли соков, — эта разность сопровождается в плодах уже ощутительным, часто огромным различием. По строению, по растворению соков в дереве не вдруг различите яблоню дикую от культивированной. Но какое расстояние между плодами одной от другой! По плодам различите их одну от другой легко. В системе того или другого вероучения корни — это всегда догматы, а плоды — это нравоучение, это практические выводы, это жизненный дух, какой из них развивается, В корнях, в догматах разница кажется иногда кое-кому и не особенно-поразительною) но смотрите, в практических выводах она отразится более или менее резко и откликнется на изменении всего духа жизни так или, иначе, верующего общества. Так папство развило свой жизненный дух. Протестантство — свой. Наш раскол старообрядчества — свой. Духоборчество — свой. Штундизм развивает и еще разовьет свой. Наконец, Толстовщина грозит развитием своего духа, радикально разрушительного духа. Небольшое отклонение радиуса у центра отразится большим отклонением у периферии, и чем больше оно у центра, тем больше, в квадратах и кубах будет больше у отодвигающейся периферии, Чего же доброго ждать от практических выводов графа Льва Толстого, когда он сдвигает самый центр христианства с его основы и силится установить свой новый центр вероучения, вероучения не Христова, а Иисусова? Замечательно, что он избегает имени Иисус Христос, а употребляет почти исключительно только имя Иисус. И вера у него выходит не Христова, а Иисусова, точнее, вера самого Толстого. Каких ждать плодов от его нравоучения, когда он подрывает самые корни истинно евангельского Христова вероучения, и подрывает с самого их основания? Он подрывает корни не только истинной Христовой веры, но и всякой религии, На этом мы и намерены остановить ваше внимание, Будем излагать веру графа Льва Толстого собственными его изречениями,

Метафизическое учение Иисуса, — проповедует граф, — не ново. Основание древнего учения евреев и учения Иисуса одно и тоже — любовь к Богу и ближним, Однако же, сила учения Иисуса заключается собственно не в метафизике, а в приложении метафизической доктрины к жизни. Учение Иисуса не может не быть принято искренним Иудеем так же, как и учеником Конфуция, буддистом, магометанином, как и людьми нашего христианского мира, которые теперь не имеют никакого нравственного закона. Учение Иисуса (разумая учение собственно нравственно-практическое) никаким образом не может противоречить людям нашего века в их мирозерцании, Оно уже наперед согласно с их метафизикой. Предположим, что вы искренний христианин какого бы то ни было вероисповедания, Вы верите в творение мира, в Троицу, в грехопадение и искупление людей, в таинства, в молитвы, в церковь. Учение Иисуса (разумая только нравственно-практическое учение) не только не ниспровергает ваше мировоззрение, но оно абсолютно согласно с вашей космогонией. *Верьте в воскресение, в рай, в ад, в геенну, в церковь, в таинства, в искупление*; молитесь согласно с предписаниями вашей религии, говейте, причащайтесь, пойте гимны, — учение Иисуса (разумая только нравственное)

обязательно для вас, потому что оно есть учение вашего Бога. Предположим, что *вы неверующий, вы философ* какой-нибудь школы. Вы утверждаете, что вещи в мире происходят в силу какого-нибудь открытого вами закона. Учение Иисуса (разумея только нравственное) не восстает против вас, — оно признает открытый вами закон. Предположим, что *вы человек середины, полуверующий, полускептик*, у которого нет времени поглубже понять смысл жизни, и у которого нет определенного воззрения, — учение Иисуса (нравственно-практическое) нисколько не противоречит и вам. *Люди верующие* говорят, что нужно изучить три лица Троицы: нужно знать, какая природа у каждого из лиц, какие существуют таинства, какие из них нужно и не нужно совершать, потому что спасение людей произойдет не от наших усилий, но от Троицы и правильного совершения таинств. *Скептики* говорят: нужно знать, по каким законам совершает свое развитие бесконечно малая частица материи в бесконечном пространстве и времени; улучшение же человека совершится не человеком, а в силу законов, какие мы откроем, *Церковь* говорит: учение Иисуса здесь на земле не может быть осуществлено вполне, потому что земная жизнь есть только отражение истинной жизни; в ней много зла; наилучший способ провести эту жизнь это жить *верой, т. е. воображением*, в жизнь будущую, вечную, и молиться милостивому Богу. Философия, наука, общественное мнение говорят: жизнь зависит от общих законов; и будем уверены, что хотя бы мы жили и дурно, по закону прогресса исторического, социологического и какого-нибудь другого, наша жизнь вдруг сама собою сделается хорошою. Между тем, все они, и церковь и наука, могут согласиться в учении Иисусовом. Как же это так? А вот как. Граф Толстой убежден, что чрез несколько веков история того, что называют умственной деятельностью наших славных последних веков, сделается для будущих поколений предметом, вызывающим неистощимую веселость и жалость. Скажут: в течение многих веков ученые западной части великого континента находились в состоянии повального сумасшествия: *они вообразили себя обладателями вечной жизни*, и неустанно трудились над составлением различных сочинений, имевших целью *точно определить, по каким законам осуществится для них эта жизнь*. Всего печальнее покажется будущему историку то, что он увидит, что у этой группы людей был *один учитель (Иисус), который учил их правилам простым и ясным, точно указывая, что или нужно делать, чтобы сделать свою жизнь счастливою*, и что слова этого учителя были истолкованы одними в том смысле, что этот учитель придет на облаке устроить все, а другими в том смысле, что слова учителя достойны удивления, но мало практичны, и человеческий разум сам должен заниматься исключительно изучением законов этой жизни, не обращая внимания на благо каждого человека в отдельности. Между тем жизнь похожа на ферму, снабженную всем в изобилии для всех людей. Но люди, приходя сюда, дерутся. Избитые, голодные они оставляют ферму, то есть умирают, принимая ферму за гостиницу, *вообразивши, что обещанная ферма, вполне устроенная, будет где-то в другом месте...* О, если бы люди, — восклицает граф-проводник, — перестали стремиться к своей гибели и ожидать, что кто-нибудь придет к ним на помощь, наприм., Христос на облаках при звуке труб! Или о, если бы они перестали ссылаться на какой-нибудь закон истории, закон прогресса, по которому жизнь улучшится сама собой! *Никто не придет им на помощь*, если они не будут помогать сами себе. А чтобы помогать самим себе, *не нужно ждать ничего ни от неба, ни от земли*, а нужно только перестать трудиться для своей собственной гибели. Короче и яснее, *никакого личного бессмертия на небе нет. А нужно всем трудиться над устройством общечеловеческого счастья здесь на земле*. В этом последнем выводе все, как верующие, так и неверующие, могут согласиться.

В „религии» графа прямо говорится, что *ожидать новой лучшей жизни, той жизни, в которой будет доступно человеку ближайшее общение с Богом, блаженство личности, рай, мы не должны*. Жить по природе, работать мускулами преимущественно и умереть — вот

нормальная задача, цель человеческого бытия. Этого взгляда будто бы держались все мудрецы древности, и особенно Иисусе, глаголемый Христос.

Жизни индивидуальной, личной, — проповедует граф, — всегда угрожает смерть. Жизнь, как жизнь личная, не только не имеет для каждого из нас, взятого в отдельности, никакого смысла, но напротив, она жестокая насмешка над сердцем и разумом. Секира лежит у корня всякого дерева: смерть, гибель подле каждого из нас... Если вы трудитесь для одного себя, для вашего личного будущего, то знайте, что вас в будущем ожидает смерть. И эта смерть разрушит все, все лично для вас, Следовательно, жизнь для себя не может иметь никакого смысла. Разумная жизнь должна быть отлична от этой жизни. Она должна иметь в виду иной предмет, чем бедная человеческая личность. Истинная жизнь есть та жизнь, которая прибавляет к благу, собранному поколениями прошедшими, которая умножает это наследство в настоящем и завещает его поколениям будущим. Из всех евангелий видно, — проповедует граф, — что (будто) Иисус учил только этой жизни. „Иисус“ (будто) „не только никогда ничего не говорил в подтверждение индивидуального воскресения и индивидуального замогильного бессмертия, но напротив, всякий раз, когда встречал это суеверие, внесенное в эту пору в Талмуд, и которого даже „следа“ (будто бы) нет у еврейских пророков, Он“ (будто бы) „непреренно отрицал его... Иисус (будто бы) „никогда и нигде не говорил о своем личном бессмертии... Иисус противопоставляет личной жизни“ (будто бы) „не жизнь замогильную, но жизнь общую, которая сливается с настоящей, прошедшей и будущей жизнью всего человечества. Продолжаемость жизни в потомстве одного народа сомнительна, потому что самый народ может исчезнуть. Продолжаемость жизни, по учению Иисуса, принадлежит всему человечеству, и она несомненная, Вера в личное бессмертие, в будущие награды и наказания не только не облегчает понимания учения Иисуса, а напротив, отнимает у него его главное основание, Вся доктрина Иисуса состоит в учении отречься от личной жизни, которая есть химера, и вводит эту личную жизнь в общую жизнь человечества, в жизнь Сына человеческого, которая одна бессмертна несомненно. Но учение о бессмертии души индивидуальной не только не располагает к отречению от личной жизни, а напротив, закрепляет индивидуальность навсегда, По понятиям Иудеев, китайцев, индусов и всех людей, не верующих в догмат падения, искупления, жизнь есть жизнь; она такова, какова она есть. Человек живет: вступает в брак, рождает детей, воспитывает их, стареется, умирает. Его дети вырастают; они продолжают его жизнь, которая таким образом без перерыва переходит из одного поколения в другое, Жизнь есть жизнь, и нам нужно пользоваться ею, как можно лучше. Жить для себя одного, животной жизнью, неразумно. Посему люди, как начали существовать, ищут целей бытия вне самих себя: они живут для своих детей, для своего семейства, для народа, для человечества, для всего, что не умирает с жизнью личности... Это и значит жить для истинного бессмертия Оно единственно и исключительно в неумирающей жизни всего человеческого рода, в жизни Сына человеческого“. По графу, „только церковь выдумала химеры. Иисус (будто бы) не говорил о будущей жизни“; Ему даже неизвестно учение о падении Адама, о вечной жизни в раю, о бессмертной душе, вдохнутой Богом Адаму. „Иисус (будто бы) говорил только о жизни такой, какова она есть и будет для людей“. Я знаю, — проповедует граф, — „что моя жизнь с точки зрения моего индивидуального счастья, моя жизнь, взятая отдельно, есть величайшая бессмыслица, и что это глупое существование окончится такою же глупою смертью. Но моя жизнь и моя смерть будут иметь смысл для жизни всех.

Таким образом, как мы видим, граф Лев Толстой отвергает основной догмат не только христианства, воскресение Иисуса Христа, но основной догмат и всякой религии, учение о загробной жизни, В тоже время граф продолжает настаивать, что его учение есть единственное истинное учение Иисуса. На каком же основании он это утверждает?

„Истинное евангельское учение“, — проповедует граф, — „открыто мне не систематическим, методическим изучением его, а каким-то внезапным озарением. Я нашел ключ к истинному смыслу учения Иисуса. С моего детства, с тех пор, как я начал читать евангелие, меня всего более трогала та часть доктрины Иисуса, где он учит любви, смирению, уничтожению, отречению и обязанности не воздавать злом за зло. Такова была всегда для меня сущность христианства; мое сердце признавало тут истину, несмотря на мой скептицизм и мое отчаяние. Обратившись к религии и сперва подчинясь церкви, я заметил, что я не нашел в ее учении подтверждения этой самой сущности христианства. Церковь, кроме внутренней стороны — любви, смирения, самоотречения, признает в христианстве внешний смысл, догматический. Этот смысл чужд для меня, даже отталкивает меня. В учении церкви меня отталкивали странность ее догматов и ее одобрение, поддержка, какую она оказывала преследованиям, смертной казни, войнам, возбуждаемым взаимною нетерпимостью всех церквей. Но особенно поколебали мою уверенность к церкви индифферентизм церкви ко всему, что мне казалось в евангелии существенным, и ее пристрастие к тому, что мне казалось второстепенным. Церковь не давала мне того, чего я ожидал от нее. Я перешел от нигилизма к церкви единственно потому, что я чувствовал невозможность жить без религии, т. е. без знания того, что добро и что зло. Но церковь предлагала мне правила, в которых я не находил той практики христианской жизни, которая была мне так дорога. Правила церкви касательно членов веры, догматы, соблюдение таинств, посты, молитвы не были для меня необходимы, и я не видал тут правил, основанных на истине христианской. Всего более меня возмущало то, что все бедствия человечества, обычай судить друг друга, судить нации и религии, войны и убийства, которые были следствием этого, все это делалось с одобрения церкви. После многих сомнений и страданий, я снова остался один с моим сердцем и с таинственной книгой евангелий. Мне не удавалось ни найти в этой книге того смысла, какой находили в ней другие, ни открыть тот смысл, которого я искал; а еще менее я мог отказаться от этого искания. Я только тогда вдруг сразу понял то, чего не понимал прежде, когда бросил объяснения ученой критики и теологии, по слову Иисуса: *если вы не будете, как маленькие дети, вы не войдете в царство небесное*. Я понял все, потому что забыл всякие комментарии. Ключом ко всему послужило слово Христово: *„не противиться злу, которое хотят вам сделать“*. Лишь только открылся предо мною точный и простой смысл этих слов, я понял, что Иисус говорит ни более, ни менее, как именно то, что Он говорит. И тотчас я увидел, как ниспало все, что затемняло для меня истину, и истина явилась мне во всем своем величии. Лишь только я постиг простой и точный смысл этих слов, как вдруг для меня стало ясно все, что было темно во всех четырех евангелиях.

И вот переделывая четыре евангелия в одно, — говорит граф, — „я старался методически, шаг за шагом, рассеять тот туман, который скрывал от людей истину; я переводил снова стих за стихом четвероевангелия, сравнивал их, соединял их в новую конкорданцию; исправлял заблуждения« (это в евангелиях заблуждения!), *„Все другие толкователи, как принадлежащие к церкви, так и свободомыслящие, нелепо представляют учение Иисуса. Толковники церковные преувеличивают значение личности Иисуса, смотрят на него, как на Бога, тогда как, по учению графа, Иисус, как личность историческая, был просто бедняк, который имел обыкновение высказывать нравственные сентенции. Его подвергли бичеванию и предали позорной смерти“* (граф употребляет о страданиях и смерти Иисуса Христа выражения резкие и низменные). *„А потом этого бедного равви стали считать Богом“*. Учения Его не только никто из окружавших Его, но и после, до самого обращения графа Толстого к религии, никто не понимал, хотя почти все цивилизованные народы стали и до последнего времени состояли христианами. Новейшие же свободомыслящие, в своих суждениях об Иисусе, противоречат ясному свидетельству истории, отвергая значение дела, совершенного Иисусом. Граф просит читателя помнить, что

то, что отталкивает его, читателя, и что представляется ему, читателю, суеверием, то не есть учение Иисуса; что Иисус не может быть повинен в том безобразном предании, которое приписали к Его учению и выдавали за христианство“, т. е. граф уполномочивает не только себя, но и всякого читателя исключать из евангелия все, что угодно, что не нравится ему, всякому читателю! На этом основании прежде всех сам граф выбрасывает из св. писания нового завета все высокое и чудесное. Выбрасывает богооткровенные истины богословия, психологии и проч., потому что они не согласуются с его разумом, почему и причисляются к разряду суеверий. Повторяя постоянно, что нужно держаться истинных буквальных слов евангелия, а не тех, которые приписываются Иисусу толковниками, граф приводит слова Христовы в произвольном виде. Так, напр., в евангелии ([Мат. 18:6](#)) говорится: кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской; но граф это место читает так: „соблазнить ребенка так же дурно, как повесить тому ребенку жернов на шей и бросить в воду. Трудно, чтобы он выплыл, а скорее потонет» (ребенок!). Там же в евангелии (ст. 15—17) читается: „аще и церковь преслушает, да будет тебе якоже язычник и мытарь“; у графа же это место читается так: „если же не послушает обидевший тебя и церкви, то прости его“. Там же (ст. 18) в евангелии читается: истинно говорю вам, что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе; у графа же читается: „ведь вы сами знаете, что как завяжетесь на земле, таковы и будете пред Отцем. А коли развяжетесь на земле, будете развязаны и пред Отцем“, Бессмыслица, но это для графа неважно. Начало евангелия у Иоанна: в начале бе Слово .. превратилось у графа в следующую бессмыслицу: „в основу и начало всего стало разумение жизни. Разумение жизни стало вместо Бога. Разумение жизни есть Бог!“ — в бессмыслицу, однако же, крайне тенденциозную: „разумение жизни стало вместо Бога! Бог есть разумение жизни!“ не больше того. А так как личного высочайшего Бога у графа Толстого не оказывается, то вот его суждение о существенном содержании евангелия: 1) человек есть сын бесконечного начала, сын Отца, но не личного Бога, сын не плотью, но духом; 2) и потому человек должен служить этому началу, Отцу и Богу (но не личному) духом (не таинствами, не богослужением, не молитвами); 3) жизнь всех людей имеет божественное начало: она одна свята;

4) и потому человек должен служить этому началу в жизни всех людей, — это воля Бога (безличного). Жизнь всех людей единственная достойная поклонения святыня;

5) истинная жизнь есть только в каждый миг настоящего; обман жизни во времени, жизни прошедшего и будущего, т. е. вера в вечность личного Бога, как и надежда на личное бессмертие скрывает от людей истинную жизнь настоящего; 6) и потому человек должен стремиться к тому, чтобы разрушить обман прошедшего и будущего (обманчивую надежду на вечную премирную жизнь); 7) истинная жизнь есть жизнь настоящего, общая всем людям. И 8) потому живущий в настоящем общей жизнью всех людей соединяется с Отцем — началом и основой всей жизни. Оказывается, Отец — это безличное начало и основа всей жизни... И это якобы проповедь Господа Иисуса Христа! Это якобы содержание четвероевангелия! Итак, проповедь об искуплении от греха общечеловеческого, от природной греховности, благовестие живота вечного, словом — Христово евангелие сводится у графа к учению о том, что человеку нужно пользоваться как можно лучше мгновением быстро улетающего настоящего! По графу, в канонических евангелиях Иисус будто бы ничего не говорит о своем воскресении, вообще о воскресении из мертвых. Действительно в графском евангелии не говорится о воскресении потому, что все, что говорится, то зачеркнуто самим графом!

Поставив, таким образом, в своем евангелии, разум на место Бога, провозгласив разум Богом, признав свой разум критерием истины в канонических евангелиях, переделав самое

евангелие по своему разуму, граф, навязывая свое учение своему Иисусу, учит так же думать и поступать и своих последователей, т. е. считать свой разум богом и безусловным судьей всего. Иисус учил людей, — учит граф, — прежде всего, верить в свет, пока свет в них. Иисус учит людей ставить выше всего этот свет разума, жить, руководясь этим светом, — не делать того, на что *они сами смотрят, как на дело противное разуму*. Вы считаете, — проповедует граф, — бессмысленным идти убивать на войне турок или немцев, не ходите. — Вы считаете неразумным запереть в тюрьмы, — не делайте этого. Оловом, не делайте того, что теперь делает весь наш Европейский мир. Вся наша нынешняя общественная жизнь, — учит граф, — негодна в самом своем корне. Вся она основана на *насилии*. От насилия вся наша теперешняя жизнь проникнута развратом. Разврат, по графу, скрывается и там, где его никак не предполагают; он гнездится даже в том, что нынешние люди считают *самым законным пользованием своими правами, или исполнением своих обязанностей: на насилии основана администрация, на насилии основан суд, разврат, производство насилия — вся наша культура, вся цивилизация*. Отсюда граф делает такой вывод: *нужно радикально изменить всю теперешнюю нашу жизнь*, Меры паллиативные, частные улучшения, реформы несколько не помогут; это будут все компромиссы со злом, которое, не уничтоженное в корне, вскоре возникнет снова и возникнет с большей силою, как возвратившаяся болезнь, как усилившееся зло. *Корень всего общественного зла в насилии*. *Нынешнее общество все держится на насилии одного человека над другим*, и оттого оно так несчастно и так развратно. Насилие, на котором держится современное общество и от которого жестоко страдает как всякий член общества, так и все общество людей, налагает, нынешним строем жизни, на каждого обязанность делать зло ближнему, и чрез это делать зло и себе самому. Всякая внешняя сила, самая законная власть, есть насилие, которое должно быть изгнано из человеческого общества. *Итак, нужно уничтожить насилие вообще, везде и всецело*. „Уничтожает насилие“, (т. е. весь нынешний общественный порядок) „вообще, везде и всецело“, это и значит, по графу Льву Толстому, „не сопротивляться злу или злему“. Ясны сколько противоречие графа с самим собою, столько же и *радикально-нигилистическая* в нем тенденция.

Теперь и спрашиваем: что же это за религия, проповедуемая графом Львом Толстым, — религия без Бога и без вечной жизни и бессмертия? Что же это за Иисус, бедный равви, жалким образом казненный и, конечно, никогда не воскресавший, даже не веривший в бессмертие и в личного Бога? Что же это за евангелие, которое пересочинил граф Толстой, вымарав из евангелия все то, что ему, графу Толстому, в подлинном Христовом евангелии не нравится?! Чем же это граф Толстой, поставляющий разум вместо Бога, отличается от первых французских революционеров, посадивших на престоле Божию богиню разума? Проповедуя, что всякая власть есть насилие, отвергая всякие титулы и достоинства, воспрещая присягать на верность Царю и отечеству, далеко ли ушел граф Толстой от французских якобинцев, провозглашавших всеобщую свободу, равенство и братство?! Чем граф Толстой отличается от Герцена, от Чернышевского, от Добролюбова и от всех этих ходяков в народ, русских нигилистов, которые учили, что весь общественный порядок христианской Европы, особенно же России, гнил в самом корне и что его нужно везде и всецело искоренить? Не тем ли только, что наши нигилисты проводили свое учение все же более или менее сдержанно, тогда как граф Лев Толстой проповедует открыто вслух всей России? Не оставляет ли он позади себя всех самых радикальных учителей, проповедуя, что присяга на верность — санкция обмана, суды — зло, войны — преступление, любовь к отечеству — омерзительный продукт бессмысленного воспитания, всякая власть — насилие, которое нужно всячески искоренять, чего не проповедовали ни французские революционеры, ни наши нигилисты? Не почтеннее ли, не благороднее ли графа Льва Толстого даже нигилисты, которые вызывали общество на бой с

собой довольно открыто, рискуя слишком многим и со своей стороны; а сей граф проповедует неслыханные, нестерпимые вещи, странно рассчитывая на общественное русское неразумие, окруженный ребяческим благоговением всей российской интеллигенции, покрываемый непонятною терпимостью тех, кому ведать бы его тенденции надлежало; а что всего наглее — кощунственно выступая в стати якобы благонамеренного, даже горячего христианского проповедника, с простодушным коварством рядясь в тексты священного писания, волк натягивает на себя одежду овчюю и безнаказанно проникает во все углы овчарни?!...

Граф Лев Толстой провозглашает всех современных Европейцев, исповедующих древнюю христианскую веру, сумасшедшими, заключая от частного к общему, от противного, от самого себя; не вернее ли заключить наоборот, от общего к частному, от общего противного к частному противоположному, что он один, считая себя одного здравомыслящим, между тем рассуждая не как все, он-то один и помешался в уме и что в отношении к нему и справедливо и пора принять приличные болезненному поражению его ума меры врачевания?...

Так вот куда, естественно и прямо, в конце концов, заводит отступничество от православной христианской веры. Опыт этого мы видели в русских нигилистах. Опыт того же видим и в графе Льве Толстом. Он начал, как и нигилисты начали, — с корня: с подрыва корней христианской веры, а оканчивает, как и нигилисты, призывом ко всеобщему перевороту, — разрушать основы существующего общественного и государственного порядка, Отступничество от веры — это корень, призыв ко всеобщему взрыву — это плод. Если плод не хорош, поймите, что и корень не хорош. И помните, что от этого дурного корня вырастет всегда и дурное дерево с дурным плодом — всеобщим переворотом.

Потому-то истинный Христос Бог наш и предостерегает нас, верных чад своих, и все наше христоролюбивое отечество и богопоставленных носителей власти Божией на земле: *берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубят и бросают в огонь, по плодам их узнаете их. Не всякий говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в царствие небесное, но исполняющий волю Отца моего небесного. Мне скажут в тот последний день: Господи! Господи! не от твоего ли имени мы пророчествовали и проповедали И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня делающие беззаконие* ([Мат. 7:15-23](#)). Аминь.

# Беседа IV. О том, что нельзя отделять Господа нашего Иисуса Христа, главу церкви, от тела церкви и в частности от святых пророков и апостолов

На день святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

Киими духовными песнями похвалим Петра и Павла, нового завета Богописанные скрижали мысленные, яже в Сионе Христос возгласи?

Стихира дневная.

С горы Синая в ветхом завете Бог возгласил десять основных заповедей своего закона, вслух всего Израиля; затем начертал их собственным перстом на вещественных каменных скрижалях, которые и вручил Моисей для руководства Израилю и всему человечеству. Подобно сему и в новом завете сам Бог начертал свой новозаветный закон на скрижалях же, только не каменных, а мысленных, на сердцах своих апостолов, первоверховных Петра и Павла и всех святых апостолов. А что самим Богом написано на сих мысленных скрижалях, то сам Христос с горы Сионской провозгласил вслух всей церкви Божией и всего света. В этой песни церковной, таким образом, выражена та коренная вера церкви, что сам Христос Бог, святым своим Духом, вдохновлял и просвещал святых своих апостолов, сам говорил их устами, сам писал их перстами и вообще действовал ими, как избранными орудиями своими.

Но в наши дни появилось особое ересеучение, особенно резко выразившееся именно в нашем, сколько обуреваемом сильными, столько же увлекающемся и всякими легкими ветрами отечестве, — ересеучение, которое отделяет Господа Иисуса Христа от апостолов и от церкви и пустословит, что Иисус Христос провозгласил действительно высочайшее, чистейшее, истинно божественное учение; но это учение будто бы изменили, во-первых апостолы, а затем апостольские преемники, пастыри и учителя церковные; будто исказили его до неузнаваемости, обрекая его с течением веков больше и больше, каждый от себя, собственными измышлениями. Оно не ново — это лжеучение. Оно современно самим апостолам, Уже в их пору появлялось много лжеапостолов, которые усиливались принимать личину апостолов Христовых, а об истинных апостолах Христовых внушали, будто они не чисто проповедуют слово Христово ([2 Кор. 2:17](#); 12,13). Это лжеучение особенно резко выказалось в писаниях Цельса язычника, злейшего врага Христовой церкви, еще во II веке. И этого язычника, как и упомянутых лжеапостолов не стыдится повторять в себе именитый наш современник и соотечественник и единоведец, православный христианин по крещению, а теперь ни даже по имени, так как сам отрекается от своей прародительской православно-христианской веры. Напротив, сам включает себя в число страстных и злейших врагов православной церкви, особенно же ее предстоятелей, А толпа — всегда толпа, следует за вожаком, воображая, будто рассуждает, будто следует сознательно, а не по стадному увлечению неразумных овец,

Между тем это ересеучение разрушает один из коренных догматов христианства, — догмат о том, что нельзя отделять Господа нашего Иисуса Христа, как главу церкви, от тела церкви вообще, и во-первых от пророков и апостолов. Такое отделение противно ясному, точному, многократно и многообразно повторенному учению самого Иисуса Христа и всему разуму несомненно подлинного исторического учения святых апостолов.

Верит же главный виновник этого новейшего ересеучения евангелию или дает вид, будто верит. Предварительно заметим, что у новейших ересеучителей принято за правило противопоставлять первых трех евангелистов (синоптиков) четвертому, евангелисту Иоанну, так что одни из еретиков дают предпочтение трем первым. евангелиям, а другие четвертому пред

тремя первыми. Посему и мы проведем изъясняемый нами догмат сперва по трем первым евангелиям, затем по четвертому, При этом увидим, что в четвертом он раскрыт гораздо шире, хотя и в трех первых заложены уже все его основы. Направим наше исследование к разъяснению той истины, что истинные апостолы Христовы и не могли проповедовать иное, как только единственно и исключительно истинное и подлинное учение Христово.

Самим Христом сказано апостолам при самом их призвании: „грядите по Мне, и сотворю вас ловцами человечков“ ([Матф. 4:3](#)), Во-первых апостолам, а затем уже всем ученикам Христовым сказано: „вы есте соль земли. Вы есте свет мира. Не мните, что Я сам пришел разорить закон Моисеев, или учение пророков. Не пришел Я разорить, но исполнить и восполнить. Так и из вас если кто разорит одну из сих заповедей, хотя самую малую, и научит так человеков, малым наречется в царстве небесном“ ([Матф. 5:3-19](#)). Посылая двенадцать апостолов на проповедь, Господь Иисус внушает им: „Не заботьтесь, что и как вы станете говорить: *ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас* ([Матф. 10:20](#)). Если кто не примет вас и не послушает словес ваших, исходя из дома или града того, отрясите и прах от ног ваших. Аминь глаголю вам: отраднее будет земли Содомской и Гоморрской в день судный, иже вас приемлет, Мене приемлет; и иже приемлет Мене, приемлет пославшаго Мя Отца“ ([Матф. 10:14-15, 40](#)). Посылая на проповедь семьдесят других апостолов, Господь Иисус говорит им тоже: *слушай вас, Мене слушает; и отменяйся вас, Мне отменяется* ([Марк. 10:16](#)). Тоже самое внушает Господь святым апостолам и пред смертью своей в речи своей о последних судьбах мира: „не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; *но что дано будет вам в тот час, то и говорите* *ибо не вы будете говорить, но Дух Святой* ([Марк:13, 11](#)). Когда поведут вас в синагоги и темницы, к царям и владыкам, то это прилунится вам во свидетельство, *Положите же себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать. Аз бо дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все, противящиеся вам*“ ([Лук. 21:12-15](#)). Прежде чем воздействовать на апостолов особою чрезвычайною благодатью, прежде чем просветить их чрезвычайною силою Духа Святого, Господь Иисус Христос просто в естественном порядке учил их, как совместно со всем народом, так и особо наедине, их одних. Когда св. апостолы спрашивали Его наедине: зачем Ты притчами говоришь им (народу), — Он в ответ говорил им: „*вам дано от Отца моего разумети тайны царствия небеснаго, а тем не дано* ([Матф. 13:12](#)). Тем внешним все в притчах предлагается, так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают, так как еще не пришло время им обратиться; *ибо одebelело сердце людей сих*“ ([Марк. 14:11-12](#)). Наставляя апостолов всему, что им ведать надлежало, и всенародно, и особо наедине, Иисус Христос и вразумлял их, исправляя ошибочные их воззрения, как апостолов Иакова и Иоанна Зеведеевых ([Марк. 10:35-45](#); [Лук. 9:51-56](#)), или Филиппа ([Иоан. 14:8 - 10](#)), и обличал, как апостола Петра ([Матф. 16:22-23](#)), и предостерегал, как Иуду Искаротского неоднократно. Тем не менее, еще при жизни своей, до сошествия на апостолов Святого Духа, Господь действовал на них по временам и особым благодатным откровением. Так Господь Иисус, после Петрова исповедания Его Христом Сыном Бога живаго, изрек Петру: *блажен еси Симон, сын Ионин! Ибо не плоть и кровь явили тебе сие, но Отец мой, иже на небесех* ([Матф. 16:17](#)), И не одному Петру Бог Отец открывал тайны царствия небесного, но и прочим апостолам. Так, когда семьдесят возвратились с проповеди и рассказывали с радостью своему Учителю, что и духи им повинуются, в тот час возрадовался духом Иисус и говорит в молитвенном обращении к Богу Отцу: „исповедаюся Тебе, Отче,

Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных, *и открыл еси та младенцем. Ибо таково было твое благоволение. И обратившись к ученикам, сказал: все предано Мне Отцем Моим. И кто ест Сын, не завет никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не*

знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть “ ([Лук. 10:21-22](#)), Св. апостолам Он сам открыл, и они знали, кто (есть Отец и кто Сын, Знали потому, что их, как и пророков, послала в мир премудрость Божия, она же их и просвещала и руководила во всем ([Лук. 11:49](#)). По воскресении же своим Господь Иисус особым чудодейственным образом отверз им ум к разумению божественных писаний, причем разъяснял: что надлежит исполниться всему написанному о Нем в законе Мосеевом, и в пророках и в псалмах; что так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему, заключает свою речь Воскресший, Несмотря на такое чудодейственное отвержение их ума, Господь Иисус повторяет им и здесь, пред вознесением, обетование о ниспослании на них просвещающей, освящающей и укрепляющей благодати Святого Духа, прежде чем идти им на проповедь евангелия: *И се Аз пошлю обетование Отца моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше* ([Лук. 24:44-53](#)), и уже после сего идите по всему миру, и проповедуйте Евангелие всей твари. *И се Аз с вами есмь вся дни до скончания века. И они пошли и проповедовали везде. И Господь им содействовал и подкреплял их слово последующими знаменами, дарованною им\*ь силою чудотворений* ([Марк. 16:15-20](#)).

В евангелии св. Иоанна Богослова сей догмат раскрыт во всей глубине и широте, и что особенно для нас драгоценно, раскрыт в цельном образе, в последней прощальной беседе Господа с учениками. Сущность своих отношений к св. апостолам Господь Иисус представляет под образом лозы и ветвей. *„Я есмь истинная виноградная лоза, — учит Он, — а Отец мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Отец отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе — так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви. Без Меня не можете делать ничего, Если пребудете во Мне, и слова мои в вас пребудут. Тем прославится Отец мой, если вы принесете много плода, и будете моими учениками. Не вы Меня избрали, а Я вас избрал, и поставил вас, чтобы вы шли, и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал. Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца моего, и отныне знаете Его и видели Его. Ибо кто видел Меня, видел Отца, Я в Отце и Отец во Мне, Как Я в Отце моем, так и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему сам. И Отец мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня, и уверовали, что Я изшел от Бога. Я изшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир, и иду к Отцу. Но для вас лучше, чтобы Я пошел, Ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю Его к вам, Я умолю Отца, и даст вам инаго Утешителя, да пребудет с вами во век, Духа истины, котораго мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его, а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает, и в вас будет. Не оставлю вас сиротами. Сие говорил Я вам, находясь с вами. Утешитель же, Дух Святой, котораго пошлет Отец во имя мое, научит вас всему, и напомнит вам все, что Я говорил вам, Еще многое имей сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину; ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, потому что от моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть мое, потому Я и сказал, что Утешитель от моего возьмет, и возвестит вам. Когда приидет сей Утешитель, котораго я пошлю вам от Отца, Дух истины, который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне. А также и вы будете свидетельствовать,*

потому что вы пребыли сначала со Мною, как мои самовидцы. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Доселе Я говорил вам притчами, но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возведу вам об Отце. Еще не много, и мир уже не увидит Меня: ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце моем, и вы во Мне, и Я в вас. Амин, аминь глаголю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу моему иду“.

Такие свои наставления св. апостолам об отношении их к Нему, как ветвей к лозе, Господь Иисус запечатлевает последней своей предсмертной первосвященнической молитвою к Богу Отцу, в которой изрекает к лицу Бога Отца: „Я открыл имя твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть, Ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли и уразумели истинно, что Я изшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня. Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя твое; тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил. Я передал им слово твое, и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Но как Ты послал Меня в мир, так и Я посылаю их в мир. Я уже не в мире, но они остаются в мире, а Я к Тебе иду“, Почему Господь Иисус и молит, чтобы Отец небесный „сохранил их в мире от всякаго зла; молит не о всем мире, но о тех, которых Отец небесный дал Ему, об избраннейших учениках, чтобы Бог Отец освятит их истиною своею, освятит словом своим, которое есть истина; чтоб они были едино, как Отец и Сын едино суть молит о них преимущественно, впрочем, не исключительно, молясь и о верующих в Него, во Христа, по слову их, да будут все едино, да разумеет мир, что Ты, Отче, послал Меня, и возлюбил их, как возлюбил Меня, — мир Тебя не познал, а сии познали, как и Я познал Тебя Я открыл им имя твое, и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них пребудет, и Я в них“ Так заключает Господь Иисус Христос свою первосвященническую молитву (Иоан. гл. 14—17),

Оглянемся же теперь назад на учение всех четырех евангелистов, на учение самого Господа Иисуса Христа об отношении к Нему святых апостолов и к возвещенной Им божественной истине, Христову ли истину они возвещали? Могли ли они проповедовать иное, свое, а не Христово учение? Вот они от века принадлежали Богу Отцу, который и предызбрал их прежде сложения мира, Бог Отец дал их своему Сыну, Спасителю мира, который и избрал их от мира, Избрал, чтобы сотворить их ловцами человеков, солью мира, светом мира, Учил их сам, вразумлял, обличал, предостерегал. Учил вместе с прочими учениками, но учил и особо, сокровенно, наедине, как избраннейших своих учеников, как будущих избраннейших учителей мира, проповедников имени Его, как избраннейших посланников премудрости Божественной, Многое открывал им еще при жизни своей на земле особою Божественною своею благодатью, как Петру сам Бог Отец открыл едиnorodного своего Сына в лице Христа Иисуса, открыл, чтобы в лице Петра явить будущий незыблемый камень Христовой церкви, который и врата ада не одолеют. Так и прочим апостолам, еще при жизни Христа на земле, сам Бог Отец открывал в некоторой мере тайны царства небесного, открывал сим младенцам, людям не книжным, простым, утаивая в тоже время сии тайны от премудрых и разумных. По воскресении же своем Господь чудодейственно отверзает им ум разуместь писания Моисея и других пророков, которые все предвозвещали о Нем, о Его пришествии в мир, о Его страдании и воскресении, и о спасении мира именем Его. Теми и другими, естественными и сверхъестественными способами, Господь Иисус открывал избраннейшим своим ученикам имя Бога Отца, передал им слова, которые дал ему самому сам Бог Отец. И они приняли, и уразумели истинно, что Христос изшел от Бога Отца. Но полное уразумение божественной истины Христос обещает им по сошествии на них Духа Утешителя, Духа истины, который наставит их на всякую истину и вспоманет им все, что Христос говорил им при жизни; скажет им даже больше того, что они слышали от Него самого

при жизни; но скажет не свое, но Христово же слово, потому что от Него же примет и возвестит им, потому что Дух Утешитель исходит вечно от Бога Отца, с которым едиnorodный Сын Его едино, как и вси сии трие, Отец, Сын и Святы́й Дух, едино суть, По сошествии же на апостолов Святого Духа, по очищении их благодатью Святого Духа, тогда и апостолы будут едино со Отцем и Сыном и Святым Духом. Тогда Сын Божий прямо возвестит им об Отце. Тогда они и Его самого, Сына Божия, увидят, как теперь, до смерти Его, пока не видят; тогда явится Он им сам, чтобы пребывать с ними во век; тогда и Дух Святы́й, раз сошедши на них, пребудет с ними также во век, чтобы наставлять их на всякую истину. Тогда Христос, как истинная лоза, привьет их к себе, как ветви, и они станут жить Его жизнью, просвещаться его ведением, дышать Его духом, духом истины и правоты, так как Он есть путь, истина и жизнь. Тогда верующие в Него, силою Его, сотворят дела, которые Он сам творил, и больше того сотворят. При жизни своей Христос сам соблюдал своих учеников от мира; а теперь перед смертью Он молит Бога Отца, чтобы сам Бог Отец соблюдал их от мирского зла; молит, чтобы освящал их истиною своею; молит о них особо и исключительно, да будут они едино во Отце и Сыне, чтобы и мир чрез слово их познал, что Отец послал Христа в мир, и чтобы чрез эту веру люди достигали жизни вечной, которая в том и состоит, да знают единого истинного Бога Отца и его же послал Он, Иисуса Христа. Тогда, по сошествии на них Святого Духа, не они, не апостолы будут говорить, но Дух Отца небесного будет говорить в них. Тогда Он сам, Господь Иисус, даст им уста и премудрость, ей же не возмогут противиться или противостати, Тогда они пребудут в Духе Святом, и Он в них; пребудут в Сыне Божиим, яко же Он в Отце, и Отец в Нем, так и апостолы пребудут во Отце и Сыне и Святом Духе, Тогда чрез них Дух Святы́й будет свидетелем Иисуса Христа в мире, и они, пробыв со Христом от начала, как самовидцы Олова, станут также Его свидетелями повсюду, от Иерусалима и до конец земли. Тогда кто примет их, примет самого Христа, а кто отвергнется их, отвергнется самого Христа, Тогда, по сошествии на них Святого Духа, они и действительно изшедше проповедаша слово Христово всюду, Господу поспешествующу, и слово их, как истинное божественное слово, утверждающе последствующими знаменами неисчислимых чудотворений,

Если бы кому недостаточными показались свидетельства первых трех евангелистов в подтверждение истины, что св. апостолы только продолжали проповедь самого Иисуса Христа, не придумывая от себя ничего с ней несогласного, то вот целый ряд поразительнейших доказательств, той же истины в книге Деяний апостольских, написанной писателем третьего евангелия, св. евангелистом Лукою. Вот Иисус по воскресении повелевает апостолам „от Иерусалима не отлучатися, но ждати исполнения обетования Бога Отца, о котором вы слышали от Меня“, — говорил им воскресший Господь, пред самым вознесением, — „Спустя немного дней вы имеете креститься Духом Святым. И когда найдет на вас Святы́й Дух, вы примете силу, и будете для Меня свидетелями во Иерусалиме и во всей Иудеи и Самарии и даже до концов земли“ ([Деян. 1:4-8](#)), Вот один из лика двенадцати, Иуда Искариотский, отпал и погиб; апостолы озабочены восполнением своего священного лика, и первоверховный Петр держит к ним такую речь: *итак надобно, чтоб один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его.* И поставили двоих Иосифа и Матфия и помолились и сказали: Ты, Господи, сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сей, служения и апостольства. И бросили о них жребий» ([Деян. 1:21-26](#)), Итак, что значило принять жребий апостольства? Значило принять назначение-быть свидетелем проповедником, на основании личного свидетельства, воскресения Иисуса Христа и всех Его деяний и учения за все время, когда пребывал и обращался Господь Иисус с апостолами, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который вознесся от них

пред очами их на небо. За сим чрез всю книгу Деяний проходит эта идея, что святые апостолы были именно свидетели жизни, деяний и учения Иисуса Христовых. В этом качестве свидетелей они сами себя признают, и постоянно заявляют, что они свидетели и возвещают то именно, чему сами личные свидетели.

Так, тотчас по сошествии св. Духа, первоверховный [Петр](#), сказав великому собранию народа свою первую проповедь, заключает ее так: „сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Затем Он, быв вознесен десницей Божиею, и приняв от Отца обетование святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите» ([Деян. 2:32-33](#)), Тоже, немного дней спустя, утверждает первоверховный Петр в речи к народу и во храме Иерусалимском: „мужи израильские! Бог отцов ваших прославил Сына своего Иисуса, которого вы предали; вы от святого и праведного отреклись, Начальника жизни убили, Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели“ ([Деян. 3:12-16](#)). Тоже выражает первоверховный Петр и в речи пред синедрионом, когда начальники Иудейские запрещали им учить о имени Иисусовом, Петр же и Иоанн в ответ сказали им: „аще праведно ест пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите. Не можем бо мы, иже видехом и слышахом, не глаюлати“ ([Деян. 4:19-20](#)), — не свидетельствовать о том, чему были очевидцами свидетелями. „И с великою силою“, — заключает св. дееписатель ([Деян. 4:33](#)), — „апостолы свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа». Когда вторично поставили апостолов в синедрионе, и спросил их первосвященник, говоря: „не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем? и вот вы наполнили Иерусалим учением вашим, — Петр и прочие апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам, Бог отцов ваших воскресил Иисуса, которого вы умертвили, повесив на древе, Его возвысил Бог десницей своей в Начальника и Спасителя, Свидетели Ему в сем мы и Дух Святыи, которого Бог дал повинующимся Ему“ ([Деян. 5:27-32](#)). Когда Самария приняла слово Господне от Филиппа, и когда находившиеся в Иерусалиме апостолы, после убиения Стефана, услышав, что самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, сии апостолы, прибыв в Самарию, засвидетельствовали, — как выражается свящ, дееписатель ([Деян. 8:25](#)), — и проповедали там слово Господне, затем обратно пошли в Иерусалим, и во многих селениях самарийских проповедали евангелие. Тоже первоверховный Петр возвещает и в доме Корнилия сотника: „Бог“, — проповедует св. [Петр](#), — „послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; сей есть Господь всех, Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном; как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом; потому что Бог был с Ним, И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что, наконец, Его убили, повесив на древе, Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться, не всему народу, но свидетелям, предызбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили по воскресении Его из мертвых, и Он повелел нам проповедовать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых, О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его“ ([Деян. 10:36-43](#)).

Тоже самое св. Петр пишет и во втором послании своем ([2 Петр:1, 16-18](#)), что „мы возвещаем вам силу и пришествие Господа нашей Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия«. И далее повествует, что Христос Господь „от самого Бога Отца принял честь и славу, когда от велелепной славы принесся к Нему такой глас: сей есть Сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение, и этот глас», — прибавляет святой первоверховный апостол, — „принесшийся с небес мы сами слышали, будучи с Ним на святой горе“ Преображения. И что сами апостолы видели и слышали, то благовествовали Духом Святым, ниспосланным на них с небес. Не только апостолы, но и пророки благовествовали

Духом Святым, именно Духом Христовым, в них живущим. „Пророки предсказывали, — пишет св. [Петр](#). — ([1 Петр. 1:10 - 12](#)), — „как указывал сущий в них Дух Христов, который предвозвещал чрез них Христовы страдания и последующую за ними славу; им открыто было, что не им самим, а нам служило то, что ныне проповедано вам благовествовавшими Духом Святым (апостолами), посланным с небес, Никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» ([2 Петр:1, 21](#)). В частности также о св. Павле св. Петр дал свидетельство, что Павел написал свои послания по данной ему от Бога премудрости ([2 Пет. 3:15](#)),

Подобным же образом св. евангелист Иоанн, в конце своего евангелия, заявляет, что он только ученик свидетель того, что творил и чему учил Его божественный Учитель ([Иоан. 21:24-25](#)); что *видевший свидетельствует о сем*, и истинно *свидетельство* его; и он знает, что говорит истину ([Иоан. 19:35](#)), Мы свидетельствуем вам о том“, — так начинает Иоанн свое первое послание ([Иоан. 1:1-3](#)), — „что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, (ибо сия жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам), — о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, сие и пишем вам. Мы свидетели, и вы знаете, что *свидетельство* наше истинно “, — так заключает Иоанн свое третье послание ([3 Иоан. ст. 12](#)),

Евангелист Лука также свидетельствует, что он пишет свое евангелие „о совершенно известных между нами событиях“, и пишет так, „как предали нам то бывшие с самого начала самовидцами и служителями Слова“. А в начале Деяний апостольских св. евангелист Лука так определяет содержание своей книги, т. е. евангелия: „первую книгу написал я о всем, что *Иисус делал и чему учил от начала до тою дня*, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым, по страдании своем, со многими верными доказательствами, в продолжении сорока дней являясь им и говоря о царствии Божием“ ([Деян. 1:1 - 3](#)), *Чему мы все точию свидетели есмы*, могли сказать о себе все апостолы, могли сказать и в конце своей апостольской проповеди, как говорили в начале ([Деян. 2:32](#)),

Павлу апостолу сам Господь, при самом первом явлении своем ему, сказал: „Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя *служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе*“ ([Деян. 26:16](#)), Тогда же, посылая Ананию к Павлу, Господь Иисус засвидетельствовал о нем, что это — „*мой избранный сосуд, мое избранное орудие*, чтоб возвещать имя мое пред народами и царями и сынами Израилевыми, И Я покажу ему, сколько он должен подвизаться и пострадать за имя мое“ ([Деян. 9:15-16](#)). Анания же, явившись тогда же Павлу, возвещает ему, что „Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел *Праведника и услышал глас из уст Его*: потому что ты будешь *Ему свидетелем* пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал“ ([Деян. 22:14-15](#)). Святой Павел называет других апостолов также *свидетелями* Христовыми. Так называет напр., Стефана ([Деян. 22:20](#)), говоря в видении к лицу самого Господа Иисуса Христа: „проливалась кровь Стефана, *свидетеля* твоего“, ... Так называет и других апостолов в своей речи к Иудеям в Антиохии Писидийской, определяя содержание и характер их проповеди таким образом: „жители Иерусалима и начальники их, не узнав Иисуса, исполнили слова пророческие. И не нашедши в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его. Когда же исполнили все, написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его от мертвых, Он в продолжении многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим, и которые ныне суть *свидетели* Ей пред народом“ ([Деян. 13:27-31](#)). Господь Иисус называет служение Павла свидетельством, говоря ему в видении: как *свидетельствовал ты о Мне* в

Иерусалиме, так надлежит тебе *свидетельствовать* и в Риме ([Деян. 23:11](#)); подобным образом и сам Павел называет свое апостольское служение *свидетельством* же, — „Не обинухся“, — говорит он пресвитерам ефесским, — „научити вас пред людьми и по домам, *засвидетельствуя* иудеем же и еллином к Богу покаяние и веру в Господа нашего Иисуса Христа, чтобы скончати течение мое с радостью и службу, юже приях от Господа Иисуса — *засвидетельствовати* евангелие благодати Божия“ ([Деян. 20:20-24](#)). — „До сего дня стою“, — говорит Павел в речи пред царем Агриппою, — „*свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, т. е. что Христос имел пострадать и, восстав первым из мертвых, возвестит свет народу Иудейскому и язычникам*“ ([Деян. 26:22-23](#)). Также и о последнем времени деятельности св. Павла в Риме, свящ. дееписатель замечает, что он „учил Иудеев в Риме, *свидетельствуя царствие Божие, и уверяя их, яже о Иисусе (приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе) от закона Мосеева и пророков*“ ([Деян. 28:23](#)).

В писаниях своих св. Павел говорит о себе „Павел, званный (от Бога) апостол, *избранный* (от Бога) в благовестите Божие ([Рим:1, 1](#)). Я сделался служителем церкви по *домостроительству Божию*, вверенному мне для вас, чтоб исполнить слово Божие. Для чего я и подвизаюсь *силою Божиею, действующей во мне* могущественно ([Кол:1, 25-26](#)). Павел, апостол по повелению Бога Спаса нашего и Господа Иисуса Христа, упования нашего ([1 Тим. 1:1](#)). Бог призвал нас званием святым по своему изволению и благодати, данной нам во Иисусе Христе прежде лет вечных, для которого я поставлен проповедником и апостолом и учителем язычников ([2 Тим. 1:9-11](#)). Бог явил свое слово в проповеди, вверенной мне по повелению Спасителя нашего Бога ([Тит. 1:3](#)). Бог дал мне благодать быть служителем Иисуса Христа у язычников и совершать священнодействие благовествования Божия ([Рим. 15:15-16](#)); как и прочие *апостолы посланы Богом и силою Его действуют. Сам Бог* поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, в дело служения, для созидания тела Христова ([Еф. 4:11-12](#)). Никто не может даже назвать Иисуса Господом, как только *Духом Святым*. Дары в церкви Христовой различны, но раздает их *один и тот же Дух*. И служения различны, а Господь один и тот же, И действия различны; а Бог один и тот же, производящий все во всем. Но каждому дается разное проявление *Духа* на общую пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания тем же Духом, иному дары исцелений тем же Духом. Иному чудотворения, иному пророчество, иному разные языки. *Все же производит один и тот же Дух*, разделяя каждому особо, как Ему угодно. Иных Бог поставил в церкви во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями, далее иным дал силы чудотворительные, также дары исцелений, разные языки“ ([1 Кор. 12:3-28](#)). Посему Павел, как себя самого, так и прочих апостолов и пророков, считал только орудиями, только слугами Божиими, только исполнителями воли Божией, провозвестниками Божией премудрости, — „Хвалящийся хвалился Господом“, — пишет св. Павел к коринфянам, „Я возвещал *свидетельство Божие* не в превосходстве слова или мудрости. Я рассудил быть у вас *незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и сего распятого*. Слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы веровавшие утверждались не на мудрости человеческой, но на силе Божией. Мудрость мы проповедуем не века сего и не властей века сего преходящих; но *проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную. Нам Бог открыл ее Духом своим*; ибо Дух все проникает, и глубины Божия. Божиего никто не знает, кроме Духа Божия. Мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога; что и возвещаем вам словами *не от человеческой мудрости изученными, но изученными от Духа Святаго. Мы имеем ум Христов*. Посему кто Павел? Кто же Аполлос или Кифа? Они *только служители*, чрез которых вы уверовали, и притом настолько, насколько каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог.

Почему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий. *Мы соратники у Бога. Я по данной Мне от Бога благодати*, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строить, ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Итак, каждый должен разуместь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих. От домостроителей же требуется только, чтобы каждый оказался верным своему господину, доверителю ([1 Коринф. Гл. 1, 3; 2, 1—16; 3, 5 —11; 4,1—2](#)). А в послании к галатам святой Павел, возвещая, что евангелие, которое он благовествовал, *не есть человеческое*, — ибо он принял это евангелие и научился не от человека, а чрез откровение *Иисуса Христа*, — повествует далее: „вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал церковь Божию и опустошал ее. Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей, и призвавший благодатью своею, благоволил открыть во мне Сына своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя уже три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром, и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня. А в том, что пишу вам, се пред Богом, яко не лгу. После сего отошел я в страны Сирии и Киликии. Потом уже чрез четырнадцать лет опять ходил я в Иерусалим с Варнавою. Ходил же по откровению, и предложил там всей церкви, а особо знаменитейшим апостолам благовествование, проповедуемое мною язычникам, для уверения колеблющихся учеников, не напрасно ли и подвигаюсь, или подвизался. Но и знаменитейшие из апостолов не возложили на меня ничего более. Напротив того, увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных (ибо содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных, содействовал и мне у язычников), и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами церкви, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным“ ([Гал. 1:11-20](#); 2, 1—9). Тоже самое выражает святой Павел и в послании к ефесеям: „вы слышали о домостроительстве благодати Божией, данной мне для вас, потому что мне через откровения возвещена тайна. Почему вы, читая сие послание, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой, которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих так, как ныне открыта святым апостолам Его и пророкам Духом Святым, чтоб и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Божия во Христе Иисусе посредством благовествования, которого служителем сделался я по дару благодати Божией, данной мне действием силы Его“ ([Ефес. 3:2 -7](#)), Посему в послании к солунянам, св. Павел и „благодарит за них Бога за то, что, приняв от него, от Павла, слышанное слово Божие, благовестие Божие, они приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, каково оно и ест по истине“ ([1 Сол. 2:9-13](#)).

Открывается таким образом, что апостол Павел производил свою проповедь из божественного откровения. Но спрашивается, все ли то, что он проповедовал, он принял чрез непосредственное откровение от Господа Иисуса Христа и от Духа Святого? Не было ль что-либо из проповедуемого им принято от других апостолов и вообще учеников Господних естественным путем передачи? Не учил ли он чему-либо и от себя, по естественному человеческому соображению? Что он всю свою проповедь производил из непосредственного божественного откровения, это мы видели. Вопрос остается только в том, не учил ли он хотя чему-либо по естественному обобщению от других учеников Христовых и по собственному соображению? Говоря об учреждении евхаристии, св. ап. Павел пишет коринфянам: я от самого Господа принял, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и т. д. ([1 Кор. 11:23](#)). Но говоря о событии воскресения Христова, ап. Павел, в послании к тем же коринфянам, выражается так: „я первоначально преподавал вам, что и сам принял, что

Христос умер за грехи наши по писанию“ и т. д. (1 Корин, 15, 3), чем апостол Павел позволяет думать, что подробности о явлениях Воскресшего Кифе, затем двенадцати апостолам, затем более, нежели пятистам братьев и, наконец, Иакову он мог позаимствовать и из простых сообщений от других учеников Господних. По крайней мере, в некоторые времена, постоянно обращаясь с учениками Господними, самовидцами жизни Иисуса Христа до вознесения и непосредственными слушателями Его учения, апостол Павел не мог не общаться с ними разными воспоминаниями. Опрашивается, например, откуда св. Павел услышал нигде в евангелиях незаписанное изречение Господа: блаженнее есть паче даяти, нежели приимати ([Деян. 20:35](#))? Нельзя ли думать, что св. Павел знал это изречение Господне, как общеизвестное между учениками Христовыми? О имени Иисуса Назарея он много слышал, еще будучи гонителем церкви ([Деян. 26:9](#); 22, 19—20). Несомненно по его свидетельствам о себе, что по откровению он узнал не только сущность веры христианской, но откровения же получал он относительно и многих частных. Тем не менее, передавая свое учение другим, он в некоторых случаях различал, что говорит или пишет по откровению и повелению Господню, и что говорит только от себя. Так в послании к коринфянам, преподавая совет, что безбрачным и вдовам хорошо оставаться, как и он сам, в одиночестве, он прибавляет: „а вступившим в брак не я повелеваю, но Господь: жене не разводиться с мужем и мужу не оставлять жены своей. Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее и т. д. Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам. Относительно же девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным. Вдова будет блаженнее, если останется так (в одиночестве), по моему совету; а думаю, что и я имей Духа Божия“ ([1 Кор. 7:8, 10, 12, 25, 40](#)). Отсюда открывается, что апостол Павел различал то, что внушал другим по откровению и повелению Господню, от того, что предлагал по своему мнению и совету, Впрочем и совет свой он предлагал, как непогрешающий против истины Божией, так как он получил от Господа милость и благодать быть верным Ему во всем, и имеет в себе Духа Божия, который наставлял его на всякую истину,

Общее же отношение апостолов, как и пророков, как и всей церкви, не только новозаветной, но и ветхозаветной к Господу Иисусу Христу и Святому Духу и к истекающей из Них божественной истине св. Павел, как и прочие апостолы, представляют в следующем виде. Все верующие в Иисуса Христа суть члены единого тела церкви. Церковь земная, новозаветная, современная, воинствующая родственно связана с церковью прошедших времен, с церковью ветхозаветною, с церковью торжествующею, небесною, даже с миром горних небесных духов. Весь этот великий собор горних небесных духов и отшедших душ, церкви торжествующей небесной и воинствующей земной, ветхозаветной и новозаветной, церкви прошедших и настоящих времен связуется в едином узле, в лице Богочеловека, божественного Архистратига сил небесных, Господа нашего Иисуса Христа, как своего Главы. В Нем и чрез Него вся совокупность спасенных и спасаемых душ усыновлена Богу Отцу и дерзает называть Его своим Отцем. Вся эта совокупность спасенных и спасаемых душ одухотворяется Духом Святым, Духом Божиим, Духом Христовым. Сей-то Дух наставляет на всякую истину всю совокупность членов церкви, в частности же и преимущественно просвещает святых Божиих человек, пророков и апостолов, пастырей и богопоставляемых учителей церковных, так как в живом теле церкви разные члены имеют от Бога разные служения и назначения, дарования и силы, „Как в одном теле у нас много членов, — пишет св. Павел к римлянам ([Рим:12, 4-6](#)), — но не у всех членов одно и то же дело; так мы многие составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены, Как тело одно, пишет он же к коринфянам ([1 Кор. 12:12-14](#)), — но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело) так и Христос, Ибо все

мы одним Духом крестились в одно тело, и все напоены одним Духом. Тело же состоит не из одного члена, но из многих, Вы тело Христово, а порознь члены ([1 Кор. 12-27](#)), Бог Отец призвал нас, — пишет он же, св. Павел, к колоссянам ([Кол. 1:12-20](#)), — к участию в наследии святых во свете и ввел в царство возлюбленного Сына своего, в котором мы имеем искупление кровью Его и прощение грехов; который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари. Ибо Им создано все, что на небесах и на земле, видимое и невидимое: престолы ли, Господства ли, начальства ли, власти ли; все Им и для Него создано. И Он есть прежде всего и все Им стоит и Он есть глава тела церкви; Он начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство. Ибо благоугодно было Богу Отцу, чтобы в Нем обитала, всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с собою все, умиротворив чрез Него, кровью крестною, и земное и небесное. Вы приступили, — пишет он же, св. Павел, в послании к евреям ([Евр. 12:22-24](#)), — не к синайской горе осязаемой и пылающей огнем, но к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и к тьмам ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю завета нового Иисусу, и к крови кропления, лучше говорящей, нежели Авелева, Бог Отец все небесное и земное соединил под единою главою Христом, — пишет он же, св. Павел, к ефесеям ([Ефес. 1:10-20-23](#)), — воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою церкви, которая есть тело Его, полнота наполняющего все во всем, и нас, мертвых по преступлениям ([Ефес. 2:5-22](#)), Бог Отец оживотворил со Христом, и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе. Помните, что вы некогда язычники по плоти, которых обрезанные называли необрезанными, — что вы были отчуждены от общества израильского, чужды заветов обетования, безбожники в мире. А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки кровью Христовою. Он есть мир наш, сделавший из обоих (израильтян и язычников) одно, и разрушивший стоявшую посреди их преграду, упразднив вражду плотью своею, пострадавшей за нас, а закон заповедей ветхозаветных упразднив учением евангельским, дабы из двух создать в себе самом одного нового человека, и в одном теле церкви примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем. И, пришедши, благовествовал мир нам, дальним и ближним. Потому что чрез Него, чрез Христа, и те, и другие, израильтяне и язычники, мы имеем доступ к Богу Отцу во едином духе. Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм о Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом. — До пришествия веры, — пишет св. Павел к галатам (3, 23—29), — мы заключены были под стражей ветхозаветного закона. Закон был для нас детоводителем ко Христу. По пришествии же веры все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса, все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись, Нет уже Иудея, ни язычника, ибо все вы одно во Христе Иисусе, Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники, Бог послал Сына своего единородного ([Гал. 4:4-7](#)), который родился от жены, подчинился закону, чтоб искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына своего, вопиющего: Авва, Отче! Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа. — Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии, — пишет св. Павел в послании к римлянам ([Рим:8, 14-17](#)), — Вы приняли Духа усыновления, которым взываем к Богу Отцу: Авва, Отче! Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы чада Божии. А если чада, то и наследники, наследники Божии, сонаследники Христу. Сей самый Дух и ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными пред правдою Божией ([Рим.](#)

**8:20).** Все мы одним Духом крестились в одно тело, — пишет св. Павел к коринфянам ([1 Кор. 12:13](#)), — Иудеи или еллины, и все напоены единым Духом. Посему мы — едино тело и един дух, Один у нас Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, который над всеми, и чрез всех и во всех нас“ ([Ефес. 4:4-16](#)),

Един Дух дышит во едином теле церкви. Един над ней Господь и един Бог и Отец всех. Все мы единым Духом напоены, Каждому из нас дается благодать Христова. Никто не может даже уверовать в Господа Иисуса и признать Его Господом, как только чрез Духа Святого, Всю церковь просвещает и научает единый Дух Святой. Все верующие, — по слову Иоанна Богослова ([1 Иоан. 2:20-27](#)), — имеют помазание от Святого, и знают все необходимое для их спасения. И помазание, которое они получили от Него, в них пребывает, и они (все в совокупности) не имеют нужды, чтобы кто учил их; потому что самое сие помазание учит их всему, и оно истинно и неложно, и им остается только пребывать в том, чему оно научило их“. Тем не менее, в церкви, хотя и „один и тот же Дух, — как пишет св. Павел к коринфянам, — но дары Его различны. И Господь Иисус Христос один и тот же, но служения в церкви различны. И Бог один и тот же, действуяй вся во всех, но действия различны. Каждому дается разное проявление Духа на общую пользу тела церкви. Каждому из нас дается благодать, но по разной мере дара Христова, Одному дается Духом слово премудрости, другому слово знания тем же Духом. Иному вера тем же Духом; иному дары исцелений тем же Духом, Иному чудотворения, иному пророчество, иному разные языки. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо своей властью, как Ему угодно, Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, так и Христос. Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему угодно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее. И вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, разные языки. Все ли апостолы? Все ли пророки? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи? Ревнуйте о дарах больших, — о любви, которая есть верх совершенства ([1 Кор. гл. 12](#)). И Господь поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, — с особою целию в особых видах, — именно: к совершению святых на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякими ветрами учения, по лукавству лукавых человек, по хитрому искусству обольщения: но истинною любовью все возвращали в Того, который есть глава-Христос, из которого все тело, составленное и совокупляемое посредством всяких взаимно укрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для создания самого себя в любви, союзе совершенства“ ([Ефес. 4:7-16](#)). Отсюда открывается, что хотя и все верные просвещаются Духом Божиим в познании спасительной евангельской истины; Однако же Бог нарочито посылал и посылает апостолов, пророков и евангелистов, пастырей и учителей, чтобы верные не были младенцами, которые влаются и скитаются всяким ветром учения во лжи человеческой. Тайна Христова не была возведена всем поколениям сынов человеческих так, как открыта святым апостолам Христовым и пророкам Духом Святым ([Ефес. 3:5](#)).

Пусть истинные пророки, как и апостолы, были просвещены Духом Святым и излагали свои писания под Его божественным наитием. Но как отличить истинных пророков от неистинных? Как отличить истинных пророков от лживых? Как отличить истинные пророческие и апостольские писания от подложных? Относительно пророков и писаний их нам

достаточно свидетельства Господа Иисуса Христа и истинных апостолов, *Те пророки истинны для нас, которые были истинными для Господа Иисуса Христа и апостолов Его*, и какие писания пророческие признавали они за истинные, те истинны и для нас.

А в евангелиях и писаниях апостольских есть множество ссылок на Моисея, на псалмы и на пророков, как и на писания их. Остается нам разрешить вопрос, какие из апостолов неложные апостолы Христовы, и какие апостольские писания не подложны и не искажены? В евангелиях пишется об избранных двенадцати апостолах, которых записаны имена, отчасти и родственные отношения, как и служебные и жизненные занятия, и о других семидесяти, которых имена сохранены частью в писаниях апостольских, частью же в первоначальном бесспорном апостольском предании. Сам Иисус Христос, также святой первоверховный [Петр](#), Павел, Иоанн, как и евангелист и священный дееписатель Лука настаивают, что двенадцать старейших апостолов избрал Господь для того, чтоб они были очевидцами, свидетелями Его жизни и смерти, воскресения и вознесения ([Лук. 24:48](#); [Иоан. 19:35](#); 21, 24; [Деян. 1:8 22](#); 3, 15; 5, 32; 10, 39—41; 20, 24; 22, 15, 26, 16; [1 Кор. 25:8](#)). Святой первоверховный Петр считает существенным условием каждого апостола из двюнадесяти, чтобы он находился с другими единонадесятью во все время, когда пребывал и обращался с ними Господь Иисус на земле, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от них на небо, чтобы был вместе с ними очевидным свидетелем воскресения Господня ([Деян. 1:21-22](#)), В этом отношении избранный сосуд Господень, апостол Павел, был в особых исключительных условиях, Он многократно свидетельствует о себе, что тайна Христова сказана ему по откровению ([Ефес. 3:3](#); [Гал. гл. 1 и 2](#)). Но и он производил свое апостольство *от непосредственного видения Господа Иисуса*, видения и главного, однократного, и других последующих, почему смело и причислял себя к числу избранных апостолов, самовидцев Господа ([1 Кор. 9:1-2](#); 15, 8; [2 Кор. 12:1-7](#); [Гал. 1:12](#); [Деян. 23:11](#) и т, п.). Замечательно, что апостол Павел признавал, по крайней мере, главное явление ему Господа Иисуса *явлением не только в видении, но явлением в том же роде*, как являлся Господь по воскресении всем ([1 Кор. 15:8](#)), или даже проще, как видели Господа прочие апостолы еще при жизни Его на земле ([1 Кор. 9:1](#)). Вообще сам Павел отличал это первое и главное свое видение Господа от видения в исступлении, которое имел он, когда возвращался в Иерусалим по первом видении на пути в Дамаск ([Деян. 22:17-20](#)), *и от видения в небесном восхищении*, о котором пишет коринфянам ([2 Кор. 12:1-4](#)), Посему как Господь Иисус, так и сам Павел хотел, чтобы в нем другие видели, как и видели, действительно, очевидца свидетеля Господня, Анания говорит ему в Дамаске: „Бог отец наших предызбрал тебя, чтобы ты увидел Праведника и услышал глас из уст Его: потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал» ([Деян. 22:14-15](#)). Сам Господь Иисус говорит ему: „на се бо явихся ти сотворити тя слугу и свидетеля, яже видел еси и яже явлю тебе“ ([Деян. 26:16](#)). Посему *сии двенадцать избранных апостолов, и особо избранный между ними сосуд Господень, апостол Павел, суть непосредственные свидетели Христовой истины, как самовидцы Христовы и непосредственные свидетели Его учения*, как апостол Петр и говорит, что „Бог дал воскресшему Иисусу являться не всему народу, но свидетелям предызбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых. И Он повелел нам проповедовать людям и свидетельствовать, что Он есть предопределенный от Бога Судия живых и мертвых, как и все пророки свидетельствуют о Нем, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его» ([Деян. 10:40-43](#)). Сверх того св. апостолы, в особо важных случаях, подвергали некоторые вопросы общему своему рассмотрению и решению, которое опять же приписывали в конце концов Духу Святому ([Деян. 15:23-28](#)). Следовательно вот *коренной признак истинных апостолов, которые суть несомненные свидетели истины Христовой, — это принадлежность к числу двенадцати избранных апостолов, которых имена записаны в евангелиях и в книге*

Деяний, к которым причисляется еще особо избранный сосуд Христов, апостол Павел. Кто же не согласен с сими апостолами и их учением, тот не Христов ученик.

Тщательно оберегая чистоту Христова евангелия, истинные Христовы апостолы указали своими поступками и писаниями множество лиц и общих начал, несогласных с Христовым учением. Этими указаниями переполнены как евангелия, так и Деяния апостольские и все апостольские послания, как и апокалипсис, Перечислять их нужды нет (напр. [Апок.](#) гл. 2 и 3; [Тит. 3:9-10](#); [2 Тим. 4:14](#) и т. п.), Стоит прочесть послания Иакова, Петра, Иоанна, Иуды, чтобы видеть, как стойко, бодрственно и неусыпно стояли св. апостолы на страже, оберегая чистоту Христова евангелия, „Есть лжеапостолы, — предостерегает св. Павел коринфян ([2 Кор. 11:13-15](#)), — лукавые делатели, которые принимают вид апостолов Христовых, И неудивительно, потому что сам сатана принимает вид ангела света; неудивительно, если и служители сатаны принимают вид служителей правды. Есть люди, смущающие вас, — предостерегает св. Павел галатийцев ([Гал. 1:7-12](#)), — желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь опять говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли от нас, да будет анафема. Это потому, что евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое. Ибо и я принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа, Аще кто приходит к вам, и сего Христова учения не приносит, не приемлите его в дом и радоваться ему не глаголите, — заповедует и Иоанн Богослов ([2 Иоан.](#) ст. 10). „Блюдитесь от псов, — предостерегает св. Павел филиппийцев, — блюдитесь от злых делателей, блюдитесь от разделения. Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас. Ибо многие, о которых я говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают, как враги креста Христова» ([Фил. 3:2-17-18](#)). Святые апостолы даже друг над другом бодрствовали, чтобы предусмотрительное приспособление их к обстоятельствам и к терпимым воззрениям людским, по апостольскому правилу — всем быть вся, да всяко некие спасут, — чтобы такое приспособление не причиняло соблазна и вреда немощным ([Гал. 6:11-15](#); [Деян:21, 15-25](#)); чтобы даже истинная, но таинственная, неудоборазумеваемая апостольская проповедь не была искажаема и превращаема в пагубное заблуждение ([1 Петр. 3:15-17](#); [Иак. 2:14-26](#)).

В избрании двенадцати апостолов, которых имена и жизнь исторически известны, которые были непосредственными учениками и свидетелями очевидцами Иисуса Христа, которые за истину Его учения пожертвовали и жизнью своею, заключается историческое доказательство того, что они неложные свидетели и проповедники чистого и подлинного евангелия Христова. Но сверх этого естественноисторического имеется еще непреложное и бесспорное сверхъестественное доказательство той же истины. Это последнее заключается во множестве чудес, какие совершались св. апостолами, какими они сами подтверждали божественное происхождение своей посланничества и проповедания, Так священный дееписатель повествует, что тотчас по сошествии Св. Духа на апостолов, которое само по себе было уже очевидным чудом, так как сопровождалось явным знамением получения дара языков, много чудес и знамений совершилось чрез апостолов в Иерусалиме ([Деян. 2:42](#)), Так вот скоро по сошествии Св. Духа, Петр и Иоанн шли вместе во храм в девятый (наш третий) час молитвы, И был человек хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых красными, просить милостыни у входящих во храм, Он, увидев Петра и Иоанна, пред входом во храм, просил у них милостыни, Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказал: „взгляни на насъи. Тот пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь, Но Петр сказал: „серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи“. И, взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колена, И, вскочив, стал и начал ходить, и вошел с ними во храм, ходя и скача и хваля Бога, и

весь народ видел его ходящим и хвалящим Бога, И узнали его, что это был тот, который сидел у красных дверей храма для милостыни; и исполнились ужаса и изумления от случившегося с ним. И как исцеленный хромой не отходил от Петра и Иоанна, то весь народ в изумлении сбежался к ним в притвор, называемый Соломонов, Увидев это, Петр сказал народу: мужи израильские! Что дивитесь сему, или что ем отрите на нас, как будто бы мы своей силою или благочестием сделали то, что он ходит? Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцев наших, прославил Сына своего Иисуса, которого вы предали, и от которого отреклись пред лицом Пилата, когда сей полагал освободить Его. Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человекоубийцу; а Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели. И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала сему исцеление сие пред всеми вами. Впрочем, я знаю, братие, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению, Бог же, как предвозвестил устами всех своих пророков пострадать Христу, так и исполнил, Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладить грехи ваши; да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он вам предназначенного Иисуса Христа, которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых своих пророков от века. Моисей сказал отцам: „Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня; слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам. И будет, что всякая душа, которая не послушает Пророка того, истребится из народа“ ([Втор. 18:15-18](#)), И все пророки от Самуила и после него, сколько их ни говорило, также предвозвестили дни сии. Вы сыны пророков и завета, который завещавал Бог отцам вашим, говоря Аврааму: и в семени твоём благословятся все племена земные. Бог, воскресив Сына своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших ([Деян. гл. 2](#)). Когда они говорили народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи, досадуя на то, что они (люди простые, никем не уполномоченные, во храме, единственном в Иудее Иерусалимском храме!) учат народ и проповедуют о Иисусе воскресение из мертвых. И наложили на них руки, и отдали их под стражу до утра; ибо уже был вечер. Многие же из слушавших слово уверовали; и было число таковых людей около пяти тысяч. На другой день собрались в Иерусалим начальники их и старейшины и книжники, и Анна первосвященник, и Каиафа, и Иоанн, и Александр и прочие из рода первосвященнического. И, поставив апостолов посреди, спрашивали: какую силою, или каким именем вы сделали это? Тогда [Петр](#), исполнившись Духа Святого, сказал им: „Начальники народа и старейшины израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен; то да будет известно всем вам и всему народу израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, которого вы распяли, которого Бог воскресил из мертвых. — Им поставлен сей пред вами здрав. Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения ([Псал. 117:22](#)). Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало-бы вам спастись. Видя смелость Петра и Иоанна, и приметив, что они люди не книжные и продетые, те удивлялись; между тем узнавали их, что они были с Иисусом. Видя же исцелённого человека, стоящего с ними, ничего не могли сказать вопреки. И приказав им выйти вон из синедриона, рассуждали между собою, говоря: „что нам делать с этими людьми? Ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо, и мы не можем отвергнуть сего. Но чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозою запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей“. И призвав их, приказали отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса, Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали. Они же, пригрозив, отпустили их, не находя возможности наказать их по причине народа; потому что все прославляли Бога за

происшедшее. Ибо лет более сорока было человеку, над которым сделалось сие чудо исцеления ([Деян. 4:1-23](#)). После поразительного чуда над Ананией и Сапфиною, руками апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса, Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, так что выносили больных на улицы, и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них. Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все. Первосвященник же и с ним все принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на апостолов, и заключили их в народную темницу. Но ангел Господень ночью отворил дверь темницы и, выведши их, сказал: идите и, став во храме, говорите народу все сии слова жизни. Они, выслушав, вошли утром в храм и стали учить, Между тем первосвященник и которые с ним, пришедши, созвали синедрион и всех старейшин из сынов Израилевых, и послали в темницу привести апостолов. Но служители, пришедши, не нашли их в темнице, и возвратившись донесли, говоря: темницу мы нашли запертою со всей предосторожностью и сторожей, стоящими пред дверями; но отворив, не нашли в ней никого, Когда услышали эти слова первосвященник, начальник стражи и прочие первосвященники, недоумевали, чтобы это значило, Пришел же некто и донес им, говоря: „вот мужи, которых вы заключили в темницу, стоят в храме и учат народ“. Тогда начальник стражи пошел со служителями, и привел их без принуждения, потому что боялись народа, чтоб не побили их камнями, Приведши же их, поставили в синедрионе; и спросил их первосвященник, говоря: не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем? И вот вы наполнили Иерусалим учением вашим; и хотите навести на нас кровь того Человека, Петр же и апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам. Бог отцев наших воскресил Иисуса, которого вы умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов, Свидетели Ему в сем мы и Дух Святой, которого Бог дал повинующимся Ему. Слыша это они разрывались от гнева, и умышляли умертвить их, Встал же в синедрионе, некто фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом, и приказал вывести апостолов на короткое время. А им сказал: „мужи израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что нам с ними делать, Ибо незадолго пред сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырех сот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек с собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались, И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их: ибо если это предприятие и это дело от человеков, то оно разрушится; а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками, — Они послушались его; тем не менее призвав апостолов, для сохранения благовидности власти, наказали их и, запретив им говорить о имени Иисуса, отпустили их. Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие. И всякий день во храме и на домах не переставали учить и благовествовать Христа ([Деян. 5:12-42](#)).

Мы намеренно выписали из книги Деяний апостольских целое повествование это, чтобы почувствовать самим и показать другим, как неотразимо влияли на современников-очевидцев дела и слова апостолов, их чудотворения и дерзновенное бесстрашие, их указание на источник их силы в Иисусе Христе Сыне Божиим и на древних пророков, которые предвозвещали о смерти Его и воскресении. Когда Павел с Варнавою сотворили подобное же чудо исцеления хромого от рождения в Листре, то и это чудо так поразило очевидцев и прочих, что весь народ возопил: боги, уподобившись человекам, сошли к нам, и хотели уже принести им языческую жертву; что и подало повод апостолу Павлу утишить это волнение известною речью к народу: „мужи! что вы это делаете? И мы подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы

обратились от сих ложных к Богу живому, который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них; который в прошедших родах попустил было всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные, и исполняя пищей и веселием сердца наши ([Деян. 14:6-17](#))“. Вообще же Бог творил не мало чудес руками Павла, как и Петра, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела Павлова, и у них прекращались болезни, и злые духи из них выходили, И слово Божие возрастало и возмозгало с великою силою ([Деян. 19:11-20](#)). Святой апостол Павел неоднократно свидетельствует, что дарования исцелений, как и дар языков, широко распространены были в первобытной церкви Божией ([1 Кор. 12:9-10 28-30](#)). О себе же самом, о своих собственных чудотворениях, святой Павел пишет коринфянам: „я дошел до неразумия хвалясь: вы меня к сему принудили (унижая не только его самого, как апостола, но и апостольское его учение). Вам бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших апостолов, хотя я и ничто. Признаки апостола во мне сказались пред вами всяким терпением, знаменами, чудесами и силами“ ([2 Кор. 12:11-12](#)). Отсюда видно, что св. Павел, как и первенствующая церковь, видели признаки истинного апостольства в знаменях, чудесах и силах. В послании к римлянам он же пишет: „я могу похвалиться о Иисусе Христе только в том, что относится к Богу. Но не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос чрез меня, в покорении язычников вере, словом и делом, силою знамений и чудес, силою Духа Божия, так что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности его и до Иллирика» ([Рим. 15:17-19](#)). В послании к солунянам, сказав, „наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе, и во Святом Духе, и со многим удостоверением (посредством знамений и чудес), св. Павел прибавляет: „как вы сами это знаете, каковы были мы для вас между вами“. Такое свидетельство есть само в себе поразительнейшее, очевиднейшее свидетельство того, что в апостольской церкви святыми апостолами, да и другими совершались многие чудотворения, которыми подкреплялась сила евангельской проповеди, по обетованию Христову: *знамения верующим сия последуют: именем моим бесы ижденут, языками возглаголят новыми, на недужных руки возложат, и здравы будут*, согласно заключительному слову евангелия от Марка: „они же исшедше проповедаша всюду, Господу поспешествующу, и слово утверждающе последствующими знаменъми“.

Вообще это поразительнейшее свидетельство истины слов и дел св. апостола Павла, что он истину своих слов и дел, совершенных пред известными церквами, подтверждает в посланиях к этим церквам их же собственным свидетельством. Убедительнейший памятник такого поразительно-доказательного приема св. Павел представляет нам во втором своем послании к коринфянам. Надобно сказать, что в Коринфе апостола Павла некоторые лжеучители унижали, — унижали не только честь его, как апостола, но и самое учение; что впрочем терпел он и по другим церквам. И вот второе свое послание к коринфянам он пишет, как апологию не только самого себя, но и своей апостольской проповеди, Эта струна звучит у него и в других писаниях его; но в этом послании она звучит особенно сильно. И заметим, что если бы он, обращаясь к целой церкви коринфской, где у него были недруги, где даже многие не хотели принимать его, как апостола, и учение его, как истинно апостольское, если бы он написал что либо неверное, его хулители непременно воспользовались бы этим и обличили-бы его в неточности, по крайней мере при таких очевидных сообщениях, которые можно было воочию всех поверить и обличить, как например в сообщении о чудотворениях, совершенных пред лицом коринфян. Вот он начинает свое послание: „похвала наша сия есть, свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире, особенно же у вас. Верен Бог, что слово наше с вами не было то да, то нет. Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный нами у вас, не был да и нет, но в

Нем было — да. Все обетования Божии в Нем — да, и в Нем — аминь. А и нас Бог утверждает во Христе, и помазал нас Духом, и запечатлел нас, и дал залог Духа в сердца наши. *Бога призываю во свидетели на душу мою. Мы не повреждаем слова Божия, как многие,*

*но проповедуем в чистоте искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе.* Неужели нам снова знакомиться с вами? Неужели нужны для нас одобрительные письма к вам? *Вы сами наше письмо, написанное в сердцах, узнаваемое и читаемое всеми человеками.* Вы показываете собою, что вы письмо Христово, написанное чрез служение наше не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца. Такую уверенность мы имеем в Боге, чрез Христа, не потому, чтобы мы сами были способны помыслить, что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога. Он дал нам способность быть служителями нового завета, не буквы, но духа. Посему, имея по милости Божией такое служение, мы не унываем, но *отвергнув скрытные, постыдные дела, не прибегая к хитрости и не искажая слова Божия, а открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом.* Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог дека сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, который есть образ Бога невидимаго. Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса Господа; а мы рабы ваши ради Иисуса, потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа. На сие самое и создал нас Бог, и дал нам залог Духа. Итак, зная страх Божий, мы вразумляем людей, Богу же мы открыты, надеюсь, открыты и вашим совестям. Итак, мы посланники от имени Христова, и как бы сам Бог увещавает чрез нас. Мы споспешники Божии. Мы никому ни в чем не полагаем преткания, чтобы не было порицаемо служение наше, но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в чистоте, в Духе, Святом, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке. Некоторые помышляют о нас, что мы поступаем по плоти. Но, ходя во плоти, мы не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь. Я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших апостолов. Впрочем, *мы во всем совершенно известны вам.* Только лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид апостолов Христовых. И неудивительно, потому что сам сатана принимает вид ангела света. А потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды. *У меня же ни в чем нет недостатка против высших апостолов, хотя я и ничто. Признаки апостола во мне оказались пред вами всяким терпением, знаменами, чудесами и силами.* Не думаете ли, что мы оправдываемся пред вами! *Мы говорим пред Богом во Христе,* и все это, возлюбленные, к вашему назиданию. *Вы ищете доказательства, Христос ли говорит во мне.* Он силен в вас. Ибо хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божиею, и мы также хотя немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божией в вас“. Таким образом св. Павел о своих подвигах, совершенных пред коринфянами, говорит в лицо самим коринфянам, между которыми уже слонялись лжеапостолы, желавшие унижить Павла. Как же мог бы он говорить им в лицо о своих чудотворениях, совершенных между ними, как и о других своих подвигах, знаменях и силах, если бы он чудес между ними не творил, а знамений и сил никаких не являл? — Подобным образом и в послании к фессалоникийцам, сказав, что „наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе, и во Святом Духе, со многим удостоверившем“, — св. Павел прибавляет, что „вы сами знаете, каковы были, мы для вас между вами“, как и „все верующие в Македонии и Ахайи, да и во всяком месте“, знают, „Ибо они сами сказывают о нас, какой вход имели мы к вам. Да и вы сами знаете, братия, о нашем входе к вам, что он был не бездейственный“, как „мы дерзнули о Боге нашем проповедовать вам благовестие Божие с великим подвигом. В учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства. Но как Бог удостоил нас, чтобы вверить

нам благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши. *Бог свидетель! свидетели вы и Бог*, как свято и праведно и безукоризненно поступали мы пред вами верующими. Посему приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие (*каково оно есть поистине*). Итак, непокорный нашему учению непокорен не человеку, но Богу, который и дал нам Духа своего Святого“. Тоже самое св. Павел мог сказать, как и говорил, и всем церквам, которым проповедовал лично, что пишет солунянам: „свидетели вы и Бог, что наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе, и во Святом Духе, в знамениях и чудесах и силах“, — как пишет и коринфянам, Затем праздное дело — ставить вопрос, Павел ли написал то, что ему приписывается, — вообще вопрос о подлинности и неповрежденности книг нового завета. Именно насчет подлинности Павловых писаний, так называемая, отрицательная критика делала возражений всего менее, потому что эти возражения и невозможны. Кто, например, сомневается, что известные письма Плиния, или Сенеки, или Цицерона принадлежат Цицерону, Сенеке, Плинию? Кто сомневается, что известные сочинения Лактанция или Иустина Философа принадлежат этим лицам? На каком же основании позволялось бы сомневаться в подлинности посланий апостола Павла, когда, по свидетельству Тертуллиана, еще в III веке перечитывались в церквах самые автографы апостольских писаний; когда люди никогда никакими писаниями не дорожили так, как писаниями апостольскими, оберегая не только каждое слово в них, но и каждую букву? Все писания нового завета, признанные каноническими, так тесно связаны между собою, что, выдергивая одно звено из этого величественного здания новозаветного канона священных книг, нельзя не разрушить целое здание. В целостности же своей это здание совершенно беспримерно в истории. Разрушить подлинность всех этих непосредственных свидетельств основания христианства значило бы разрушить всю историческую достоверность. Это значило бы бесконечно более, чем подвергать сомнению историческое бытие Александра македонского или Юлия Цезаря, Магомета или даже Наполеона, так как ни одна историческая личность не имела за себя столько свидетелей и свидетельств, сколько божественное лицо Иисуса Христа. Об учении Сократа свидетельствует один ученик его Платон; а кто же не верит, что Сократ учил так, а не иначе? Кто не верит даже тому, что при кончине Сократа случилось истинное чудесное предсказание о дне его кончины? О божественном же достоинстве Христа, Его жизни и учении, чудесах и пророчествах, смерти и воскресении свидетельствуют все эти тысячи и сотни тысяч и миллионы Его непосредственных учеников и учеников учеников Его, которые, исследовав вся испытано, признали Его Сыном Божиим и принесли этой вере в жертву всю свою жизнь, а очень многие положили за эту веру и свои головы,

Если же так, если учение нового завета имеет подлинно-историческое значение, то, несомненно, имеет и божественное достоинство. Если же это так, то как отделять Иисуса Христа, главу церкви, оживляющую тело церкви своей жизнью, одухотворяющую своим божественным духом, как отделять главу от тела и от первейших членов сего тела, святых пророков и апостолов? Не говорим о том, что тогда, при таком отделении, все многовековое здание истинной церкви Божией превратилось бы в мираж, в чудовищное сцепление обольщений и самообольщений, разгаданное вот только в наши дни известным нечестивым ересеучителем! Не странно ли это? Не нелепо ли? Как не разгадали этого те миллионы миллионов, которые следовали за Христом в продолжении девятнадцати веков, особенно же те сотни тысяч и миллионы современников Христа и апостолов, которые ради Христа отвергались сродства, дружбы, всех общественных связей, общественных положений и состояний, всех имений и самой жизни?!

Если же невозможно отделять Христа от апостолов и пророков, то нельзя же отделять и от всей церкви, Если пророки и апостолы были провозвестниками божественной Христовой

истины, то и церковь должна быть хранительницей сей истины, По слову Христову, врата адовы не одолеют церкви. Он сам пребывает в церкви до скончания века. И Дух Утешитель пребывает в церкви также во век, наставляя ее на всякую истину. Церковь остается в мире столпом и утверждением истины, Бог дал церкви не только пророков и апостолов, но и пастырей и учителей, чтобы мы не влялись всяким ветром учения во лжи человеческой; дал и дарует и будет давать, дондеже достигнем все в полную меру возраста Христова, т. е. до кончины веков. Но были же лжеучения и лжеучители в церкви? Да, были, в среде ересей и расколов. Тем не менее, истинно-католическая православная церковь среди бурного моря заблуждений, вздымаемого бурями ересей и расколов, всегда оставалась и до века пребудет незыблемым столпом, неодолимою твердынею, неподвижным камнем-основой божественной истины. Отличительный характер истинно-православной церкви в том и обнаруживался, что она считала своей задачей сохранить учение Христа и апостолов в нерушимой целостности не только по духу, но и по букве, Раз приняв канон священных книг от святых апостолов, православная церковь во все века руководилась в отношении к нему, завещанием святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в апокалипсисе ([Апок. 22:18-19](#)): *свидетельствую всякому слышавшему словеса пророчества книги сей: аще кто приложит к сим, наложит на него Бог язв написанных в книзе сей; и аще кто отымет от словес книги пророчества сего, отымет Бог часть его от книги животныя, и от града святого, и написанных в книзе сей.* Всеми свету известно, что церковь Христова хранит всякую букву священного канона, яко зеницу ока. Подобным же образом православная церковь относилась и к священному Господню и апостольскому преданию, по завещанию св. апостола Павла: *возлюбленные Господом братия, Бог от начала, чрез освящение от Святаго Духа, и чрез веру истине Христовой, избрал вас ко спасению, к которому и призывает вас благовествованием нашим, для достижения славы Господа нашей Иисуса Христа. Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим. Сам же Господь наш, Иисус Христос и Бог и Отец наш, давший утешение вечное и надежду благу во благодати, да, утвердит вас во всяком слове и деле благом. Верен Господь, который утвердит вас и сохранит от лукаваго. Завещаем вам, братия, именем Господа нашей Иисуса Христа, удаляться от всякаго брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое вы приняли от нас* ([2 Сол. 2:13-17](#); 3, 3—6).

И вот почти два тысячелетия спустя, со времени основания христианской церкви, в нашем отечестве явился ересеучитель, который открыл, что не только последующие пастыри и учителя, ученики апостольские, но и сами уже апостолы изменили истинное учение Христа. Да откуда же он мог бы знать это, как не из евангелий и прочих писаний апостольских, сохраненных в неизменном виде в продолжении 19 века?! Ведь сам Христос лицом к лицу с ним не беседовал, особых откровений его, как апостола Павла, не удостоивал. На каком же историческом основании он измышляет новое свое евангелие, которое отстоит от апостольского Христова евангелия, как небо от земли, евангелие не только ложное в самом основании, но и грубо безобразное, обнаженно-циническое?! Отделенный от тела церкви, без проповеди пророков и апостолов, без веры церкви, основанной на подлинном священном писании и предании, во что тогда превратился бы сам Христос? Превратился бы в того Христа, которого проповедует сей ересеучитель... во Христа сына только Девы Марии, без веры в небесный промысл Божий, в живого личного Бога, в загробный мир и вечную жизнь, — не повторяя прочих оскорбительных даже для языка верующего хулений. Боже! И сего хульника, объявляющего о своем глубоком и всестороннем разврате и злодействах вслух всего света, наши мнящиеся умники избирают себе учителем яко бы в вере,— всегда учащиеся и николиже в разум истины приити могущие. Не настает ли уже время, о котором предсказывает апостол Павел, — *время, егда люди здраваго учения не слушают, но по своим похотям изберут себе*

учителей, чешимы слухом, и от истины слух отвратят и к басням уклонятся. Якоже и Иоанний и Иамврий противистася Моисею, такоже и сии противляются истине, человецы растленни умом и неискусни в вере. И слово их, как рак в жире, будет распространяться, да и распроетраняется, говорят, не по дням, а по часам, разрушая в некоторых веру. Но твердое основание Божие стоит, имея печать сию: познал Господь своих, и еще печать: да отступит от неправды всякий, исповедающий имя Господа ([2 Тим. 2:19](#)). Аминь.

1886 г.

## Поучение V. Об истинном теле и истинной крови Хрстовыгъ в св. свхаристии

В великий четверток.

«Господи! к кому идем? Глаголы живота вечнаго имаши» ([Ин. 6](#)).

„Никогда не забуду, — пишет новоявленный ересеучитель, — никогда не забуду мучительного чувства, испытанного мною в тот день, когда я причащался в первый раз после многих лет. Службы, исповедь, правила — все это было понятно мне и производило во мне радостное ощущение того, что смысл жизни открывается мне. Самое причащение я пояснял себе, как действие, совершаемое в воспоминание Христа и означающее очищение от греха и полное восприятие учения Христова. Мне так радостно было, унижаясь и смиряясь пред духовником, раскрывать всю жизнь своей души, каюсь в своих пороках. Радостно было сливаться мыслями со смирением отцов, писавших молитвы и правила пред причащением. Радостно было единение со всеми веровавшими и верующими. Но когда я подошел к царским дверям, и священник заставил меня повторять известные слова, говоря об истинном теле и истинной крови, меня резануло по сердцу... Я пришел к вере потому, что помимо веры не нашел ничего, кроме гибели. Поэтому откидывать эту веру нельзя было, и я покорился, нашедши в душе своей чувство, помогшее мне перенести это. Это было чувство самоуничужения и смирения. Под влиянием его я приобщился без кощунственных чувств... Продолжая по-прежнему исполнять обряды, я все еще верил, что в том вероучении, которому я следовал, была истина. Слушая разговор странника, безграмотного селянина и вообще простых людей о Боге, о спасении, о жизни, я получал знание веры. Тоже было со мною при чтении прологов, Четъ-миней. Но стоило мне сойтись с учеными верующими, или взять их книги, какое-то сомнение в себе, недовольство, озлобление скоро возникали во мне, и я чувствовал, что чем больше я вникаю, тем больше удаляюсь от истины и иду к пропасти... Решение вопросов жизни церковью, противное самым основам той веры, которую я жил, окончательно заставило меня отказаться от возможности общения с православием“.

В чем же вера этого новоявленного ересеучителя? Он верует в Бога пантеистического, Верует в бессмертие буддийское. Верует в сочиненное им самим евангелие Хрстово. Верует в обязательность заветанной Христом любви и заповеди работать на себя и на других, для снискания хлеба и всего нужного в сей жизни. В этом, по его вере, вся задача и смысл и даже возможность жизни, а без этого приходится стремиться к покою небытия. Все же остальное, что несогласно с сочиненною им верою, то учение будто бы не Хрстово, то будто бы придумали мы, ученики и преемники Иисуса Христа. Преемники же будто бы придумали, вместо символического сопребывания Иисуса Христа, присутствие истинного тела и истинной крови в св. евхаристии, как и все чудеса в евангельской истории.

Что мы православные можем сказать против этого? Что касается чудес, то они совершаются в церкви Божией даже до сего дня воочию всех, хотящих видеть. Относительно же святой евхаристии замечательно, что новоявленный ересеучитель смотрит на этот предмет именно так, как смотрели современные Христу Иудеи; мы же православные исповедуем то, чему в обличение Иудеев поучал сам Христос, Вообще 6-я глава от Иоанна есть прямой обличительный ответ на лжеучение о св. евхаристии новоявленного ересеучителя, который мнит же себя учеником Хрстовым и последователем евангелия,

Вот обстоятельства. В окрестностях Тивериады, у моря Галилейского, Господь Иисус сотворил чудо насыщения пяти тысяч народа пятью хлебами и двумя рыбами, Иудеи решили, что настали времена Мессии, в чем они и не ошибались. Ошибались они в чувственном

представлении царства Мессии, полагая, что их будут теперь кормить постоянно хлебом, сходящим с неба. Увидев чудо насыщения, Иудеи сказали: это воистину тот пророк, которому должно прийти в мир, и, как явившегося Мессию, хотели прийти, нечаянно взять Иисуса и сделать царем, чтобы Он постоянно насыщал их чудесным образом. Уразумев это, Иисус уклонился от них к ночи, и тайно от народа отправился на другую сторону моря в Капернаум. Но когда на утро народ увидел, что около Тивериады, где ели чудесный хлеб, нет Иисуса, то вошли в лодки и приплыли в Капернаум, ища Иисуса, и нашедши Его на той стороне моря, говорят Ему: Равви! Когда zde бысть? Когда ты сюда пришел? Читая в сердцах, да и видя очами в народе беззастенчивое желание повторения чуда,— чуда именно насыщения, Иисус сказал им в ответ: аминь, аминь глаголю вам: вы ищите Меня даже не потому, что видели чудеса (хотя видеть чудеса и любопытно), но потому, что ели хлеб и насытились. — И начинает речь, прямо направленную против низменности и плотяности помыслов, чувств и стремлений не только современных ему Иудеев, но и современного нам ересеучителя с его последователями,

Старайтесь,-поучает Христос,-не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын человеческий.-Между тем Иудеи упорствуют иметь в предмете свое же,-насыщение пищею, пусть и небесною, но чувственной. И говорят Ему: какое же Ты дашь нам знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? Отцы наши ели манну в пустыне, как написано; хлеб с неба Бог дал им есть, А Ты что делаешь?— Иисус же сказал им: аминь, аминь глаголю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, хотя вы ели манну с неба, а Отец мой даст вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру. — На сие Иудеи сказали Ему: Господи! всегда подавай нам такой хлеб,-помышляя при сем о хлебе небесном вроде манны. Но Иисус сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать и верующий в Меня не будет жаждать никогда.-Возроптали на Него Иудеи, как возроптал на Него и современный нам ересеучитель за то, что Он сказал: Я есмь хлеб, сшедший с небес. И говорили как раз то же, что говорит и современный нам ересеучитель: что Он такое говорит? Не Иисус ли это, сын Иосифов, которого отца и мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сшел с небес? — Иисус говорит им, как и современному нам ересеучителю в ответ: не ропщите между собою. Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня, Только наученный Богом Отцем приходит ко Мне, Только тот уверует, что Я есмь хлеб жизни, Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли, Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб сей жив будет во век, — Итак ясно, по словам самого Христа, что Он сам есть хлеб жизни, хлеб сходящий с небес, хлеб такой, что ядущий его не умрет, но будет жить во век, хлеб такой, который нужно есть, чтобы жить и жить вечно. Но что же это за хлеб? Что именно нужно есть? — *Хлеб же, который Я дам, есть плоть моя, которую Я отдам за жизнь мира,*— отвечает сам Христос ясно, точно и определительно.

Так поняли Его Иудеи. Поняли слова Его просто и буквально, что хлеб, который Он даст, который сходит с неба, который дарует жизнь вечную, который нужно есть для получения жизни вечной, есть именно плоть Иисуса Христа, та самая плоть, которую Он имеет отдать за жизнь мира. Но здесь у Иудеев, как и у современного нам ересеучителя, возникает плотской низменный помысл о невозможности. Иудеи стали тогда спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть плоть свою?— И если бы в сем случае они поняли слова Христовы неверно, то Христу естественно было исправить их недоумение, Между тем Господь подтверждает крепче и крепче как слова свои, так и тот простой буквальный смысл, в каком они были поняты Иудеями. Иисус сказал им: аминь, аминь глаголю вам: если не будете есть плоти Сына человеческого, и пить крови Его, то не будете иметь жизни в себе. Ядущий мою плоть и пьющий мою кровь имеет жизнь вечную: и Я воскрешу его в последний день. Ибо плоть моя

истинно есть пища, и кровь моя истинно есть питье. Ядущий мою плоть и пьющий мою кровь пребывает во Мне и Я в нем, Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем: Так и ядущий Меня жив будет Мною.— Итак, сомнения нет, По слову Христову, приходится буквально есть Иисуса Христа, буквально есть плоть Сына человеческого и пить кровь Его. Буквально плоть Его истинно есть пища, и кровь Его истинно есть питье. Сей-то есть хлеб, — продолжает Господь, подтверждая и разъясняя себя, — сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так как отцы ваши ели манну в пустыне и умерли: ядущий хлеб Сей жить будет во век.

Сие говорил Иисус Христос в синагоге, уча в Капернауме, Господь высказался несомненно: небесная пища есть плоть Его, которую нужно есть; небесное питье-кровь Его, которую нужно пить, И теперь уже не Иудеи только заспорили, говоря: *как Он может дать нам ест плоть свою?* Но возроптали многие и из учеников Его точно также, как возроптал и современный нам ересеучитель, также один из неверных учеников Христовых. Многие из учеников, слыша слова Христовы, говорили: какие странные слова! Кто может Его слушать! — Но Иисус, зная сам в себе, что ученики Его ропщут на то, как ропщет и современный нам ересеучитель, говорит им, как и сему последнему: это ли соблазняет вас? Что же если увидите Сына человеческого, восходящего туда, где был прежде, чрез крестную смерть? Как эта страшно позорная смерть должна соблазнить вас! Вы руководитесь помыслами низменными плотскими, Дух животворит, плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь, Но есть от вас некоторые неверующие,— Ибо Иисус сначала знал, кто суть неверующие, и кто предаст Его. И сказал: для того то и говорил Я вам, что никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца моего,

С сего времени многие из учеников Его отошли от Него, и уже не ходили с Ним,— отошли и не ходили с Ним, соблазнившись Его учением именно о причастии тела и крови Его, — точь в точь как современный нам ересеучитель, Тогда Иисус говорит и двенадцати избранным ученикам: не хотите ли и вы отойти? — Симон же Петр от дива двоюнадесяти отвечал Ему: Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной. И мы уверовали и познали, яко Ты еси Христос Сын Бога живаго. — Эти-то слова первоверховного апостола Петра каждый из нас и повторяет пред лицом Господа, присутщего в св. евхаристии: верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос Сын Бога живаго, пришедый в мир грешные спасти. Еще верую, яко сие есть самое пречистое тело твое и сия есть самая честная кровь твоя... во оставление грехов и в жизнь вечную. Господи! К кому нам идти? Глаголы живота вечного имаши.

Между тем Господь внушительно замечает и избранным двоюнадесяти: не двенадцать ли вас избрал Я? Но один из вас диавол.— Это говорил Он об Иуде Симонове Искарите: ибо сей хотел предать Его, хотя и был один из избраннейших двенадцати. Так что же удивительного, если и в наше время, из множества маловерных христиан появляется и один и другой и третий Иуда предатель, который предает Иисуса лъстивыми словесы: радуйся Равви! и даже лобызая Его, однако, все же предает врагам Его на второе распятие: поимите Его и распните, той есть льстец оный,,,

И вот когда пред страстью Господней приспел час учредить новый завет и первоосновное его таинство св. евхаристии, таинство заклания и вкушения божественно-искупительного пасхального Агнца и пролития крови Его на тайной вечери, Иисус, взяв хлеб и благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите, сие есть тело мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте от нея вси, ибо сие есть кровь моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сие творите в мое воспоминание. С того времени святые апостолы и начали постоянно совершать сие первоосновное таинство нового завета, и совершали как таинство жертвоприношения, раздаяния и вкушения истинного тела и истинной крови Христовых, как это видно из всех древних литургий, имеющих несомненное истинно-

апостольское происхождение не только в основе, не только в так называемой формуле совершения таинства евхаристии, но и в распорядке частей сего величайшего священнодействия, и во многих подробностях, а во многом и в самой букве. В древней апостольской и свято-отеческой церкви мы не знаем времени, когда в жертву св. евхаристии веровали бы только, как в жертвоприношение символическое, в символическое воспоминание, а не действительное принесение в дар Богу истинных тела и крови Христовых. Истинную веру церкви апостольской в истинное тело и истинную кровь Христа в св. евхаристии изъясняет св. апостол Павел в послании к коринфянам: сами рассудите о том, — пишет он, — что я говорю. Чаша благословения, которую благословляем, когда совершаем вечерю Господню, не есть ли приобщение крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение тела Христова ([1 Кор. 10:16-17](#))? Ибо я от самого Господа принял то, что и вам предал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть тело мое, за вас ломимое; сие творите в мое воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в моей крови; сие творите, когда только будете пить от нея, в мое воспоминание. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей, и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет. Посему кто будет есть хлеб сей, или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против тела и крови Господней. Да испытывает же себя человек (откуда и пошло предварение св. причастия исповедию), и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет от чаши сей. Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет в осуждение себе, не рассуждая тела Господня ([1 Кор. 11:23-29](#)), — не рассуждая, подобно тому же современному нам ересеучителю, который готов бы есть хлеб сей и пить чашу сию, но только как символическое воспоминание смерти Христовой, а никак не разумея в них ни истинного тела, ни истинной крови Христовых.

Да ведают же новоявленный ересеучитель с учениками своими, что они, в своей саиоизмышленной вере о св. евхаристии, следуют не Иисусу Христу, а современным Ему, как и нам Иудеям, Да ведают, что они служат Христу не истинному, а самоизмышленному, что кланяются собственному самоизмышлению, кланяются идолу своего собственного, болезненно-неумеренного самолюбия. Это им, а не одним только древним Иудеям внушает истинный Христос, говоря: старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, обличая именно их суемудрие, будто вся задача и счастье жизни заключается в том, чтобы работать на себя и на других для приобретения куска хлеба и всего нужного для земной жизни, не имея в виду жизни вечной, которой будто бы и не полагается, Это их, вместе с иудеями, обличает истинный Христос, когда говорит, что Он сам есть хлеб, сходя с небеси и давая жизнь миру; что Он сам есть хлеб жизни, хлеб живой, хлеб такой, что ядущий его не умрет, но будет жить во век; что хлеб сей, который Христос Господь дает, есть именно плоть Его, которую Он дает за жизнь мира; что кто не ест плоти Сына человеческого, и не пьет крови Его, тот жизни не имеет в себе; что плоть Христа истинно есть пища и кровь Его истинно есть питье; что ядущий плоть и пьющий кровь Христа пребывает во Христе и Христос в нем; что как Христос живет Отцем, так и ядущий Христа жить будем Им, Христом. Не одни современные Христу Иудеи роптали, но и современный нам новоявленный ересеучитель вместе с Иудеями ропщет же на Христа за то, что Он говорит: *Я есмь хлеб, сшедший с небес*; ропщет, как роптали и Иудеи, говоря: не Иисус ли это, сын Иосифов, которого отца и мать мы знаем? Как же Он говорит: Я сшел с небес? Как Он может дать нам есть плоть свою? Какие странные слова! Кто может это слушать! — Это им-то, ересеучителю с учениками, а не одним Иудеям, говорит Иисус в ответ, в обличение и в совет: не ропщите между собою, Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня; если сам Бог его не наставит. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь, Дух животворит, плоть не пользует нимало. Вы же руководитесь

помыслами плотскими, низменными. Мне ведомо, Мною же и предопределено от начала, кто суть и будут неверующие, и кто предаст Меня, Христа. Для того-то и говорил Я вам, что никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца моего.— Не они первые, не они последние из учеников Христа, что отходят от Христа и уже не ходят с Ним. Предшественников себе в этом они имеют в первых учениках Христовых из Иудеев, которые тогда еще отошли от Христа и уже не ходили с Ним. История старая, повторяющаяся от века, повторяемая и современным нам ересеучителем. Нового пока не сочинил он, даже и в своем евангелии, ничего, а только повторяет старые еврейские басни. Те тогда соблазнились учением Христовым о вкушении тела и крови Христовых в таинстве причастия: как Он может дать нам есть плоть свою?! И эти соблазнились тем же. — „Когда священник“, — жалуется соблазнившийся мудрец, — „заставил меня повторять известные слова, говорящие об истинном теле и истинной крови, меня резнуло по сердцу.. Я приобщился без кощунственных чувств; однако удар был уже нанесен и, зная наперед ожидающее меня, я не мог идти в другой раз“. — Это тоже самое, что: какие странные слова! Кто может это слушать! как говорили Иудеи, после чего многие из маловерных учеников Христа отошли от Него, и уже не ходили с Ним. Им не дано было от Бога Отца прийти ко Христу и ходить за Ним.

Счастье прийти ко Христу и достойно приступить к причастью святого тела Его нужно заслужить. Чего же ждать, на что надеяться, когда человеком делается все обратное, делается нарочно все к тому, чтобы не только быть отвергнутым от Христа, но и оттолкнуть от себя Христа? Вот самая недавняя и совершенно достоверная история, как человек, долго отвергавший, и вдруг в смертный час взыскавший Христа, был отвергнут Христом, по меньшей мере, не был удостоен причастия Христу. Однажды вечером, в одной из столиц, приглашают образованнейшего и сановного пастыря на дом причастить больного. По приходе в дом, на вопрос пастыря, где же больной, встречавший его хозяин, по-видимому, совсем здоровый, отвечает: это я. Духовный отец удивился и с кротким увещанием говорит, что ему следует не призывать на дом священника с причастием, а самому идти в церковь, поговеть, исповедаться и затем уже приобщиться, так как, по-видимому, он не настолько болен. Больной, лет пятидесяти человек, говорит почтительно: „Вы правы; но я не знаю, что со мною. Мне кажется, что мне надо спешить, я не должен откладывать».

Удивленный духовник приступил к исповеди. Но во время чтения молитв пред исповедью, стоявший на ногах исповедник прерывает духовного отца: „Ах, нельзя ли поскорее, я боюсь опоздать».

На исповеди духовник узнает, что тот не говел более 30 лет, да и в церковь не ходил, даже смеялся и глумился над причастием и причастниками. По бледному лицу кающегося текли слезы: „Давно не плакал“, — сорвалось с уст исповедающегося. Взволнованный духовник, прочитав разрешительную молитву, приступил к святым дарам, Причастник просит позволения сесть, чувствуя себя усталым. Духовник начал читать молитву: „Верую, Господи, и исповедую...». Больной тихо повторяет. Слыша, что голос больного слабеет, духовник ускоряет чтение молитвы невольно, бессознательно, и подходит к больному со св. дарами. Пока духовник делал эти четыре-пять шагов, слышит легкий вздох, подходит. А тот уже был мертв. Он дожил до разрешительной молитвы, до покаяния, но до причастия, над которым столь долго глумился, не дожил („Гражданинъ“, 1885 г. № 17). Тут и вспоминаются грозные слова св. апостола: „Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью: то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия, и не почитает за святыню кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?! Страшно впасть в руки Бога живаго ([Евр. 10:28-31](#)).

„Еда не может рука Господня спасти? или Господь отягчил есть слух свой, еже не

услышати? Но греси ваши разлучают между вами и между Богом“, — по слову пророка Исаии (59, 1—4). И грех ради ваших отврати Господь лице свое от вас еже не помиловати. Руце бо ваши осквернены кровью, и персты ваши во гресех, устне же ваша возглаголаша беззаконие, и язык ваш неправде поучается. Уповают на суетная и глаголют тщетная: яко зачинают труд и раждают беззаконие. Кое общение свету ко тме? Кое же согласие Христови с Велиаром? Новоявленный ересеучитель поражает мир, не только признаваясь вслух всего мира, но и тщеславно выставляясь признанием, что „я де предавался гадким страстям, убивал людей на войне, вызывал на дуэль, чтобы убить, проигрывал в карты или проедал труды крестьян, казнил их, блудил; ложь, воровство, любодеяние всех родов, пьянство, насилие, убийство..., не было преступления, которого я бы не совершал..., и за все это меня хвалили“... Если же за все эти постыдные и гнусные, тяжкие и даже кровавые преступления нет на преступника суда человеческого, то удивительно ли, что постигает его суд Божий? Удивительно ли, что Отец небесный не дает ему прийти ко Христу? Приходили ко Христу мытари и грешники, прелюбодеи и даже разбойники, но кающиеся. А сей и Сына Божия попирает, и кровь завета не почитает за святыню, и Духа благодати оскорбляет; еще же глумится и над евангелием, сочиняя нового Иисуса, приветствуя Иудиним лобзанием Христа, как человека: радуйся, Равви! и предавая Его врагам Его на пропятие, как Богочеловека: *егоже аще лобжсу, топ есть, имите Его!* Что удивительного, если предатель Христа „идет, идет, приходит к пропасти и ясно видит, что впереди ничего нет, кроме гибели, что жизнь становится постылою, и непреодолимая сила влечет к самоубийству?» Об этой непреодолимой силе сказано в евангелии: *по хлебе тогда, — после недостойного причастия, вниде в он, в Иуду, сатана...* Он-то, сам сатана, и нашептывает самоубийственные помыслы. Он-то и есть непреодолимая, гнездящаяся в самом сердце сила... Между предательством Иуды, между отрицанием от Бога и Христа Его и самоубийством имеется естественная логическая связь. *Согреших, предав кровь неповинную, —* *сознал Иуда, и шед*

удавися ([Мат:27, 4-5](#)). Эту роковую связь признал знаменитый мыслитель Пирогов. Это испытывает на собственном опыте и наш также знаменитый ересеучитель.

Нам же куда пристать? За ним ли идти, или же оставаться со Христом? Если бы мы сдвинулись с истинной веры в св. евхаристью, то сдвинулись бы с самой основы евангелия и сдвинули бы ее. *Так кое же причастие правды к беззаконию? Или кое общение свету ко тме?! Кое согласие Христови с Велиаром? Или кая часть верному с нешрным? Или кое сложение церкви Божией с идолами?!* Ведь это и к нам простирает Христос Господь жалостливое слово: разве и вы хотите отойти и оставить Меня?! Но мы отвечаем словами первоверховного апостола Петра: „Господи! К кому идем? Глаголы живота вепного имаши, И мы веруем и исповедуем, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго“..., пришедый в мир грешные спасти. Еще же веруем, яко сие есть самое пречистое тело твое, и сия самая есть честная кровь твоя, во оставление грехов и в жизнь вечную. Да не в суд убо или во осуждение будет нам причащение святых твоих таин, но во исцеление души и тела.

1886 г.

# Поучение VI. О том, что ересеучение графа Льва Толстого разрушает основы общественного и государственного порядка

На день св. Благоверного князя Александра Невского (23 ноября 1886 года).

Внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их. Еда объемлют от терния грозды, или от репия смоквы. Тако всяко древо добро плоды добры творит, а злое древо плоды злы творит. Не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити. Всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекают е, и во огонь вметають. Темже убо от плод их познаете их ([Мат. 7:15-20](#)).

Иероглифы читаются и толкуются людьми, которые приучены разбирать их. И знание одних, поощряемое доверием других, ведет иногда к великим открытиям. К нашему прискорбию, мы, привыкшие разбирать священные и таинственные письма православного христианского богословия и толковать, что под ними скрывается, мы не всегда пользуемся таким доверием других. Так, когда мы говорим, что ереси, которыми развиваются антихристианские начала, подрывают вместе с тем и основы построенного на православных началах веры русского общества, то принято за обычай нам не верить. Не верили нам, когда мы твердили это касательно многих отделов беспоповщинского раскола, духоборцев, хлыстов и т. п. Не верили, когда мы заговорили это относительно только что возникавшего якобы научного нигилизма; не верили и сперва даже заигрывали с ним... до Коракозовщины. Не верят, когда мы предсказываем тоже относительно Пашковщины, штундизма, анабаптизма. Не верят нам, когда мы взываем ко всем: поддержите русскую православную веру и церковь, — поддерживая ее, вы поддерживаете государство. Не верят, что и теперь, как всегда, миром управляет идея, и что идея, проявляющаяся в вере, в христианстве, в православии, есть самая мощная, самая основная, самая капитальная, самая руководственная для нашего народа и царства и всего славянства. Посмотрите вот на Болгарию, на славянский мир, — кто там с Богом, со Христом и за православие, те и с нами, те не против России, те за русского православного Царя. С ними и с нами Бог. А кто там против православия, против Христа и против Бога, те и против нас. А те, кто там против нас, те, сами даже радикалы, даже атеисты в душе, тем не менее, будучи расчётливее и предусмотрительнее нас, сейчас же берутся за энергическую пропаганду между православными братьями нашими иноверия-католичества и протестантства, отчетливо понимая, что пока Славяне вместе и православные, они наши братья по крови и духу; а раз станут они иноверцы, вместе с тем станут и кровные наши враги, Увы! на Руси это тускло понимается нашей интеллигенцией, не только индифферентами, но и православными или даже отрицается сознательно, иногда даже злорадно. К счастью, к несчастью, теперь вот на тусклом горизонте отуманения и омрачения русских умов поднялось новое великое, багрово-красное светило, светло-сиятельный и просвещеннейший граф Лев Николаевич Толстой. И к нему обращаются не только взоры, но и сердца очень многих, особенно же умных интеллигентных русских. Восход его встречают не только с рукоплесканиями, но и больше того, с умилением, забавным — правда — умилением, и колено-преклонною, забавною же мольбою: „Великий учитель! Учи нас, учи! Граф, говорите теперь, говорите без рассуждений, без анализов философских, без горьких воспоминаний о прошлом, без самобичевания... Мы готовы вас слушать (какую бы нелепость вы ни сказали), слушать также без рассуждений со своей стороны и исполнять без противоречий, без возражений, покорно и благоговейно. Учи нас, учи неразумных, великий наш учитель“!.. И граф проповедует. Граф литератор, романист, творец Анны Карениной, великий, по его собственной исповеди вслух всего света, греховодник, сочиняет новое евангелие! И есть умники и много их, которые новое евангелие из рук графа литератора приемлют с таким же

умилением и благоговением, как и Анну Каренину. Сказали бы мы древним стихом: „Смех удержите друзья“, если бы это не было так плачевно, так горько для русского сердца, так позорно; для русского ума. Да опомнитесь. Перестаньте быть и жалкими, и смешными.

К счастью, мы сказали, даже мы в некотором отношении можем быть признательны графу Льву Толстому. Поощряемый этим ребячливым благоговением со стороны чуть не всех и изумительную толеранцией со стороны многих, шутовски и кощунно рядясь в хламиду вселенского учителя проповедника, граф, не задумываясь, подтверждает нашу теорию, наше постоянное настояние, не задумываясь преспокойно разрушает основы не только всякой церкви и религии, но и общества, и государства, и народа, и не только всякого, но и русского общества, народа и государства.

Это мы теперь и разъясним.

Видите — догматику христианскую граф отверг, историю искажил, да она ему теперь и не нужна, не только догматика, но и история евангелия. Из евангелия он берет только нравственные заповеди; да и из тех берет только пять заповедей. Так ему угодно. Вот эти пять излюбленных графом заповедей: 1) не противься злу или злему, 2) не прелюбодействуй, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не воюй. Почему бы не сказать еще: чти отца и мать, не воруй, не роскошествуй, не гонись за благами сего мира, терпи гонения, не бойся убивающих тело и т. д. без конца. Ведь все это заповеди Христовы, — отчего же исключил их граф Толстой? И где нашел он у Христа заповедь, запрещающую войны или же суды? Но это рассудим после, на каком это основании граф строит свою систему веры и нравоучения. А теперь мы разъясняем только то, что граф Толстой подрывает основы общества и государства, и народности.

И разъяснять нам это совсем не требуется. А стоит только выписать собственные изречения графа<sup>3</sup>).

Приурочивая все свои нравоучения к вышеназванным пяти заповедям, граф Лев Толстой *отвергает разность общественных состояний, как зло*. Осуждая враждебность как зло, граф учит: „Теперь уже я не могу оправдывать свой гнев, считая себя человеком высшим. Это искушение повергало меня в гнев. Оно состояло в том, что я *отделял себя от подобных мне*, признавал равными себе только небольшое число их. Теперь моя вера изменила вою мою оценку того, что добро и велико, и что худо и низко. Все, что мне прежде казалось добрым и великим — *почести, слава, цивилизация* и т. д., *все это сделалось для меня злым и низким*. Теперь я не могу уже усвоить себе ничего такого, что по внешности возвышало бы меня пред другими, отделяло от них. Я не могу, как прежде, признавать ни за собой, ни за другими *титлов*», (ни даже Императорского Величества?!) „*рангов, достоинств*“ (ни даже Царского?!), „*кроме титула и звания человека*“.

Граф Лев Толстой *отрицает учреждение законного брака*. Предписывая соединение всякого человека с одною женщиной, граф Толстой поучает: „важным мне кажется *не столько человеческое учреждение брака, налагающего внешнюю печать законности на соединение мужчины с женщиной, сколько самое соединение мужчины с женщиной*. Я не могу делать различия между теми связями, которые называют супружеством, и теми, которым отказывают в этом имени».

Граф Лев Толстой *отвергает всякую клятву и присягу*, и поучает: „Теперь я не могу, как прежде, обещаться клятвенно в чем бы то ни было, кому бы то ни было; не могу, как прежде, оправдываться в том, что дал клятву, что так поступают все люди, что это необходимо для государства, и что если я откажусь подчиниться этому требованию, то это будет дурно и для меня и для кого-нибудь другого. Теперь я знаю, что это зло и для меня и для других, и я не могу делать этого. Теперь я знаю ту сеть, которая заставляла меня впадать в это зло, и я не могу быть соучастником ее. Я знаю, что эта сеть, западня, состоит в том, что *имя Бога в клятве, в присяге,*

*служит санкций обмана. А этот обман состоит в том, что мы обещаем наперед повиноваться повелениям одного человека, или многих людей, тогда как человек может повиноваться только одному Богу. Теперь я знаю, что самое страшное по своим последствиям зло — убийство на войне, заключение в тюрьму, экзекуции, наказания, совершаются единственно благодаря клятве, в силу которой люди, делающие себя орудием зла, считающие себя свободными от тяготеющей на них ответственности. Теперь, вспоминая о массе зол, я вижу, что все это имело своей причиною клятву, обязательство подчиняться воле другого. Теперь я убедился, что клятва разрушает мое истинное благо и благо другого, и эта моя вера изменила мою оценку доброго и злого, высокого и презренного. Все, что мне прежде казалось добрым и великим: клятвенное обещание верности правительству, требование клятвы от других и все действия, противные совести, совершаемые во имя клятвы, все это стало мне казаться злым и презренным. Поэтому я теперь не могу уже удаляться от заповеди, запрещающей клятву, я не могу обязывать себя клятвой кому бы то ни было, ни заставлять другого клясться, ни содействовать тому, чтобы люди клялись или принимали клятву, или смотрели на клятву, как на вещь необходимую и важную“.*

Граф Толстой отрицает всякую общественную и частную защиту лица, собственности, прав, всякий суд, всякую власть. Так, осуждая всякое обращение к насилию, всякое употребление насилия против людей для сопротивления злему, граф проповедует, что он „не может оправдывать это зло тем предлогом, что оно необходимо для защиты себя и других, для защиты собственности своей и чужой. Впадать в это зло заставляло меня ложное верование, что моя жизнь гарантирована насилием, защитой моей личности и моей собственности против других людей. Наибольшая часть жизненных зол происходит от того, что каждый считает вещь дозволенной защищаться силой и видит в этом наилучшую гарантию жизни и собственности. Эта вера изменила мою оценку того, что добро, и что зло и презренно. Все, что некогда казалось мне хорошим и великим: собственность всякого рода, забота о своем достоинстве, мои права, теперь все это сделалось для меня дурным и презренным. Сознательно я не могу уже впасть в эту сеть, гибельную и для меня и для других: я не могу уже приобретать собственности; я не могу уже прибегать к силе, под какой бы формой она ни была“ (напр. воинской повинности), „для защиты себя и других; я не могу принимать участия ни в каком акте власти, имеющем целью защиту людей и их собственности насилием; я не могу быть судьей, принимать участие в суде, быть облеченным какой-нибудь властью, или составлять часть какой-нибудь власти. Я не могу также делать и того, чтобы при моем содействии другие принимали участие в судилищах или в какой-нибудь власти“.

Граф Толстой отвергает отечество, всякую к нему любовь, всякую ему верность.— „Я знаю, — проповедует он, — что мое различие между моим народом и другими народами есть зло. Знаю, что эта сеть состоит в ложной вере, будто мое благо солидарно только с благом моего народа. Знаю, что моя связь с другими людьми не может быть разорвана пограничной линией или декретом какого-нибудь“ (и своего) „правительства, определяющего, что принадлежит тому или другому народу. Теперь вспоминая обо всем зле, какое я сделал, испытал или видел вокруг себя из-за национальной вражды, я вижу ясно, что причина всего этого была грубая ложь, называемая патриотизмом и любовью к отечеству. Вспоминая о своем воспитании, теперь я вижу, что все эти чувства национальной ненависти, как и эта грубая ложь, называемая патриотизмом и любовью к отечеству, внушены были мне бессмысленным воспитанием. Эта вера изменила всю мою оценку доброго и злого, великого и презренного. Что мне казалось добрым и великим: любовь к отечеству, любовь к моему народу, ко всему этому величественному зданию, которое называют государством, услуги, какие оказывают государству в ущерб благу других людей, подвиг людей военных, все это мне кажется теперь

*отвратительным“ (ни более, ни менее!) „и жалким. Что мне казалось постыдным и дурным: отречение от отечества, теперь напротив кажется добрым и великим. Если и теперь в минуту забвения я могу желать успеха России, русскому народу, то в мои светлые минуты я не могу подчиняться этим химерам. Я не могу уже признавать ни государств, ни народов; я не могу уже ни на словах, ни пером принимать участия в какой-нибудь распри между народами и государствами, а еще менее могу оказывать услуги какому бы то ни было Государству. Я не могу принимать участия во всех этих делах, которые основаны на разделении государств, каковы таможенные пошлины, налоги, фабрикация оружия, или в каком-нибудь действии, имеющем целью вооружения, военную службу, а тем более войны. Я не могу содействовать и тому, чтобы делали это и Другие“.*

„Говорят: приходит враг, немцы, турки, дикари, и если вы не станете воевать с ними, то они истребят вас. Это несправедливо, -проповедует граф. — Они взяли бы у нас все то, что добровольно предоставили бы им люди, для которых нет разницы между русским, турком и дикарем. Знающий истину знает ее только для того, чтобы засвидетельствовать ее пред незнающим ее своими делами. Эти дела: *отказаться от войны*, не различая того, что называют врагом и соотечественником. Мне скажут: *правительство не может допустить*, чтоб какой-нибудь член общества не признавал *самых оснований правления* и чтоб он уклонялся *от обязанностей всякого гражданина*. Власть будет требовать участия в суде, в военной службе, и за отказ накажет ссылкой, заключением в тюрьму, даже смертью, Ну что же! Для знающего истину графа *эти требования власти суть требования людей, не знающих истины*. Всякое насилие, война, разбой совершаются людьми *слепыми и лишенными познания истины*.

Не подумайте, что граф знает такую странную неслыханную истину только про себя. Нет, он ее проповедует, и целью своей жизни поставляет проповедовать ее вслух всего света. „Я верую, проповедует граф, — что моя разумная жизнь — мой свет дан мне только для того, чтобы светить перед людьми. Я верую, что мое познание истины есть талант, вверенный мне для того, чтоб я употребил его в дело, и что этот талант есть пламя, которое блестит только, когда горит. Я верую, что единственный омыл моей жизни состоит в том, чтобы жить в ясности того света, который во мне, и ставить его не под спудом, но высоко пред людьми, чтобы люди видели его“.

И вся Русь глядит на этот странного зловещего света блеск. Загорается он ярче и ярче. Вся интеллигентная Русь с умиленным благоговением склонила свои головы пред этим возгорающимся светом. Я знаю, слышу и вижу, что графа Толстого не только читают, им зачитываются, по газетному выражению, малые и старые, не только питомцы, но и воспитатели, и наоборот, не только воспитатели, но и питомцы. Зачитываются и простые люди. Десятками и сотнями тысяч экземпляров вероучительных писаний графа завалены книжные магазины, как и коробки книгонош. Наблюдатели за ними легкомысленно, если только не злорадно, потешают себя тем, будто бы писания графа касаются только веры, Образумьтесь! Они касаются всего, основ государства во-первых! Писаниями о писаниях графа наполнена вся современная российская письменность. Принято в печати как бы общим всероссийским договором называть графа-проповедника не иначе, как высоко-почтительными именами: „наш великий учитель, наш гениальный художник, гениальный поэт“. Подумайте, откуда эти гиперболы? Кроме общепризнанного гения поэта Пушкина, кого из писателей величают гениями? Почти никогда не величают ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Тургенева, ни, наконец, Достоевского, величайшего художественнейшего мыслителя. А на других поприщах у нас на Руси нечего и думать заслужить высокое титло гения, великого учителя. Гении на Руси рождаются разве только для романической литературы, да еще разве для театральных подмостков, где так не редки гениальные артисты и артистки. Это значит, что интеллигентная Русь только пока и способна

понять, что роман или же театральную пьесу. И чем они легче, тем и лучше. Достоевский тяжел. А граф Лев Толстой написал два легких удачных романа, и за это он — „ наш гениальный поэт“, — тогда как с таким же правом это великое титуло можно бы приписать нашим старым романистам: Загоскину, Лажечникову, даже Булгарину, Кукольникову и т. д. Еще с большим правом можно бы приписать новейшему романисту Маркевичу. За что же ему такая честь? За что такое внимание, такое рабское поклонение одному графу Льву Толстому? „Учи нас, великий наш учитель, учи“... Не за то ли, что он подрывает основы не только религии, но и государства? А не лучше ли пристало бы к проповеднику измены не только вере отцов, измены не только истинному Христу и Богу отцов, но измены и России, как обществу, как народу, как государеву, измены наконец или во-первых и русскому православному, Богоизбранному и Богопомазанному Царю, — к человеку таких пагубных идей и стремлений не лучше пристало бы другое имя?.. Назовите сами. А пора назвать вещи их собственным именем, снять с волка шкуру кроткой овечки.

*Берегитесь лжепророков, — предостерегает нас сам истинный Христос Бог наш, -которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые; а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубают и бросают в огонь ([Мат. 7:15-20](#)). Аминь.*

Внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их. Еда объемлют от терпия грозды, или от репия смоквы? Таковсяко древо добро плоды добры творит, а злое древо плоды злы творит. Не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити ([Мат. 7:15-19](#)).

В прежних наших беседах против графа Льва Толстого мы раскрывали — в одном, что он изменяет коренным основам не только православной христианской веры, но и всякой религии. По религии графа, ожидать новой лучшей жизни, той жизни, в которой будет доступно человеку ближайшее общение с Богом, блаженство личности, рай, мы не должны. Иисус будто не только никогда не говорил ничего в подтверждение личного бессмертия, но напротив, даже отрицал его. Иисус также будто бы никогда и нигде не говорил и о своем личном бессмертии. Бессмертие состоит единственно и исключительно в неумирающей жизни человеческого рода, в жизни Сына человеческого. По Толстому, моя жизнь, взятая отдельно, есть величайшая бессмыслица, и мое глупое существование окончится такою же глупою смертью, Что в евангелиях представляется кому бы то ни было суеверием, то не есть учение Иисуса, и то Толстой позволяет всякому просто вымарывать, По Толстому, существенное содержание евангелия заключается в следующем: 1) человек есть сын бесконечного начала, *сын Отца*, но не личного Бога, сын не плотью, но духом; 2) и потому человек должен служить этому началу, Отцу и Богу (но не личному), духом (но не таинствами, не богослужением, не молитвами); 3) жизнь всех людей имеет божественное начало: она одна свята; 4) и потому человек должен служить этому началу *в жизни всех Людей*, в жизни сынов человеческих, или же Сына человеческого, — это воля Бога (безличного). *Жизнь всех людей единственная достопоклоняемая святыня*; 5) истинная жизнь есть только в каждый миг настоящего; *обман жизни во времени, жизни прошедшего и будущего*, т. е. вера в вечность личного Бога, как и надежда на личное бессмертие, скрывает от людей истинную жизнь настоящего и; 6) потому человек должен стремиться к тому, чтобы разрушит обман прошедшего и будущего (обманчивую надежду на будущую премирную жизнь); 7) *истинная жизнь есть жизнь настоящего, присущая всем людям*. И 8) потому живущий в настоящем общей жизнью всех людей, жизнью Сына человеческого, соединяется с *Отцом, началом и основой всей жизни*. Оказывается, Отец — это безличное начало и основа всей жизни. Бог есть разумение жизни. Сын Божий, Сын человеческий — это непрерывное продолжение человеческого рода, Иисус Христос жалкий равви, жалким образом казненный. Истинная же евангельская проповедь об искуплении от греха общечеловеческого, от природной греховности, благовестие живота вечного сводится у графа Толстого к учению о том, что человеку нужно пользоваться как можно лучше мгновением быстро улетающего настоящего.

В другом собеседовании мы разъясняли, что граф Лев Толстой изменяет самым коренным основам общественного и государственного порядка. У него это проводится ясно и связно логически, без малейшего укрывательства, разрушение религии совместно с разрушением государственного порядка. Он откровенен, бесстрашен и нимало не стесняется. До чего-то мы дожили?! Отвергнув догматику и историю христианства, взяв будто бы из евангелия, из переделанного им евангелия пять следующих заповедей; 1) не противься злу или злему, 2) не прелюбодействуй, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не воюй, граф Лев Толстой отвергает разность общественных состояний, как зло: все, что прежде казалось ему добрым и великим — почести, слава, титулы, ранги, достоинства, вся цивилизация — все это сделалось для него злым и низким. Он отрицает различие между теми связями, которые называются супружеством, и

теми, которым отказывают в этом имени. Он отвергает всякую клятву и присягу. Клятва и присяга — зло; имя Божие в клятве и присяге служит санкцией обмана; все, что ему прежде казалось добрым и великим: клятвенное обещание верности правительству, и все действия, совершаемые во имя клятвы, все это для него теперь зло и презренно. Он отвергает всякую общественную и частую защиту лица, собственности и прав, всякий суд, всякую власть; все, что казалось ему хорошим и великим: собственность всякого рода, заботы о своем достоинстве, права, защита себя и других, участие в суде и власти, все это для него теперь дурно и презренно. Он отвергает отечество, всякую к нему любовь, всякую ему верность. Различение между моим народом и другими народами есть зло; патриотизм и любовь к отечеству — грубая лож, внушение бессмысленного воспитания. Любовь к отечеству, к своему народу, к своему государству, государственная служба, подвиги людей военных для него отвратительны и жалки. „Вся наша жизнь, — учит Толстой, — негодна в самом своем корне; вся она основана на насилии; от насилия вся наша теперешняя жизнь проникнута развратом; разврат скрывается и там, где его никак не предполагают; разврат гнездится и в том, что нынешние люди считают самым законным пользованием своими правами, или исполнением своих обязанностей; на насилии основана администрации, на насилии основан суд; разврат, произведение насилия — вся наша культура, вся цивилизация; нужно радикально изменить всю теперешнюю нашу жизнь; всякая внешняя сила, самая законная власть — есть насилие, которое должно быть изгнано из человеческого общества; нужно уничтожить насилие вообще и всецело; уничтожать насилие (т. е. весь нынешний общественный порядок) вообще, везде и всецело, это и значит не противиться злу или злему.“

Это мы, как и другие, уже разъясняли. Это стало больше или меньше общеизвестно. Теперь мы намерены вновь разъяснить, что граф Лев Толстой изменяет самым коренным началам общечеловеческого чувства.

Он издал новое подпольное сочинение, которое называют — Крейцера Соната. Оно подпольно, оно не разрешено в России, оно даже не напечатано в России, оно ходит по рукам пока только в литографии. Не заявлено даже, он ли автор этого сочинения \*<sup>5</sup>). Но общественное мнение приписывает его ему, Льву Толстому. Впрочем, появляются указания на него и в литературе, появляются даже робкие пока, хотя и сочувственные, попытки его оценки. По внутренним же характерным признакам, по исключительной, свойственной одному графу Льву Толстому манере мыслить и писать, мы решительно приписываем это сочинение ему, Льву Толстому, как автору. Оно не напечатано, оно не разрешено в России цензурой; но и прочие самые радикальные произведения Льва Толстого не были же разрешены и напечатаны в России. Тем не менее, имеют широкое по любезному отечеству нашему распространение и в печати и в рукописях. Они переведены на все языки и читаются всеми желающими в Европе и Америке так же, как и в России, Так и „Крейцера соната«, известно, на русском языке в России читается в разных видах издания целыми кругами читателей. Она же, слышно, появилась уже за границей и в печати на русском и разных языках. Замалчивать ее в России — пустая бесцельная мера. Эта новина привлекает и привлечет к себе такую сумму читателей, какую только способна привлечь по внутренней своей притягательности. Кроме того она видимыми и невидимыми путями и пропагандируется. Мы не искали ее; нам ее прислали. По поводу ее говорят даже о новом неслыханном роде книжной торговли; именно, счастливый обладатель литографированного экземпляра „Крейцеровой сонаты“ дает это желанное сокровище на сроки для прочтения, и за прочтение в известный срок берет особую плату. Это будет до тех пор, конечно, пока это сочинение составляет новину; но нет сомнения, что через полгода его экземплярами, в том или другом виде, наполнены будут чрез пропагаторов, чрез книгонош, все русские деревни.

Принимая все это во внимание, мы считаем себя не только в праве, но считаем и своим

долгом сказать свое слово об этом сочинении. Считаем тем более, что автор его выступает в нем опять же в качестве учителя религии, в качестве христианского проповедника, в качестве апостола и евангелиста нового своего евангелия. Он и начинает свое произведение, как проповедь или духовную беседу, текстом евангелия, и оканчивает тем же текстом с произвольным, своим толстовским толкованием. Читатели этой новой проповеди уже нашлись, найдутся и последователи. В панурговом стаде его бесчисленных поклонников найдется премного таких, которые и в новом его евангелии найдут руководительную для своей слепоты истину и увлекутся ею; куда увлекутся, это пока еще трудно с точностью определить, Могут даже увлечься к повальному разврату, при отвержении брака в принципе, подобно нашим раскольникам федосеевцам. Но позволительно провидеть, что „Крейцера соната“ повлияет на нашу легкую интеллигенцию не слабее, по меньшей мере, того, как в свою пору повлияло пресловутое: „Что делать?“ Хотя по духу и направлению эти два произведения только отчасти сходны, большею же частью противоположны. То и другое рассчитаны на овец, Куда одна овца потянет, туда шарахнутся и все овцы, В модном, по духу минуты, веянии они увидят для себя руководительный свет, услышат повелительное слово гениального мудреца. По нашему же суду, это новое евангелие — слово безумца, решительно выживающего из ума. *Это измена, как мы сказали, самым коренным началам общечеловеческого чувства, да и вкуса, да и смысла.*

Вот посмотрим и увидим,

Скажем предварительно, что в фактической стороне этой новой проповеди заключено много поражающей, неслыханной прежде правды. В прежнее время о ней не принято было говорить. Прежде многие знали ее про себя и помалчивали. Толстой первый назвал ее по имени вслух всего света. Но назвал, преувеличив ее до уродливости, до отвращения, назвал во всех неназываемых подробностях, назвал цинически открыто, так что и повторять его, даже осуждая его, неудобно, неприлично для говорящего, стеснительно для слушающих, неуместно по строгому духу места нашей речи. Не сдержанным, не взвешенным языком проповедника, оратора, философа, поэта, а бесцеремонно интимным языком врача самых сокровенных болезней человечества называет он по имени такие сокровенности, которые человечество привыкло таить в продолжении тысячелетий, как неназываемые, как pudenda. Мы все это, конечно, обойдем, назвав их настолько, сколько нужно, чтобы понять его. Постараемся выставить в ясности только его нелепые, невозможные, неверные общечеловеческой действительности, прямо безумные выводы.

Для ясности нужно заметить, что в этом сочинении сам Лев Толстой выставил себя только слушателем и собеседником героя, который рассказывает ему повесть своей жизни, повесть о том, как он, будучи развратным юношей и молодым человеком, в зрелых годах женился на невинной деве, мучил ее и мучился сам своей ревностью и, наконец, убил ее. Собственно этот герой поучает самого Толстого, как и весь мир. Но ясно, что Толстой влагает ему в уста не иное что, как свои излюбленные, известные толстовские идеи. Толстой сам как будто в стороне, за него проповедует его нелепое евангелие, в приложении к жизни, другое лицо, герой сочиненной им повести. Заметим еще, что этот герой, принадлежа сам к интеллигентной дворянской среде, говорит, главным образом, хотя и не исключительно, об этой среде и для этой дворянской образованной среды. Решительно и настойчиво утверждает он об этой среде просто ужасы. Внушает ей, как и всем, просто ужасы.

Учить ужасам, даже отрицая их. Судите сами, верно ли мы говорим, верно ли он говорит?! И что такое, какие ужасы он говорит, какое отвращение, какое извращение понятий и правил он внушает?!

Рассуждение идет о семейной жизни, о браке, который перестал быть истинно-христианским и который желательно Толстому сделать христианским в своем вкусе, во вкусе

своего евангелия.

Исходит он из своего основного воззрения, что религия пала и не встанет, не может встать; что Бога и бессмертия нет и быть не может. Христос не воскресал и не учил о воскресении. Поэтому нужно человечеству устроиться и устроить свою семейную жизнь на этой новой основе, без религии, без Бога, без Христа Бога, однако же, на основании Христова, хотя и исправленного Толстым, евангелия.

Браки существовали и существуют у тех людей, — проповедует герой Толстого, т. е. сам Толстой, — которые в браке видят нечто таинственное, видят таинство, которое обязывает пред Богом. Но эта старая основа изнасилась, надо найти новую. А то люди женятся по-старому, не веря в то, что они делают, и выходит в браке или обман, или насилие, а всячески разврат. У этих людей из 10 брачующихся едва ли есть один, который не то что верит в таинство (*верит или не верит — это не важно*, — изрекает Толстой), но верит в то, что он обещает при совершении таинства. Большинство смотрит на поездку в церковь, только как на особенное условие, — страшно сказать, — обладания известною женщиною. Подумайте, — приглашает нас сам Толстой, — какое ужасное значение получают при этом все подробности бракосочетания. Никто не верит и в то, что при крещении говорят и делают над ребенком. Это бросили, не верят, но ничем не заменили, и осталось одно то, что есть у животных.

Брак в наше время — обман и насилие, лицемерие и насилие. Когда обман, то это легче переносится. Муж и жена только обманывают и себя и людей, что они состоят в единобрачии, а живут в многоженстве и многомужестве. Но когда, как это всего чаще бывает, муж и жена приняли на себя обязательство жить вместе всю жизнь и сами не знают, зачем, за что, а со второго месяца уже желают разойтись и все таки живут, тогда это выходит тот страшный ад, от которого спиваются, стреляются, убивают и отравляют себя и друг друга. Любовь, брак, семья — все ложь, ложь, ложь! Мужчина все врет о высоких чувствах, ему нужно только тело жены. Ведь наша возбуждающая излишняя пища, при совершенной физической праздности, есть не что иное, как систематическое разжигание похоти. Мужчины содержатся и кормятся, как приплодные самцы (по подлинному выражению, „сл-е ж-цы“). Всякая любовь и браки все обусловлены пищей. Дворяне интеллигенты поедают по 2 фунта мяса в день и дичи, поглощают всякие горячительные яства и напитки. Куда все это идет? На излишества чувственной любви. Ведь в браках подразумевается любовь духовная, а не чувственная. Но ничего духовного тут не бывает. Если же человек, как в нашем обществе, стремится уже прямо к плотской любви, то хотя бы он облек ее в мнимо нравственную форму брака, будет только разрешение на разврат, будет все таки безнравственная жизнь, та, в которой погибают, в которой губят и которая у нас называется нравственной семейной жизнью. Выходит полное извращение понятий.

Как может обыкновенная любовь освящать брак? Что разуметь под любовью, которая одна освящает брак?

Любовь — предпочтение одного лица пред всеми остальными, — предпочтение на сколько времени? На месяц? На два дня? На полчаса? В жизни бывает это предпочтение одного пред другими редко на года, чаще на месяцы, а то на недели, на дни, на часы. Если говорить не про то, что считается существующим, а про то, что есть, — то всякий мужчина испытывает то, что называется любовью, к каждой красивой женщине и менее всего к своей жене. Того же чувства, которое называется любовью, и которое дается не на месяцы и годы, а на всю жизнь, — этого чувства нет. Так всегда было и есть на свете. Да и не может быть иначе. Вечною помехою вечной любви служит пресыщение. Что такие-то любили друг друга всю жизнь, только дети могут верить этому. Но разве вы не допускаете любви, основанной на единстве идеалов, на духовном сродстве? Отчего же не допускать, отвечает герой Толстого, или, точнее, сам Толстой; однако же не допускает, так как духовной любви без плотской никогда не бывает. Все, все, и

мужчины и женщины воспитываются в каком то благоговении к тому чувству, которое принято называть любовью. Внушается, что это — самое благородное и возвышенное в мире занятие — быть влюбленным. Но тут и обман, — предполагается в теории любовь идеальная, возвышенная, а на практике любовь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно. Ведь недаром же природа сделала то, что это мерзко и стыдно, а если мерзко и стыдно, то так надо и понимать. А тут, напротив, люди делают вид, что мерзкое и стыдное — прекрасно и возвышенно. Супруги нисколько не думают о взаимной духовной жизни, не берегут даже физической жизни друг друга. Нечего удивляться, откуда берется у них озлобление друг к другу. Это озлобление — не что иное, как протест человеческой природы против животности, которая подавляет ее. Любовь, союз душ, й вместо этого ненависть! Влюбленность истощается удовлетворением чувственности, и муж с женою остаются друг против друга в их действительном отношении друг к другу, т. е. как два совершенно чуждые друг другу эгоиста, желающие получить себе как можно больше удовольствия один чрез другого. Ненависть между мужем и женою — действительное отношение их друг к другу, обнаруживающееся при прекращении чувственности. Холодное враждебное между ними отношение — это нормальное их отношение. Ненависть между супругами — это не что иное, как взаимная ненависть сообщников преступления и за подстрекательство и за участие в преступлении, Это убийство, И так-то все убивают друг друга, все, все. Супруги — это два ненавидящих друг друга колодника, связанные одною цепью, отравляющие жизнь друг другу. В таком аду живут <sup>99</sup>/<sub>100</sub> всех супружеств. Это бывает со всеми супружествами. Но все супруги думают, что это их исключительное несчастье, и скрывают это несчастье, как свой позор, не только от других, но и от себя еамих. В роде дурной болезни, сами себе не признаются в этом, супруги не замечают, что периоды злобы между ними возникают совершенно правильно и равномерно, соответственно периодам того, что называется любовью. Период любви — период злобы; энергический период любви — длинный период злобы; более слабое проявление любви — короткий период злобы. Эти любовь и злоба тоже самое животное чувство, только с разных концов, Вся эта душевная болезнь происходит просто от того, что супруги живут безнравственно. <sup>99</sup>/<sub>100</sub> супружеств живут в таком аду, и это не может быть иначе. Большинство теперешнего образованного мира предается разврату брачной жизни без малейшего угрызения совести. Да нечему и угрызать, потому что никакой, кроме, если можно так назвать, совести общественного мнения и уголовного закона.

Каково!? Каково честит свой быт гениальный учитель граф Л. Н. Толстой! Он настаивает на том, что все мужья, живущие на таковых условиях брака, должны или разойтись или убить самих себя или своих жен, Если с кем этого не случается, то это особенно редкое исключение,

Возводя свою похоть в перл создания — в любовь, — поучает герой Толстого, т. е. сам Толстой, — во имя этой любви, т. е. пакости, мужчина губит что же? Половину рода человеческого, да и все человечество. В образованном мире существует разделяемый всеми взгляд, что женщина дает мужчине наслаждение. Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с Пушкина и голых Венер и Фрин. Хитрость диавола: ну гадость — так так бы и знать, что гадость. Нет, сначала рыцари уверяют, что боготворят женщину; теперь же уверяют, что уважают женщину, уступают ей места, поднимают платки, признают ее права на занятие всех должностей, на участие даже в правлении. А взгляд на нее все тот же, — она орудие наслаждения. И она знает это. Ее так и воспитывают в детстве, так ставят и в общественном мнении, И вот она все такая же приниженная развращенная раба, а мужчина все такой же развращенный рабовладелец. Для освобождения женщины нужно, чтобы общественное мнение считало позором воззрение на женщину, как на орудие наслаждения, Эмансипация

женщины не на курсах и не в палатах, а в домах, Борьба с проституцией не в домах терпимости, а в семьях. Научите же ее, как она научена у нас, смотреть так на самое себя, и она всегда останется низшим существом. Или она, делая себя безлюдною, будет вполне проститутка, спустившаяся не на ступень животного, но на ступень вещи; или она будет то, что есть в большей части случаев, — больной, душевно истеричной, несчастной, без возможности развития. Попуская и многоженство, — не честное, как магометанское, а подлое, наше — Европейское, исполненное лжи и обмана, мы хотим иметь и семью. Женщина должна быть у нас и женой, и беременной, и кормилицей. А сил у нее не хватает. И оттого в нашем быту истерика, нервы, а в крестьянском кликуши. И от этого упадок духовной и нравственной силы женщины и ее принижение. Страшно подумать. И толкуют о свободе, о правах женщины. Это все равно, что людоеды откармливали бы пленных людей на еду и вместе с тем уверяли-бы, что заботятся об их правах и свободе. Животные как будто знают, что потомство продолжает их род и держатся известного закона воздержности в этом отношении. Только человек, только поганый царь природы, этого знать не знает и не хочет. Да, много хуже животного человек, если он живет по-человечески. Не задумываясь, он губит половину рода человеческого. И из женщин, которые должны бы быть помощницами в движении человечества к истине и благу, он, во имя своего удовольствия, делает не помощниц, а врагов. Что тормозит повсюду движение человечества вперед? Женщина. А отчего они такие? А только от этого. Наши женщины воспитываются, как того требует положение женщины в нашем обществе. Так воспитываются все без исключения женщины обеспеченных классов. Смолоду она обучается только тому, чем она может увеличить свою привлекательность. Всякие, какие бы то ни было женские воспитания имеют в виду только пленение мужчин. Одни пленяют музыкой и красотой, а другие ученостью и гражданской доблестью. Но цель одна и не может быть не одна, потому что другой нет, цель прельстить мужчину, чтобы овладеть им. Никакое воспитание, никакое образование не может изменить этого, до тех пор, пока высший идеал женщины будет брак, а не свобода от чувственности. Вся жизнь их проходит в приготовлении к кокетству и в кокетстве. Все они одинаковы и не могут не быть одинаковы, потому что для всех их привлечение к себе как можно больше мужчин есть высший идеал как их девичьей, так и замужней жизни. Нет у них чувства сильнее этого женского — не скажу — тщеславия, но животной потребности всякой самки привлекать к себе как можно больше самцов с тем, чтобы иметь возможность выбора.

Доведенная до самой низкой степени унижения, женщина мстит мужчине, покоряя его и приобретая страшную власть над людьми. Где же эта особенная власть? Да везде, во всем. Пройдите в городах по магазинам. Там сокровища людского труда. Посмотрите, в  $\frac{9}{10}$  этих магазинов есть ли хоть что-нибудь для мужского употребления? Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Женщины, как царицы, держат в плену рабства и тяжелого труда  $\frac{9}{10}$  рода человеческого. А все оттого, что их унизили. И вот они мстят действием на чувственность, уловляя мужчин в свои сети. Поистине, нельзя допускать такие нарушающие общественное спокойствие поступки, как те, прямо вызывающие чувственность, украшения своего тела, которые допускаются женщинами. Это все равно, что расставить по гуляньям, по дорожкам всякие капканы... Хуже.

Кроме общей причины ненависти друг к другу супругов, заключающейся во взаимном служении чувственности, в соучастии осквернения человеческого существа, источник постоянной вражды супругов есть еще взаимная ревность. Это общий удел супружеств. Ревность не может не быть между супругами, безнравственно живущими между собою. Каждый знает про другого, что сильных нравственных препятствий для измены нет ни у того, ни у другого; знают это потому, что друг с другом нарушают нравственные требования, и потому

они не верят друг другу и караулят друг друга.

Дети также не скрепляют брачных союзов, — учит герой Толстого, или сам Толстой, — напротив, составляют особого рода мучение. Дети для женщины интеллигентного мира — не радость, не гордость, не исполнение призвания, а страх, тревога, непрестанное страдание, непростающая казнь. Матери боятся полюбить детей, чтобы полюбив не бояться за здоровье и жизнь ребенка. Поэтому они не хотят сами и кормить детей, чтобы слишком их не полюбить. Тут любовь, самое радостное настроение души, представляется опасностью. Образованная женщина не умеет смотреть на ребенка иначе, как только на удовольствие. Она вся погружается в животное материнское чувство, в чувственность, Мысли же о том таинственном значении появления нового человеческого существа, которое заменит нас, нет никакой. Нет того, что при крещении говорят и делают над ребенком. Ведь никто не верит в это, а между тем это было не что иное, как напоминание о человеческом значении младенца. Это бросили, не верят, а ничем не заменили, и осталось только то, что есть у животного. Но дело в том, что у животного нет воображения, нет предведения, нет размышления. У нас заболел ребенок — что такое? Как лечить? Где лечить? А если помер, зачем все это было? Зачем эти мучения? И вот от этого дети — мученье. При праздности и сытости горе развивается до отчаяния. Вся жизнь постоянно отравляется страхом за детей, действительными или только воображаемыми опасностями. Жизнь, особенно отцов, со всеми интересами, всегда висит на волоске и зависит от здоровья детей, состояния детей, от учения детей. В наше время супругам уже жить нельзя, Правильной жизни для родителей нет; вся жизнь семейная теперь это какая-то вечная опасность, спасение от нее, вновь наступающая опасность, вновь отчаянные усилия спастись, — постоянно такое положение, как на гибнущем корабле.

Вообще супружеское сожитие, по учению графа Л. Н. Толстого, — неестественно. Как же продолжаться роду человеческому? Да зачем ему продолжаться? — учит гениальный учитель граф Л. Н. Толстой. — Как зачем? Иначе бы нас не было? — Да зачем нам быть? — Как зачем? Да чтобы жить. — Да зачем жить? — учит выживший из ума граф Л. Н. Толстой. И учит не сам собою, а повторяет чужие зады. Ведь Шопенгауеры, Гартманы, да и все буддисты утверждают, что благо в том, чтобы не жить. И они правы в том, что благо человеческое совпадает с самоуничтожением, Только они не так выражаются. Они говорят, что роду человеческому надо уничтожиться, чтобы избавиться от страданий, что цель его — самоуничтожение. Это неправда.

Цель как человека, — поучает граф Лев Толстой, — так и человечества — благо. Для достижения же блага человечеству дан закон (в толстовском евангелии), который оно должно исполнить. Закон же — в единении людей (а Что же такое это единение?). Мешают этому единению страсти (откуда это видно? Страсти мешают, но и помогают единению). Из страстей самая сильная и злая — полая плотская любовь (она-то и содействует единению человечества в единой крови). И потому если уничтожатся страсти и последняя самая сильная из них — плотская любовь, то единение совершится (разъединение совершится), человечество исполнит свой закон (откуда же видно, что висит на волоске и зависит от здоровья детей, состояния детей, от учения детей. В наше время супругам уже жить нельзя, Правильной жизни для родителей нет; вся жизнь семейная теперь это какая-то вечная опасность, спасение от нее, вновь наступающая опасность, вновь отчаянные усилия спастись, — постоянно такое положение, как на гибнущем корабле.

Вообще супружеское сожитие, по учению графа Л. Н. Толстого, — неестественно. Как же продолжаться роду человеческому? Да зачем ему продолжаться? — учит гениальный учитель граф Л. Н. Толстой. — Как зачем? Иначе бы нас не было? — Да зачем нам быть? — Как зачем? Да чтобы жить. — Да зачем жить? — учит выживший из ума граф Л. Н. Толстой. И учит не сам собою, а повторяет чужие зады. Ведь Шопенгауеры, Гартманы, да и все буддисты утверждают,

что благо в том, чтобы не жить. И они правы в том, что благо человеческое совпадает с самоуничтожением, Только они не так выражаются. Они говорят, что роду человеческому надо уничтожиться, чтобы избавиться от страданий, что цель его — самоуничтожение. Это неправда.

Цель как человека, — поучает граф Лев Толстой, — так и человечества — благо. Для достижения же блага человечеству дан закон (в толстовском евангелии), который оно должно исполнить. Закон же — в единении людей (а Что же такое это единение?). Мешают этому единению страсти (откуда это видно? Страсти мешают, но и помогают единению). Из страстей самая сильная и злая — половая плотская любовь (она-то и содействует единению человечества в единой крови). И потому если уничтожатся страсти и последняя самая сильная из них — плотская любовь, то единение совершится (разъединение совершится), человечество исполнит свой закон (откуда же видно, что уничтожение плотской любви, лежащей в самом корне человеческой организации, есть закон плотского человечества?), и человечеству незачем будет жить (умственное помешательство, сумасбродная галиматья). А пока не исполнит? Ну вот и дан спасительный клапан. Признак неисполненного закона есть присутствие плотской любви. А как только есть плотская любовь, так вследствие именно ее и является новое поколение, в котором может осуществиться закон. Не осуществило и то, опять следующие — до тех пор, пока осуществится все. *Когда же осуществится, тогда вследствие этого самого осуществления сам собою и уничтожится род человеческий.*

Что же, однако, это за умствование? Умствование мудреное, которое, когда разрешится в простые понятия и слова, превратится в сумасбродное. Не нужно роду человеческому продолжаться, Не нужно нам быть, существовать, жить. Шопенгауер, Гартман, буддисты утверждают, что благо в том, чтоб не жить, благо в самоуничтожении. Гартман предлагает для самоуничтожения всего человечества зараз именно электрическую искру, которая сразу может убить всех людей. Нет, не так, учит наш отечественный сумасброд. Это совсем не нужно. А стоит только исполнить толстовский закон, уничтожить плотскую, любовь. Не уничтожит ее одно поколение, и вследствие этого появится новое поколение. Пусть уничтожает ее следующее поколение, затем еще дальнейшее поколение, пока не уничтожит ее совсем. Вследствие же полного уничтожения плотской любви сам собою уничтожится весь человеческий род. Умно!

Так ли мы поняли этого юрода? Он разъясняет себя и далее. По всем учениям церковным, придет конец мира. По всем учениям научным, неизбежно то же самое. Так что же странного, что выходит то же самое и по учению нравственному (толстовскому)? Могущие вместить да вместят, сказал Христос. И я прямо понимаю это, как Он сказал. изрекает герой Толстого, или что тоже — сам Толстой. Для того, чтобы между людьми была нравственность в половом отношении, нужно, чтобы целью себе они ставили *полное целомудрие*. Стремясь к целомудрию, человек падает. Падет, — и будет брак нравственный. Брак даже нравственный, по Толстому, есть не иное что, как падение. Но если человек, как в нашем обществе, стремится уже прямо к плотской любви, то хотя-бы он облек ее в *мнимо-нравственную форму брака, будет только разрешение на разврат, будет все-таки безнравственная жизнь, которая у нас называется нравственной семейной жизнью. Брак, так называемая нравственная жизнь, по Толстому, есть только разрешение на разврат, есть жизнь безнравственная!* Какое у нас извращение понятий, когда самое счастливое положение для человека — свобода, безбрачие считается чем-то жалким, смешным! Высший идеал, лучшее положение женщины — быть чистой, весталкой, девственницей — есть позор и посмешище в нашем обществе. Между тем слова евангелия о том, что *смотрящий на женщину с вожделением уже прелюбодействовал с нею, относятся не к одним чужим женам, а именно и главное к своей жене.*

Какое извращение понятий у графа Льва Толстого, — скажем мы, — когда у него даже нравственный брак оказывается разрешением на разврат, когда даже нравственная семейная

жизнь выходит безнравственную; когда он, будто бы во имя Христа, требует от человечества, во плоти живущего, полного уничтожения плотской любви и рекомендует за сим даже уничтожение человеческого рода!

После такого абсурда нужны ли другие какие доказательства, что учение графа Льва Толстого сумасбродно и глубоко вредно!?

Позволим себе сказать несколько слов и о личности героя в новом произведении Толстого, чтоб еще больше выставить чудовищность, покрывая, однако же, циничность нового толстовского измышления.

Сын богатого степного дворянина, бывшего предводителя, воспитанник университета, кандидат, юрист, безбожник — нужно прибавить, жил до женитьбы, как живут все порядочные люди дворянского круга, т. е. развратно. Так выражаете сам герой или Толстой. При этом он был убежден, что среди развратных людей он исключительно нравственный человек. И как ему не считать было себя исключительно нравственным человеком, слыша о золотой молодежи, об офицерах, о парижанах, на душе которых лежат сотни самых разнообразных ужасных преступлений? Мальчиком он уже не был невинен. А с 16 лет познал и женщин. Лет за 30 вел степенную, благоразумную, холостую жизнь, которой даже гордился пред своими сверстниками и сотоварищами, предававшимися разным специальным развратам, Не имел неестественных вкусов (сравни с исповедью самого автора), а отдавался разврату в приличных общепринятых формах. Быть может, были и дети, но он делал вид, как будто их не было. Всю молодость живя в самом безобразном разврате, мечтал о чистой, возвышенной любви, не оставляя намерения жениться и устроить себе самую возвышенную чистую семейную жизнь, выглядывая себе в жены деву чистоты голубиной и наконец нашел такую, которую счел достойною себя. Как жениха его ловили и поймали. Мать невесты, — отца не было, — устраивала всякие ловушки, и одна, катанье на лодке, удалась, Он решил, что невеста верх совершенства и достойна быть его женой, Он влюбился, как влюбляются все. И все было налицо: и восторги, и умиление, и поэзия, и безобразное обжорство сладким, конфетами и т. п. В сущности, его любовь устроена была матерью невесты и портнихами. Обстоятельно цинически изложенное учение Толстого о ловле женихов опускаем. Влюбленный, он не только невесту представлял себе верхом совершенства, но и себя таким же совершенным человеком за то, что женился не из корысти, — он был богат, а она бедна, — и намерен был держаться после свадьбы единобрачия. „Свинья я был ужасная, — говорит он сам о себе, — а воображал себе, что я ангел. На поездку в церковь смотрел, как смотрит большинство, только как на особое условие обладания известной женщиной. Подумайте, какое ужасное значение при этом получают все эти подробности“! Это богохульство, насмешка над церковью, обман, издевательство над человеческим достоинством! — прибавим от себя. Испытав всю мерзость первого месяца брачной жизни, супруги на четвертый день и, по-видимому, совершенно беспричинно жестоко поссорились. Все лицо жены выражало одну злобу. Любовь — союз душ, и вместо того взаимная ненависть, холодная ядовитая враждебность, За удовлетворением чувственности холодное враждебное отношение стало нормальным отношением. С другими бывали ссоры, но никогда не обнаруживалось той ядовитой злобы, которая была между супругами. Во всех супружествах то же самое. Без всякого повода ненавидели друг друга просто оттого, что в душе была ненависть друг к другу. Эту ненависть герой объясняет, как взаимную ненависть сообщников преступления, т. е. как следствие самого брачного сожития. И это не изменится до тех пор, пока высший идеал всех, мужского и женского пола, будет брак, а не девство, не свобода от чувственности. Кроме общей причины ненависти, заключающейся в соучастии осквернения, в брачном сожитии, между новыми супругами возник еще новый источник постоянной грызни — взаимная ревность, ревность ужасная, от которой охватывал просто ужас, которая отваживала на подлости, напрм.,

на подлость подслушиванья у дверей. Это было обдавание друг друга серной кислотой, этой ревнивой ненавистью, было взаимное уродование. Вырывалось раздражение, доведенное до самой превосходной степени, с потоком ругательств, у жены с рыданиями, истерикою, беганьем из дома в самые необычные места. Появление детей не только не улучшало супружеских отношений, не соединяло, а напротив, разъединяло. Дети — это был новый повод к раздору, и чем больше они росли, тем чаще бывали орудиями борьбы между родителями. Дети стали союзниками, которых родители привлекали каждый на свою сторону. Дети страшно страдали от этого, но родителям во взаимной борьбе не до того было, чтобы думать о детях. Сторонники отца из детей были ненавистны матери, любимцы матери ненавистны отцу. Выходило, однако же, так, что, опираясь на детей, жена властвовала, презирая мужа с его деятельностью, наприм., земскою, тогда как муж обратно презирал жену с ее домовитою деятельностью. Отношения становились все враждебнее. Что бы жена ни сказала, муж уже вперед был не согласен. Точно также и она. Решено было с обеих сторон, что общения духовного нет и быть не может. О самых простых вещах они оставались неизменно каждый при своем мнении. С посторонними лицами и он и она говорили о разнообразных и задушевных предметах, но не между собой. Вдвоем они были почти обречены на молчание. Кое-как сообщались еще не иначе, как через третье лицо. В муже ненависть к ней кипела страшная, Он смотрел, как она наливала чай, махала ногой, подносила ложку ко рту, глотала, втягивала в себя жидкость, и ненавидел ее за это, как за самый дурной поступок. Но когда человек живет неправильно, он может себя затуманивать, чтобы не видеть бедственности своего положения. Жена старалась забыться напряженными, всегда поспешными занятиями — хозяйством, обстановкой, нарядами — с детей, ученьем и — главное — здоровьем детей. Все это для нее было средством забвения, пьянством, таким, каким для мужа было пьянство службы, охоты, карт. Да у него было кроме того и в прямом смысле пьянство — табаком, которого он выкуривал пропасть, и вином, которым он не напивался, но ежедневно выпивал много, так что постоянный туман застилал от обоих супругов неладность их жизни. Вся эта душевная болезнь их, — объясняет Толстой или его герой, — происходила оттого, что они жили безнравственно, т. е, в брачном сожитии. От безнравственной жизни им было больно. Они были два ненавидящие друг друга колодника, связанные одною цепью, отравляющие жизнь друг другу и старающиеся не видеть этого. Как раз когда родителям становится жизнь невыносимой друг от друга, необходимы делаются и городские условия для воспитания детей. И вот является необходимость переезда в город, В городе несчастным людям живется легче, В городе человек может прожить долго, и долго не хватиться того, что он давно умер и сгнил. Живя в городе, и наши супруги меньше чувствовали боль от сожития. Но случилось обстоятельство, никому незаметное, кажущееся ничтожным, но такое, которое и произвело все то, что случилось. Мерзавцы научили жену средству быть бесплодною. Вследствие этой меры она физически окрепла и похорошела, как последняя красота лета. Вид ее наводил страх, в роде как застоявшаяся, горячая запряженная лошадь, с которой сняли узду. Узды не было никакой и нет никакой у <sup>99/100</sup> наших женщин, замечает Толстой или его герой. Эта болезнь, страдание вечное о детях, стала проходить. Она как будто очнулась от пьянства, опомнилась и удивилась, что есть целый мир Божий с его радостями, про которые она забыла, в котором она жить не умела, которого она не понимала. Как бы не пропустить! Уйдет время — не воротишь! Она стала заниматься детьми меньше, не с таким отчаянием, как прежде, но больше и больше занималась собою, своей наружностью и своими удовольствиями, даже усовершенствованием себя в музыке. Музыка и погубила ее в глазах неистово-ревнивого супруга окончательно,

Он настаивает на том, что все мужья, живущие на тех же основах брака, как он жил, должны или распутничать, или разойтись, или убить самих себя, или своих жен, как он и

сделал. Прежде чем кончить, как он кончил, он был несколько раз на краю самоубийства, да и жену доводил до попытки самоотравления. Окончательной развязке женоубийства предшествовала одна из самых жестоких ссор из-за пустяка. Муж почти бьет жену руками, убивает жесточайшими словами. Жена убегает из дому, возвращается, чтобы взять детей. Опять ядовитая ссора. Жена еще раз делает попытку отравиться. В эту пору, для занятий музыкою, для аккомпанимента жене является любитель-музыкант, который играл превосходно. Муж попускал это из гордости, из ложной деликатности, из тщеславия, из лицемерия. Если не быть тщеславным в обычной нашей жизни, — говорит он, — то ведь нечем жить. Сам он устроил музыкальный вечер. Они, жена и музыканте-любитель, играли *Крейцерову Сонату Бетховена*.

При этом герой, или лучше — сам Толстой говорит странные неслыханные вещи о музыке, о самых высоких ее проявлениях, о самых высоких ее творцах, каков Бетховен. Страшная вещь музыка, — учит Толстой в своем умоисступлении. Что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом. Вздор, неправда, — утверждает Толстой в своем умоисступлении. Она действует, страшно действует, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует раздражающим душу образом. Она сразу непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним и вместе с ним переносюсь из одного состояния в другое. Что ж тут худого, — спрашиваем мы, — перенестись в то высоко-поэтическое состояние, в котором в лучшую минуту творчества находился такой высокий и высоконравственный художник, каков был Бетховен?! Но по Толстому, музыка по этому самому так и страшна, так ужасно иногда действует. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал другого? Напр., хотя-бы эту „Крейцерову сонату“ разве можно играть в гостиных или в концертах? И тут же Толстой или его герой начинает противоречить сам себе. Эти вещи можно играть только при известных важных значительных обстоятельствах и тогда, когда требуется совершить известные соответствующие этой музыке поступки. А то несоответственное ни месту, ни времени вызывание энергии чувства не может не действовать губительно. На него, на героя вещь эта подействовала ужасно. А выходит — совсем не ужасно, напротив, благотворно. Ему, герою, как будто открылись новые чувства, новые возможности. „Да, вот как, совсем не так, как я прежде думал и жил, а вот как“, говорилось ему в душе. Что такое было то новое, он не мог дать себе отчета, но *сознание нового состояния было очень радостно*. В этом новом состоянии ревность уже не имела места. Его вынесла эта музыка в какой-то такой мир, в котором ревность уже не имела места. Ревность и чувства, вызвавшие ее, казались такими пустяками, о которых не стоило думать. — Жаль, что он не послушался этих мирных и высоких внушений высокой бетховенской музыки. Говорят, у сознательно умирающих ясно обозначается грань, за которую лишь только они переступят, тотчас все земное, со всеми земными страстными интересами, теряет всякую цену. Человек переступает в иной горний мир. Не даром же говорят и о высокой музыке, что и она переносит в иной высший мир идей и чувств. А между тем этот помешанный на своей страстности герой Толстого или лучше — сам Толстой видит даже в бетховенской музыке *чувство самой утонченной похоти*.

После многих лет семейной жизни, не зная своей жены, зная ее только как животное, и судя по себе, что ничто не может удержать животного, безумно ревнивый муж тут же на музыкальном вечере решил, что между ними, женою и любителем-музыкантом, все кончено; выбыв из дома, самым подлым образом решился подстеречь их, когда они, в его отсутствие, занимались музыкой же, и с этой целью неожиданно отбыл домой. Какой-то дьявол, точно против его воли придумывал и подсказывал ему самые ужасные образы, — дьявол, в которого ни Толстой, ни герой его не веруют. Да, точно дьявол подсказывал адские помыслы душе, чуждой божественного света. Спеша домой по железной дороге, мучась адскими замыслами, он

не знал, что с собою делать, — не выйти ли на путь, лечь под вагон, кончить все. Но что мешало ему сделать это, была подлая жалость к себе, тотчас непосредственно за собой вызывающая ненависть к ней — жене, к нему — ее воображаемому другу, к ней — ненависть страшная. Нельзя покончить с собой и оставить ее в живых, решил этот трус-злодей. Но и в эту минуту он не был уверен, есть ли основание мучиться. Вот где была казнь. Чтобы отбить охоту от женщин, он сводил бы теперь молодого человека в душу к себе — посмотреть на тех дьяволов, которые раздирали ее! Да, дьяволы раздирали ее, и он, не веруя в них, чувствовал не только их бытие, но и действительную власть их над своей проклятою безбожною душою. Ведь ужасно было то, что он признавал за собой несомненное право *над телом жены, как будто это было его тело*, и вместе с тем чувствовал, что владеть этим телом он не может, что оно не его тело, что она может распоряжаться им, как хочет.. Это было полное сумасшествие, с чем и мы согласны, да, сумасшествие. Застав их дома вместе, он чуть было не зарыдал, но тотчас *дьявол* (которого власть над собою он чувствовал) подсказал: ты плачь, сентиментальничай, а они спокойно разойдутся. И тотчас подлая чувствительность к себе исчезла и явилась *животная* (да и дьявольская вместе) потребность физической, ловкой, хитрой и решительной деятельности, т. е. убийства. Но и тут та же подлая жалость к себе, — к себе, а не к другим, так охватила его, что он зарыдал. Сердце так билось, что он испугался, что умрет от удара, что жена убьет его, а не он ее. И он вступил в состояние зверя, или точнее — одержимого дьяволом. Открыв дверь в комнату, где сидели жена и воображаемый ее друг, он прочитал на их лицах выражение ужаса и отчаяния, и это доставило ему мучительную радость. Он же, испытывая потребность разрешения и восторга бешенства, весь отдался ему. Отвратительная детальная сцена убийства. Муж бросается к жене, гость хватает его за руки: „опомнитесь, что вы?“ Муж бросается на него, жена повисает на руке мужа, чтобы отвратить убийство. Муж чувствует, что он вполне бешеный и страшный и радуется этому. Сперва он страшным ударом локтя расшибает лицо жене. Она падает и, схватившись за расшибленные глаза, смотрит на него. Тот читает в ее муке страх и ненависть к себе. Хватаясь рукою за его руку с кинжалом, она кричит: „Опомнись! Что ты? Что с тобою? Ничего нет, ничего, ничего, клянусь“. — „Не лги, мерзавка“, — вопит муж, и левой рукой хватается за руку, но она вырвалась. Тогда, не выпуская кинжала, хватается ее левой рукой за горло, опрокидывает и начинает душить. Она хватается обеими руками за руки его, отдирая их от горла, за которое он душил ее; тогда он ударяет ее кинжалом в левый бок, ниже ребер. Хоть бы убил наповал, а то, как бы с расчетом только смертельно поранил, но не убил. И сознается сам, что чем сильнее разводил он пары своего бешенства, тем ярче разгорался в нем свет сознания, при котором он не мог не видеть всего того, что делал. Было на мгновение сознание, что он убивает и убил женщину, женщину беззащитную, свою жену. Но когда увидел, что хлынула кровь, он понял, что поправить нельзя, и тотчас же решил, что и не нужно, что этого самого он хочет. Когда жена упала, когда кинулись к ней люди, он пошел к себе, и спросил себя, что надо делать? Взял заряженный револьвер и положил на стол. Однако же, когда дошло дело до себя, появилась рассудительность. Вместо того чтоб убить себя и тем сколько либо облагородить свой поступок в глазах себе подобных, он запер дверь кабинета, и, достав папироски и спичку, стал курить. Одурая себя куривом, заснул.. В дверь постучались, „Да, теперь надо и себя убить“, — сказал он себе, Но говоря это, он знал, что не убьет себя. Однако встал и взял в руки револьвер. Прежде много раз он был близок к самоубийству, вчера на железной дороге это казалось ему так легко. Но теперь, когда пришла нужда убить себя, теперь он великодушно к себе не только не мог поднять на себя руку, — это не то, что поднять руку на жену, — но не мог и подумать об этом. Тут явилось и рассуждение благоразумия, зачем он это сделает? Постучались еще. Вошла сестра жены с вестью, что она умирает: „Пойди к ней“.

Все тут в нем возмутительно, все отвратительно. — „Пойти к ней?“ - задает он себе вопрос,

и тотчас же отвечает, что надо пойти к ней, что, вероятно, всегда так делается, что когда муж убил свою жену, то надо идти к ней. Когда он проходил мимо детской, все пятеро детей смотрели на него испуганными глазами. Об них то наперед и не подумал столь нежный и жалостливый к себе самому отец, убийца несчастной матери, Первое, что бросилось ему в глаза при входе к умирающей, было ее брошенное на стул светло-серое платье, все черное от крови. Более всего поражает его распухшее и синеющее по отекам лицо, часть носа и под глазами,— последствие нанесенного им удара локтем, когда она хотела удержать его, Он останавливается у порога, „Подойди, подойди к ней“, говорит сестра, Ему думается и тут что она хочет покаяться. В этой сладкой надежде, он подходит к самой умирающей, Она с трудом подняла на него глаза, из которых один был подбитый, и с трудом, с запинками проговорила: „добился своего, убил“.. „И в лице ее, сквозь физические страдания и даже близость смерти, выразилась та же старая, знакомая ему, холодная ненависть.— „Детей... я все таки... тебе... не отдам, Она“ (ее сестра) „возьмет... Да, полюбуйся на то, что ты сделал“,— сказала она, глядя на дверь и всхлипнула. В двери стояла сестра с детьми. „Да, вот что ты сделал“. Он взглянул на детей, на ее с подтеками разбитое им лицо, и в первый раз забыл себя, свои права, свою гордость, в первый раз (за все время своего супружества) увидел в ней человека, сестру, а все-таки не жену, которая бесконечно ближе должна быть сестры. До сих пор все он видел в ней животное, принадлежащее ему тело. И так ничтожно показалось ему, да и было ничтожно то, что оскорбляло его, — вся его (преступная) ревность, и так значительно, да и было беспредельно значительно, по своей великости и непоправимости то, что он сделал, что он хотел припасть лицом к ее руке и сказать: „прости“, но не смел. Трусость и гордость и тут его одолевали, устрняя столь естественный порыв души истинно кающейся. Она молчала, закрыв глаза, очевидно, не в силах говорить дальше. Потом изуродованное лицо ее задрожало, сморщилось. Она слабо оттолкнула его. „Зачем все это было? Зачем?“ — „Прости меня“, — тут только сказал он, сказал холодно и несмело, чтоб и тут не уронить свою гордость. „Да, если бы ты не убил меня“, — вдруг вскрикнула она, и глаза ее заблестели лихорадочно. Он имел и тут наглость повторить свое холодное „прости“, и еще прибавить: „все это вздор“, т. е, все его подозрения, — „только бы не умереть“. — „Да, ты добился своего. Ненавижу“. Потом сделался предсмертный бред. В тот же день к полдню она умерла.

Безбожник Толстой и тут заставляет ее умереть без мысли о Боге и бессмертии, без всяких утешений религии, как животное, какую она и была весь свой век.

Убийцу мужа сейчас же арестовали. Наши присяжные, конечно, оправдали его. „На третий день меня водили *туда*“, — говорит он. Замечательная аналогия, что он безбожник, как и творец его безбожник боятся произнести слово — церковь. Так в священно-легендарных сказаниях подобная боязнь приписывается дьяволам: когда нужно назвать по имени Бога, Господа Иисуса, св. церковь, дьяволы прибегают к местоимениям и наречиям : „Он, тот“ (вместо Бог), или „туда, там“ (вместо в церковь, в церкви). Забавна аналогичная с сатанинскою боязнь у такого проповедника евангелия, даже евангелиста, как граф Толстой.

Забавно, удивительно, возмутительно, что *такого безбожника, такого развратника, такое животное, животное кровожадное в страстности, такую подлого труса, такого пошлого подслушивателя и подзирателя, столь нежно жалостливого к себе самому и столь беспощадного к злосчастной жене и жалким детям, круглым сиротам матери убитой и отца убийцы, этого неустового безумца, который невольно сознает себя орудием дьявола, сумасбродный самозванный евангелист Толстой возводит вместо себя на пьедестал проповедника и толковника своего собственного евангелия, на пьедестал учителя всего человечества евангельской истине.* — „Да-с“,— заключает он свою мрачную повесть. — „Вот что я сделал и вот что я пережил. Да-с, — знаменательно это „да-с“ в речи такого

заключительно-священного значения, — „надо понять настоящее значение, что слова евангелия — [Матф. V:25](#) — о том, что *всякий, кто смотрит на женщину с похотью, прелюбодействует*, относятся к женщине, к сестре, не к одной чужой, посторонней женщине, а преимущественно к своей жене“,

Не так это, г. Толстой, Не так вы понимаете. Ваше узко-поверхностное толкование раздаётся в ушах христианского мира впервые на пространстве 19 веков его существования, А прежде вас никто из тысяч толковников евангелия, даже самых аскетических, не догадался, что сии евангельские слова имеют значение, какое приписывает им впервые ваше надменное суемудрие. И кто такой вы (Толстой) по вашим правам на вселенское учительство в Христовой Церкви!? Как это видно из вашей исповеди, вы списали вашего гнусного героя с первой половины вашей жизни. Хорош выдаваемый вами самому себе диплом на право и звание евангелиста!

Прежде чем показать, что учение Толстого о браке несогласно с христианским, зададим ему, как и пристрастным его читателям, несколько вопросов. Его ложные, якобы истинно-евангельские выводы извлекаются из его посылок, Опросим же теперь, верны ли его посылки?

Верно ли, что религия везде пала и не встанет? Конечно, то верно, что браки существовали и даже существуют у того множества людей, которые в браке видят таинство, обязывающее пред Богом. Но верно ли, что люди толстовского круга совсем потеряли эту веру? Верно ли, что в этом круге из 10 брачующихся едва ли найдется один, который не то, что верит в таинство, но верит в то, что обещает при таинстве, т. е. супружескую верность? Верно ли, что большинство в этом круге смотрит на поездку в церковь, только как на особое условие для обладания известною женщиною? Верно ли и то, что никто в этом круге, не говоря о прочих кругах, не верит и в то, что при крещении говорят и делают над ребенком? Верно ли вообще, что в этом круге, не говоря о прочих, совершенно бросили веру Христову, и осталось в них одно то, что есть у животных? Пусть ответят на эти вопросы поклонники графа Льва Толстого, каждый сам себе, за себя и за других, что он совеем же не имеет веры в Бога, смотрит на брак, как на условие обладания известною женщиною — не более, и летается в нем самом одно то, что есть у животных, что он — животное, не более. Ответьте по совести.

Кстати о совести. Правда ли, будто в вашем круге и совести нет никакой, кроме совести общественного мнения и уголовного закона, и угрызений собственно совести никаких никогда у вас не бывает и быть не может? Нет совести?! Ответьте,

Дайте совестный ответ на каждую из строчек вышеизложенного учения и уверений Толстого, правда ли? Правда ли то, правда ли другое, третье и т. д. без конца? Правда ли, будто любовь, брак, семья-все ложь, ложь и ложь? Будто мужчины все и все врут о высоких чувствах, а им нужно только тело жены? Будто „все любви“ (sic) и браки все обусловлены излишне сытною пищею? Будто в браках совсем напрасно подразумевается любовь духовная, а не грубо чувственная? Будто любовь бывает редко на года, чаще на месяцы, на недели, на дни и часы, на всю жизнь никогда? Будто всякий мужчина испытывает то, что называется любовью, к каждой красивой женщине и менее всего к своей жене? Будто так всегда было и есть на свете, да и не может быть иначе? Правда ли, будто тут совсем напрасно предполагается любовь идеальная, возвышенная, духовная, а на практике любовь есть нечто мерзкое, увы! даже свиное, про которое, увы! и говорить и вспоминать мерзко и стыдно? Правда ли, что все супруги несколько не думают о взаимной духовной жизни, не берегут даже и физической? Что ненависть между мужем и женою — действительно нормальное между ними отношение, обнаруживающееся всегда при прекращении чувственности? Что эта будто бы всегдашняя и неизбежная ненависть между супругами — и есть не иное что, как взаимная ненависть сообщников преступления, т. е. брачного сожития, и за подстрекательство и за участие в преступлении? Будто брачное сожитие

есть не иное что, как убийство, и так-то все убивают друг друга, все, все? И эта ненависть царит во всех супружествах? Правда ли, что все мужья, живущие на таких условиях брака, должны или распутничать, или разойтись, или убить самих себя, или своих жен?

Отвечайте, правда ли, будто любовь между женихом и невестой, между мужем и женой есть пакость, во имя которой мужчина губит половину рода человеческого, да и все человечество? Будто всеми разделяется взгляд, что женщина существует для наслаждения мужчины? Правда ли, что вся поэзия, вся живопись, вся скульптура, начиная с Пушкина, есть гадость? Будто вздор, неправду говорят, что музыка действует возвышающим душу образом? Будто самые высокие музыкальные творения нельзя допускать к исполнению в общественных собраниях, так как и те действуют страшно, действуют ужасно, раздражающим образом.

Правда ли, будто все без исключения женщины обеспеченных классов воспитываются так, как того требует положение женщины в нашем обществе, т. е. смолоду женщина обучается только тому, чем она может увеличить свою привлекательность? Будто всякие, какие бы то ни было воспитания имеют в виду только пленение мужчин? Будто к одной этой цели направляются и музыкальное искусство, и ученость, и даже гражданская доблесть женщин? Будто у всех их цель одна, и не может быть не одна, потому будто другой и нет, цель прельстить мужчину, чтобы овладеть им? Будто никакое воспитание, ни\* какое образование не может изменить этого до тех пор, пока идеал женщины будет брак? Других в этом направлении — правда ли? по их резкости у Толстого, не ставим. Правда ли, будто полицейским порядком следует запретить такие нарушающие общественное спокойствие поступки, как те украшения своего тела, которые допускаются женщинами?

Правда ли, будто новый источник вражды супругов, взаимная ревность, страшная, ужасная ревность, есть общий удел супружеств? Будто и не может не быть эта ревность между супругами, живущими безнравственно, т. е. в брачном сожитии? Правда ли, будто и дети не скрепляют брачных союзов, напротив, составляют для родителей мучение? Будто дети для женщин обеспеченных классов составляют не радость, не исполнение требования природы, а вечный страх, тревогу, непрестанное страдание, непрестанную казнь? Будто матери даже боятся полюбить своих детей? Будто все матери погружены только в животное материнское чувство? Будто вся семейная жизнь постоянно отравляется страхом за детей, действительными или только воображаемыми опасностями? Будто жизнь отцов со всеми интересами, всегда висит на волоске и зависит от состояния детей? Будто большим в наше время жить уже нельзя, семейной жизни супругов нет? Будто из-за детей семейная жизнь превратилась в отчаянное положение, в котором беспрерывно опасаются от гибели, как на гибнущем, корабле?

Думаю, немного найдется таких, которые ответили бы на поставленные вопросы, на общие резкие положения графа Толстого: да, так, это правда, Все это крайнее преувеличение, все это ложь и клевета даже на высший интеллигентный круг, не говоря о многих миллионах среднего и низшего кругов, где нравы тверже и проще, где веры в Бога больше, как и верности закону христианскому. Можно ли оправдать Толстого в этих преувеличениях, лжах и клеветах художественными целями? Бывает, что художники, поэты в эпопеях и романах, что называется, сгущают краски, чтоб картина вышла рельефнее. Но у Толстого не то. Пусть он и нашел в образованном обществе человека крайне искаженного, со взглядами крайне искривленными. Но Толстой пишет не роман. Он выставляет дело так, что берет живого человека из живого общества. Правдиво рисуемую жизнь этого человека он берет только за канву, в которую вставляет множество общих положений, множество общих утверждений о состоянии самого общества. У него гораздо больше общих рассуждений, чем частных действий выведенных им лиц. Его новое измышление скорее следует назвать рассуждением и проповедью, чем повестью или романом, Да для романа его измышление и слишком коротко. Да и для повести в нем

слишком мало действия. Его герой больше рассуждает и поучает, чем действует. Все он приурочивает к одной цели, направляет к утверждению излюбленной своей темы, что брак есть скверна, убийство и самоубийство; что не следует ни жениться, ни любить; а следует человечеству перестать расти и множиться и наконец жить. Толстой поучает, проповедует, толкует в своем смысле евангелие, евангелизует. Как же в таком случае основывать свои выводы на очевидных преувеличениях и натяжках, на клеветах самых оскорбительных и лжах самого возмутительного свойства: „мужчины нашего мира содержатся и кормятся, как с-е ж-цы... У женщин нет чувства сильнее животной потребности всякой с-и привлекать к себе как можно больше с-цов“?! Как же и кому же можно доказать подобными послылками, что человечеству не стоит жить и что его благо состоит в конечном прекращении плотской любви и в самоистреблении?!

И не клевета ли; не позорнейшая ли для самого клеветника клевета, *будто такое учение о самоуничтожении человечества, о прекращении размножения человеческого рода, о брачном сожитии, как разврат, будто это есть учение Христово, учение евангельское, учение истинного христианства.*

Должны ли мы, в угоду графу Льву Толстому, забыть, что в размножении человеческого рода христианство видит первое и коренное благословение Божие человеку; что первоначально сотворив человека по образу Божию, Бог сотворил мужа и жену, и благословил их, глаголя: *раститесь и множитесь, и наполняйте землю, и господствуйте ей (Быт:1, 27-28)*? Должны ли мы забыть, что при первом воззрении первозданного человека на новосозданную жену, в нем неодолимо сказалось чувство ближайшей теснейшей привязанности к ней и всеувлекающей всепоглощающей любви: *„се ныне кость от костей моих, и плоть от плоти моя. Сего ради остави человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут два в плоть едину (Быт. 2:24)*? Замечательно, что Христос Спаситель, касаясь этого изречения книги Бытия, толкуя, усиливает его значение. *Несте ли чли (не читали ли вы), яко сотворивый искони мужеский и женский пол сотворил я есть, —* что Творец первоначально сотворил не одного человека, но два пола (две половины), мужской пол и женский, мужа и жену. *И рече. Кто рече? Сам Бог Творец. Это приговор Божий, приговор творческий: сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут оба в плоть едину. Яко же ктому —* присовокупляет Господь Иисус, усиливая творческий приговор — *ктому нестя два, но плоть едина.* И еще присовокупляет, еще больше усиливая первоначальный творческий приговор: *еже убо Бог сочета, человек да не разлучает.* *Еже убо Бог сочета»* -скажем мы,-Толстой да не разлучает. Иисус Христос учит.: муж и жена будут и суть и да будут плоть едина; а Толстой утверждает: да не будут, потому якобы брачное сожитие — разврат, убийство, и прочие хульные глаголы.

Замечательно, что эти божественные истины изрекает Господь Иисус Христос в том же чтении евангелия ([Мат:19, 3-12](#)), где помещено и характерное изречение: *могий вместити да вместит.* Ученики Господа Иисуса, смотря на легкость союза и развода мужа с женою с еврейской точки зрения, искаженной еврейскою жестокостью нравов, возражают Господу, что если человек так связан с женою, то лучше совсем не жениться. Так и Толстой учит, что если в браке так много злоключений, если мужья законами и обычаями так связаны с женами, то лучше совсем не жениться. На это Господь Иисус и не помыслил ответить да, лучше, Нет, Он отвечает! *Не вси вмещат словеси сего, но им же дано есть.* Это особый дар благодати Божией, и дар редкий, дар для достижения высшего евангельского совершенства. *Могий вместити да вместит.* Все же прочие, которые не могут вместить сего высшего дара. Пусть живут, как Бог благословил изначала: *раститесь и множитесь.* *Нестели чли, —* подтверждает это сам Господь Иисус, — *яко сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил я есть, и*

*сотворив рече: сего ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей и будут оба в плоть едину. Якоже тому не ста два, но плоть едина: еже убо Бог сочета, человек да не разлучает. А могий вместити и девство да вместит, это высший Божий дар.*

И замечательно, что в евангелии Матфея, конечно, по веянию Духа Божия, все это повествование стоит в неразрывной связи с повествованием о благословении Господом Иисусом детей, так что неразрывно за изречением Господа: *могий вместити да вместит*, сряду же следует повествование: *тогда* (вслед за этим) *приведоша к нему детей да руце возложит на них, и помолится о них*, — детей, по Толстому, этот продукт пресыщенной чувственности, продукт падения в плотскую похоть, продукт безнравственного брачного сожития, продукт супружеского разврата. Конечно, ученики Господни, св. апостолы стояли не на толстовской точке зрения, не видели в детях порождение разврата; тем не менее, полагали, что не должно из-за малых детей отвлекать Господа Иисуса от Его возвышеннейшего дела, от высочайшего учения, которое Он в эту минуту преподавал, о сравнительном значении, обязанности и возможности брака и безбрачия. *Ученицы запрещашу приносящим детей*. Что же Господь, высочайшая чистота? Также оттолкнул детей, как и родителей, и отвернулся от тех и других, как нечистых? Нет, поступил как раз наоборот. *Иисус же рече им оставьте детей, и не возбраняйте им приити ко мне таковых бо есть царствие небесное. И обнял их, и возложил руки на них, и благословил их* ([Матф. 19:13-15](#)). Где тут хотя-бы тень дикой толстовской мысли, что дети — несчастье, дети мучение, дети порождение разврата, дети проклятие семейной жизни, вечно опасоющейся от этого бедствия, как на гибнущем корабле?!

Ужели же Господь Иисус Христос не хотел, чтобы все люди достигали высшего евангельского совершенства, а во всей совокупности сего совершенства достигали и высшей чистоты сердца, высшего нравственного целомудрия? Да, Господь Иисус беспредельно мудрее всякого мудреца, будь это сам граф Лев Толстой, и смотрит на домостроительство человеческого спасения беспредельно глубже и всеобъемнее. Хотел и хочет Господь наш, чтобы мы были совершенны даже так, *якоже отец небесный совершен есть*. И это не праздное слово в устах Господа. Это цель наша, наше назначение и призвание: когда станем совершенны, яко же Отец наш совершен, тогда и остановимся. Но это будет на конце вечности... А до тех пор мы неустанно должны стремиться вперед, задняя забывая, в предняя же простираяся. Но никак не помышлял Господь, что мы в продолжении уже нашей земной жизни станем совершенны в полную меру совершенств Отца нашего небесного. Этот общий взгляд нужно навести и на прочие евангельские совершенства. Хотел Господь Иисус, чтобы все люди были воздержны; но никак не помышлял о том, что все люди перестанут есть и пить. Хотел, чтобы все были нестяжательны, чтобы искали прежде царствия Божия, но чтоб искали царствия Божия только прежде достижения житейских попечений. А вовсе не помышлял о том, да и не учил, и не желал, чтобы все люди перестали устраивать свое житейское благополучие, снискивать себе и просить у Бога хлеб наш насущный и все для жизни существенно необходимое, чтобы перестали вообще трудиться и, трудясь, упражнять себя в добродетели. Подобным же образом хотел Господь Иисус, чтобы все были и целомудренны, воздержательны, не сладострастны, не скотоподобны. Но хотел ли Он, чтобы люди вовсе перестали жениться и посягати? Хотел ли, чтобы тем самым прекратился род человеческий? Не ведал ли Он, что люди, не женись, ни посягая, будут жить только на небесах, где так живут Ангелы Божии, как и все небожители? Не освятил ли Он своим присутствием и участием в празднестве брак в Кане Галилейской? Не ознаменовал ли его святость совершением на нем даже первого своего чуда? По толстовскому евангелию, брак-разврат, падение, позор, убийство; а Господь Иисус освящает бракосочетание не только своим соприсутствием на нем, но и первым своим чудом. Имел ли Он какую либо цель, совершая на браке в Кане свое первое чудо, или не имел, или же поступил бесцельно, не

подумавши и случайно же, не подумавши, освятил разврат? Но кое общение Христови с Велиаром, с Велиаром нашего времени?! Кое общение свету евангелия Христова ко тьме евангелия толстовского?!

Все тонкости поставленного Велиаром Толстым вопроса о браке, о деторождении, о женском домашнем строении, о внешних украшениях, с истинно Христовой, евангельской, христианской точки зрения, в высшей степени обстоятельно разъясняет св. апостол Павел. Кто нуждается в просвещении своей мысли, в утверждении своей колеблющейся совести, вчитывайтесь особенно в 6 и 7 главы первого послания апостола Павла к Коринфянам. „Все мне позволительно“, — учит св. апостол, — „но не все полезно. Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною. Тело не для блуда, но для Господа. Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак, отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Или не знаете, что совокупляющийся с блудницей становится одно тело с нею? Ибо сказано: два будут одна плоть. А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом, Бегайте блуда: всякий грех, какой делает человек, есть вне тела; а блудник грешит против собственного тела, Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии. *А о чем вы (Коринфяне) писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины.* Значит, и в Коринфе в пору св. апостола Павла ставили уже, только не с толстовской шопенгауеро-гартмановокой, а с так называемой гностической точки зрения, как раз тот самый вопрос, который ставит граф Лев Толстой.

Св. апостол Павел, на вопрос Коринфян, отвечает вообще, что „хорошо человеку не касаться женщины“. Но как, при каких условиях, предостережениях и ограничениях? „Но“, — отвечает богомудрый апостол, — „во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа“. А в брачном сожитии как должны вести себя муж и жена? — „Мук“, — поучает богомудрый апостол, — „оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу“. От рассуждающего о том предмете Толстого только и слышим: „плотская любовь, чувственное пресыщение, взаимное осквернение, мерзость, гадость, пакость“... Не так поучает богомудрый апостол, — „Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. *Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим.* Впрочем, сие сказано мною, как пожелание, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я (девственник); но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе“. Значит, и дарование к супружеской жизни проистекает так же от Бога, как и к житью девственному, Относительно девства, со стороны св. апостола это слово есть как раз напоминание слова Христова: *не вси вмещают словесе сего (девства), но имже дано есть (от Бога), могий вместити да вместит.* „Безбрачным же и вдовам говорю“, — продолжает св. апостол, — „хорошо им оставаться, как я (в девстве и безбрачии). Но если не могут воздержатися, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигатися, „Лучше жениться, нежели разжизатися“... В этом смысле семейная жизнь признается и называется школою целомудрия: *лучше жениться, нежели разжизатися...* „Соединен ли ты с женою, — продолжает апостол, — не ищи развода. Остался ли без жены, не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь. И если девица выйдет замуж, не согрешит. Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирком, как угодить жене. Есть также разность между замужней и девицею. Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. Если же кто почитает

неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, то пусть делает, как хочет, — не согрешает: пусть таковые выходят замуж. Но кто, не будучи стесняем нуждою, решился в сердце своем соблюдать свою деву (в девстве), тот хорошо поступает. *Выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше.* Жена связана с мужем законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только о Господе. Но она блаженнее, если останется так, по моему совету. А думаю, и я имей Духа Божия“. Ученику своему Тимофею св. апостол Павел внушает „почитать вдовиц истинных, зрелых возрастом, которые на Бога надеются и пребывают в молениях и молитвах день и ночь, которые известны по добрым делам, если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу“. Относительно же молодых вдовиц св. апостол Павел „желает, чтоб они вступали в брак, рождали детей, вправляли домом и не подавали противникам никакого повода к злоречию“ ([1 Тим. 5:3-14](#)).

В рождении детей святой апостол указывал естественное призвание женщины и заслугу ее пред Богом. *Спасется жена ради чадородия*, — учит св. Павел ([1 Тим. 2:1-15](#)), — если при этом *пребудет в вере и верности, и в любви, и в святости с целомудрием.* Спасется жена никак не громким учительством и ученостью, не отправлением гражданских должностей и не гражданскими доблестями, а тихим, святым и целомудренным исполнением природного призвания женщины — быть христианскою матерью. Жене св. апостол Павел учительствовать запрещает, властвовать над мужем запрещает, повелевая ей и учиться со всякою покорностью и пребывать в безмолвии.

По Велиару-Толстому, ненависть — нормальное отношение между супругами, и это будто бы не может быть иначе, вследствие соучастия в осквернении. По христианскому же учению это далеко не так. Св. апостол Павел об этом поучает так: „во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуйтесь друг другу в страхе Божиим, Жены повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены. А мужья любите своих жен, как Христос возлюбил церковь. *Любить своих жен мужья должны так, как свои тела; любящий свою жену, себя самого любит. Ибо никто никогда не имеет ненависти к своей плоти, но питает и греет ее.* Посему оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика“ ([Ефес. 5:20-32](#)).

Вообще христианство, — нельзя сказать, — благословляет, но попускает все здравые естественно-человеческие чувства, стараясь их возвысить до духовности, утончить до совершенства, и в высшем законоправном, сообразном с творческими целями направлении, благословляя их и освящая. В этом отношении половая и семейная любовь никак не составляет исключения, любовь жениха к невесте и обратно, любовь мужа к жене, родителей к детям и взаимно детей к родителям. Естественна животная сторона даже в привязанности детей к родителям. Тем не менее, эта привязанность есть заповедь Божия, заповедь Творца человеческой, животно-духовной природы. А богооткровенный закон Божий имеет задачей только возвысить детскую привязанность от естественно-животного влечения до сознательно-духовного человеческого чувства почтения к родителям: *чти отца твоего и мать твою.* Также относится закон Божий и к плотской любви. В человеке она никогда не может быть чисто животным чувством, без всякой примеси естественного или извращенного душевного влечения. Но христианство хочет возвысить ее так, чтоб она была нормальным сознательно душевным, или даже духовным влечением, и в этих видах призывает на нее благословение Божие. В этом смысле христианство попускает и поэзию, и скульптуру, и живопись, и музыку, как и всякие изящные искусства, всякие украшения жилищ, украшения одеждами и т. д. Не говорим уже о поэзии, музыке, живописи, которые направлены к прославлению имени Божия, к выражению

чистейших чувств высокого, благоговейного, безупречно-прекрасного. Говорим в частности о поэзии, музыке, живописи, которые изображают в поэтических одухотворенных образах человеческую любовь, человеческую красоту, внешние украшения одеждой, убранство храмов, домов и т. п. Что можно сказать, с христианской точки зрения, против патриархальной картины раба Авраамова Элиезера, который встречает у колодца юную красоту — Ревекку, будущую невесту Исаака, или против картины белокурого Давида, в белом тонком хитоне, с восторженным благоговением пляшущего пред ковчегом завета, или же против образа доброй взором жены грешницы, мажущей миром, обливающей слезами и отирающей своими волосами пречистые ноги Спасителя? Или же против прекрасных одухотворенных образов мучениц Варвары, Екатерины, Александры, пышно одетых и добрых видом зело, когда известно, что они были и прекрасны и не могли одеваться иначе, как пышно, по приличию своего высокого положения, или даже царственного сана? Почему и св. апостол Павел вовсе не воспрещает, а скорее повелевает женщинам украшать себя, только украшать себя украшениями благоприличными. Жены, — наставляет он ([I Тим. 2:9-10](#)), — во украшении лепотном (приличном), со стыдением и целомудрием да украшают себе, но только без излишеств, полагая свою красоту не в плетениях волос, не в золоте, ни жемчуге, ни в платьях многоценных, но в делах благих, как прилично женам, посвящающим себя благочестью. Что можно-бы сказать против картины или статуи благолепно украшенного царственного красавца св. Александра Невского? Или против картины царственного семейства Императора Николая I, у которого в семье одна красота превосходила другую, начиная с очаровательной девственной красоты царственного отрока, сына первенца и наследника Александра Николаевича, продолжая редкою замечательною красотой его августейших сестер Марии Николаевны, Ольги Николаевны, Александры Николаевны? известно, что одна поэма, в которой воспевается одухотворенная любовь, подержится даже в священном каноне. Известно, что св. отцы не только сами читали языческих классических поэтов, но внушали и другим читать их, только под условием, чтобы все в них искушать и доброе держать. Не видим ли мы трогательнейших поэтических образов любви, верности, самоотвержения в соотношениях двух полов даже у Гомера и Вергилия, еще больше у Шекспира и Вальтера Скотта, у Шиллера и Гете, у Диккенса и Теккерея, у наших Пушкина (Капитанская дочка) и Гоголя (Старосветские помещики), Тургенева: (Дворянское гнездо) и Достоевского (Преступление и наказание и проч.), и, наконец, у Маркевича (Двадцать пять лет назад...)?

Что же это такое читаем мы у препрославленного гения графа Льва Толстого? Читаем полное отрицание „всей,“ буквально „всей“ поэзии, скульптуры, живописи, музыки, „начиная с Пушкина“ и серьезнейшего из музыкальных творцов Бетховена! Хочет он, чтобы человечество отвергло с Пушкиным всех мировых поэтов, Вальтер Скотта, Гете, Шекспира, а конечно и древнего Гомера. Да Гомера, с его Менелаем и Еленою, он и мажет. Хочет он, чтобы человечество, вместо шекспировских или гетевских, приняло его толстовские, истинно толстовские, грубые, животные, скотские, зверские идеалы. *Зверь, грубейший чувственник, животное, трус, слабодушно бессильный подумает о самоубийстве, когда оно смыло бы с лица земли его позор, в тоже время из-за подлого подозрения, в утоление только своей давно накипевшей злобы, подло с мучениями, рассчитанно убивающий свою жену, мать на глазах детей, и тут еще рассчитывающий, что она перед ним покается в несодеянном грехе, когда ему самому следовало бы ползать перед ней в прахе, моля ее о прощении пред Богом за причиненное ей непоправимое зло, — это отвращение у Толстого — толковник евангелия, вселенский проповедник безбожному человечеству новой буддийской религии, толстовский апостол, глашатай нового неслыханного толстовского евангелия о безнравственности законного брачного сожития, о пошлости воспеваемой всеми живыми Божиими тварями, как и*

всем человечеством, любви, о необходимости ее окончательного искоренения, об истинном благе человека в самоуничтожении всей человеческого рода! Не сумасшествие ли?!

Печальный ли, отрадный ли признак для русского народа появление в его среде такого юрода, как Лев Толстой, юрода-мыслителя, писателя, проповедника, скептика, циника, разрушителя, отрицателя не только всяких святоотеческих преданий, не только всякой культуры и цивилизации, как продукта насилия и разврата, но и всякой поэзии, отрицателя жизни не только своего круга, но и всего человечества? Отрадного тут не много, если судить по исторической аналогии. Появление в Греции и Риме мыслителей и поэтов скептиков и циников, которые над всем смеялись, все отрицали, ни на нем не могли утвердить свою мысль и совесть, было роковым предвестием падения всего древле-языческого духа, да и носителя его, древле-языческого человечества. В этом отношении появление одного скептика поэта Лукреция было уже роковым признаком, Но он был и не один, а стоял во главе множества других разрушителей отечественных преданий. Так и наш Толстой. Он глава многих подобных же скептиков разрушителей. Ему кланяются тысячи наших интеллигентов, Его творения навязываются, да и нравятся сотням тысяч даже в низших кругах, нравятся и в высших кругах, от которых следовало бы ждать гораздо больше предусмотрительности и осторожности... Печально и опасно... Теперь вот не опомнятся ли его поклонники, когда увидят, до каких абсурдов дошел их гениальный учитель в своих отрицаниях? Он отрицает и науку, по крайней мере, для женщин, и „всю поэзию“, музыку и все и все достойное у его поклонников, и любовь, и брачное сожитие, и самую жизнь, как презренный продукт разврата, животности, скотства, гадости, пакости... Можно утешать себя, при виде этого рокового знамения, тем, что у нас, в русской среде, оно наплывное, наносное, навеянное историческими ветрами, Все антинародное, не русское дворянское образование, с его неверием, с его отрицаниями, все оно наносное на океане русской жизни. Все оно снесется теми же ветрами, которые его и нанесли. Дно океана народной жизни, даже не дно, а вся среда народной жизни, кроме самого поверхностного слоя, гонимого ветрами в виде волн и пены, все это — нужно надеяться — не тронута до самого дна. Даст Бог, русская жизнь потечет по своему естественному наклону, по велению судеб. Тем не менее, для круга, к которому относит себя сиятельный граф Толстой, этот роковой признак имеет грозно внушительное значение,

В самом деле, члены этого круга, вы теперь запоем читаете „Крейцерову сонату“ Толстого. Вы поклоняетесь ему как гениальному вашему учителю, проповеднику истинного, очищенного, освобожденного от суеверий христианства. Подумайте в самом деле, не правду ль он говорит собственно о вашем круге? Если правду, то ведь это ужасно. То ведь вы сгнили до корней, совсем превратились в животных. Вся ваша не только несемейная, но и семейная жизнь разврат, многоженство и многомужество, — многоженство не честное-магометанское, а подлое, европейское, — убийство, самоубийство, ад, все женщины и девы животные с-и, все мужчины с-е ж-цы. Религии ни следа, веры ни тени, появление ваше, „там“, т. е. в храмах Божиих, не более как кощунство, ни тени духовности, даже человечности, полное оскотение... Толстой хочет поправить вас посредством буддизма, развить между вами религию погружения в нирвану, привить к вам теорию участия в самоуничтожении, хоть-бы и посредством самоубийства... Еще не довольно самоубийств! Хочет, по меньшей мере, того, чтоб вы завели у себя честное благородное магометанское многоженство вместо подлого европейского, не видя в великой своей мудрости, в великом самоослепления, что женщина в христианском мире все же более или менее равноправна с мужчиною, в некоторых отношениях стоит даже выше, принимая от мужчин даже иногда, согласно учению св. апостола Петра ([1 Петр. 3:7](#)), большую честь себе, как немогущему, более нежному и хрупкому сосуду, а в честном, по Толстому, магометанском многоженстве женщина низведена в значение вещи, которую покупают и запирают, ни мало не

спрашиваясь ее вкусов, хотений, влечений, отвращений, воплей, мук... Хочет Толстой, чтоб и между нашими женщинами завелось, наконец, „честное» же многомужество, желая возвратить нас-куда же? Не далее, как к временам доисторической дикости... Однако же утешиться можете и вы надеждою, что и в вашей среде не все еще сгнило; что и в вашей среде еще теплится вера в Бога, у некоторых еще истинная и глубокая, у многих же хотя легкая, ветрогонная., Вот не зная, не изучая своей святоотеческой, истинно-христианской православной веры, не довольствуясь своей родною церковью, вы гонитесь по ветру моды, за Редстоками, Пашковыми и Толстыми, за очарователями Соловьевыми и поэтизмом папистов, искони враждебных всему русскому, свято-отечественному. В вашем круге измена свято-отеческому становится лозунгом времени, лозунгом свободно и широко провозглашаемым. Утешимся надеждою, что теплятся искры непотухшей веры даже в сердцах, которые тушат их в себе охотно и усердно, в сердцах нашей золотой молодежи, наших безбородых научных, наших курсисток, наших... целых стад веселых людей, у которых на знамени написано одно-два-три слова: „развлечение и наслаждение! Лови, лови часы любви! Живи и жить давай другим“! — Будем надеяться, что и этих коснется когда либо, как и касается видимо перст Божий, коснется не всегда, чтобы только казнить и умертвить, но и оживить и воскресить к жалости о прошлом, к покаянию, к жизни сокрушенной и очищенной. Ведь покаялся и разбойник на кресте. Пред смертью и Чернышевский жалел о прошлом, и желал исповеди и причащения. Любопытно бы дознать, жалел ли о своем „Что делать“ и супруга его заказывает панихиды по своему супруге. Увы! Всею свое время. Бремя смеяться, время плакать. Бремя грешить, время каяться и сокрушаться о прошлых грехах, Почтим это горе, эти слезы. Господи, прости... Утюжимое сознанием, что новое толстовское измышление исполнено чудовищных преувеличений и клевет даже насчет интеллигентного дворянского круга.

А что эти клеветы неприложимы, в самой большей своей части, к среднему и низшему кругам, нужно ль это доказывать? Нужно ли доказывать, что в этих кругах есть еще вера в Бога, и преданность святоотеческой церкви, в частности вера в брак и крещение, как таинства; что брачующиеся в церкви испрашивают себе благословение Божие на счастливую согласную жизнь; что в крещении христианские родители просят Отца небесного о принятии их дитяти в свою отеческую любовь; что есть еще и супружеская верность, и любовь между супругами и родительская любовь к детям? Нужно ли доказывать, что есть еще в этих кругах нормальная, законная христианская, семейная жизнь? Я. могу сказать даже, что еще наши очи видели идеальные супружества. Недаром Господь изрек: *будут два плоть едина*. Недаром св. апостол Павел говорит: *брак есть великая тайна*. Да, тайна великая — особенно нормальный брак, когда непочатая невинность сочетается с непочатою же невинностью. Оказано в приговоре Божиим первой жене: *к мужу твоему*

*обращение твое, и той тобою обладать будет*. У апостола сказано: *жена да боится своего мужа*. И не видим ли часто у жен, которые почти всегда приносят в брак свою невинность, не видим ли просто какого-то физиологического, но любовного страха к своим обладателям мужьям? На все вещи она смотрит не иначе, как глазами мужа. О каком-либо ложном шаге она и помыслить не может. Эти явления очень часты. Поразительнее то, что еще наши очи видели женскую скромность и стыдливость, при которой невозможны никакие речи легкого тона, они вызовут страдание. Не видим ли и того явления, что в свою очередь мужья, даже с недостатками люди, положительно буквально благоговеют пред своими женами, благоговеют в них, конечно, не пред *внешним плетением волос, не пред золотыми уборами или нарядностью в одежде*, но, — как многозначительно наставляет св. первоверховный апостол Петр ([1 Петр. 3:2-4](#)), — *но пред сокровенным сердца человеком, сияющим в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа жены, что пред Богом многоценно, видя всегда чистое богобоязненное житие своих жен?*

Причем жена властвует над мужем не чувственностью, а своей внутренней привлекательностью, чистотою, стойкостью и самоотвержением своей христианской души. Еще поразительнее, когда муж и жена, не только телами, но и душами сливаются в одного человека, когда становятся похожи друг на друга и лицами, как брат и сестра, так что видящие их нередко ошибаются. Еще наши очи видели подобные примеры<sup>6</sup>).

Видели и то, что подобные супружества неразрываемы: умер один супруг, не может жить и другой, умрет и тот, и умирает. Все это очень можно нередко видеть, особенно в супружествах священников, где и натуры супругов чище, цельнее, целомудреннее, где и нужда супругам беречь друг друга гораздо ощутительнее и настойчивее, чем в других кругах; ведь священнику другую жену не дадут, равно как и вдова священника редко найдет себе другого мужа. Похоронив супруга и супругу в нашем духовном быту, оставшиеся муж и жена почти всегда хоронят все свое счастье, а иногда и собственную жизнь. Еще наши очи видели и видят супружества, где вся супружеская любовь, заботы, все помыслы родителей, обоих родителей, поглощаются любовью к детям; где дитя служит восполнением семейной жизни; этого мало, где дитя втягивает в себя весь сон, вей заботу, все здоровье матери, втягивает в себя все интересы, все помыслы, все прежде любимые, напр., ученые занятия отца, втягивает, доставляя отцу и матери не муку, не тугу сердечную, а невыразимое и со стороны даже непостижимое наслаждение, радость, счастье, истинно семейное родительское счастье. Да и нужно ль нам Русским далеко ходить, чтобы видеть ясное солнце? Кто из нас не видит идеал христианской семейной супружеской родительской любви в самой благородной чете, поставленной на самый высокий свещник, чтобы светить чистейшим светом во все концы св. Руси? Кто не видит там супругу, которая во время продолжительной, тяжелой, даже заразной болезни мужа не отошла от него ни на шаг и отходила его не только пламенной молитвою беззаветно любящего сердца, но и самоотверженным трудом собственных рук! Кто не видит там отца, который среди бесчисленных, самых тяжелых дум и забот отдыхает, принимая радостное участие в играх собственных малых детей? Кто не видит там целое семейство, которое произнесло Богу обет всегда неразлучно окружать отца среди постоянно угрожающих его жизни опасностей, окружать в виде сонма ангелов хранителей, не взирая на собственную опасность: вместе жить, вместе и умирать? И спасают, спасают своей преданностью, своей молитвою, одним своим присутствием, У коренного злодея не поднимется рука на них на всех... И Бог спасает, спасает даже явно чудодейственно, спасает всех их идеально прекрасное, христианское, святое семейство, для счастья и научения России.

Один ослепший Толстой этого не видит и кощунствует,

И как не стыдно графу Льву Толстому, уважаемому многими старику, сказать пред целым светом в глаза своей старой, уважаемой многими и, говорят, очень умной и дельной жене, все, что сказано им в его „Крейцеровой Сонате“, — сказать, что они, живя много лет в брачном сожитии и родив много детей со своей женою, занимались с ней не иным чем, как свинством, сказать в глаза своим возрастным сыновьям, графам, что они порождение не более, как свинства, мерзости, гадости, пакости?! Не явный ли знак, что у старика, ослепшего от сатанинской гордыни, от превозношения выделат из себя нового люцифера-светоносца, мозги перевернулись?! И как было самой жене не видеть этого, когда они выпускали в свет свою поганую „Крейцерову сонату?“ Ведь, говорят, она сама ведет все торговые сделки с распространением произведений своего мужа и ведет, говорят, претолково и прерасчетливо, несмотря на вербальное отречение мужа от всякой собственности, Видно, одну ослепляет корысть столько же, сколько другого гордыня. Слепец слепца водит и оба падают в яму неожиданно для себя.

Надеясь на Бога, крепко веруем, что на святой Руси еще не умер идеал христианской

семейной жизни, начертанный св. первоверховным апостолом Петром, который в первую половину жизни сам был женат ([1 Кор. 9:5](#)). „Жены, — наставляет первоверховный апостол ([1 Петр. 3:1 -12](#)), — повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, без слова были пленены женским житием, когда увидят ваше чистое богобоязненное житие“. Вот христианский способ некоторого благоплодного властвования жены над мужем, при полном ему повиновении, — чисто богобоязненное житие. — „Да будет украшением вашим, — продолжает первоверховный апостол, — не внешнее плетение волос, не золотые уборы, или нарядность в одежде, но потаенный сокровенный сердца человек в нетленной и неувядаемой красоте кроткого и молчаливого духа, что пред Богом многоценно. Так некогда и святые жены украшали себя, повинаясь своим мужьям, Так Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином. Также и вы мужья обращайтесь с своими женами по разуму, воздающе им честь, яко немощнейшему женскому сосуду, как сонаследницам благодатной жизни. Наконец будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры. Не воздавайте злом за зло, или досаждением за досаждение“ (не так, как в толстовском супружестве, где „ненависть и грызня“ между супругами была нормальным их состоянием, где они „злоумышляли друг против друга, как два ненавидящие друг друга, связанные одною цепью, колодника“), „напротив, — поучает св. первоверховный апостол, — благословляйте друг друга, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение. Ибо кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни, тот удерживай язык свой от зла“ (не как злостный герой Толстого ) „и уста, свои от злых лукавых речей. Уклоняйся от зла, и делай добро; ищи мира и стремись к нему. Потому что очи Господни обращены к праведным и уши Его к молитве их; но лице Господне против делающих зло, чтоб истребить их от земли“,

А что оказать Толстому? То, что сказано Господом Иисусом, что поставлено нами в начале: *внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их узнаете их. Еда объемлют от терния грозды, или от репия смоквы? Тако всяко древо добро плоды добры творит: а злое древо плоды злы творит. Не может древо добро плоды злы творити, т древо зло плоды добры творити. Всяко убо древо, еже не творит плода добра, отсекают е, и во огонь вметають. Темже убо от плод их узнаете их ([Мат:5, 15-19](#)).* В учении веры и нравственности какого добра ждать от Толстого безбожника, который идет до Геркулесовых столбов абсурда в выводах из своих гибельных начал, дальше всех безбожников, — от такого лицемера, какого свет еще не родил?! *Горе вам, книжницы, фарисее, лицемеры, яко одесятствуете тмин и мяту (лепите печи, тачаете сапоги), и остависте вящшая закона, суд и веру ([Мат. 23:23](#)), Аминь.*

## Беседа VIII. Церковь и государство

Бог сотворил от единых крове весь язык человек, жити по всему лицу земному, уставив предучиненныя времена и пределы селения их: взыскати Господа, да поне осяжут Его и обрящут, яко недалече от единыю коегождо нас суца. О Нем бо живем и движемся и есмы. Сей бо и род есмы ([Деян. 17:26-28](#)).

По изъяснению святого апостола Павла, вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых ([Евр. 11:1](#)), т. е, уверенность в невидимом (небесном), как бы в видимом, желаемом и ожидаемом (в будущей вечной жизни), как бы в настоящем. Верую познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого, по глаголу Божию, произошло все видимое. Надобно, чтобы всякий приходящий к Богу веровал, что Он есть, что Бог существует, и ищущим Его воздаст, что всякий ищущий Бога, исполняя волю Божию, получит обещанное Богом освящение и мир души на земле и блаженство вечное на небесах, что грядущий открыть свое вечное царство Господь приидет и воздаст каждому по делам его.

Праведный верую жив будет; а если кто колеблется, не благоволит к тому душа Моя, глаголет Господь чрез пророка. Иже веру имет и крестится, спасен будет; а иже не имет веры, осужден будет. Эта вера дает смысл, силу, направление жизни. Каждый живущий человек, находя этот смысл, живет на основании его. Если же не нашел, то умирает, во-первых духовно, а часто и телесно, что подтверждается особенно учащенными в последнее время самоубийствами неверующих. До сих пор история не знала народа, неверующего в Бога и бессмертие. Доказать же противное, что народы могут жить без веры в Божество и бессмертие, ясно ли, смутно ли понимаемое, еще предлежит современным неверам, чего они, конечно, не докажут никогда. В этой вере свидетельствованы были все древние от начала мира до самых последних времен, все величайшие мужи истории.

В икании истинного смысла жизни, точнее, в изыскании истинной веры, человек должен пользоваться всем тем, что относительно веры содержит и преподает лучшая часть человечества, научаемая самим Богом чрез божественное откровение. Под именем божественного откровения разумеется то, что сам Бог открыл человекам, дабы они могли право и спасительно веровать в Него и достойно чтить Его. Первыми провозвестниками откровения Божия были Адам, Ной, Авраам, Моисей и другие пророки, которые приняли и проповедовали начатки откровения Божия. В полноте же и совершенстве принес на землю откровение Божие воплощенный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос и распространил оное по вселенной чрез своих учеников и апостолов.

А что Господь Иисус есть учитель божественный, что возвещал Он высочайшую, чистейшую истину, это доказывается всем евангелием, как и всей историей Христианства, доказывается многочисленными свидетельствами самовидцев воплотившегося Слова Божия о Его дивной жизни и бесчисленных чудотворениях, о Его крестной смерти и воскресении. А что мы обязаны веровать и апостолам Христовым, это видно из обращенных к ним слов самого Христа: *иже вас приемлет, Мене приемлет, и иже приемлет Мене, приемлет пославшаго Мя Отца*, как и из многих других Его же изречений, как и из всего евангелия и всей новозаветной священной истории, из евангелий видно, что святые апостолы возвещали истину не свою, а Христову, проповедовали не иное, как Христово учение. Вот по Христовым, по евангельским изречениям, св. апостолы от века принадлежали Богу Отцу, который предызбрал их прежде сложения мира. Бог Отец дал их своему Сыну, Спасителю мира, который и избрал их от мира, Избрал, чтобы сотворить их ловцами человеков, солию мира, светом мира. Учил их сам, вразумлял, обличал, предостерегал. Учил вместе с прочими учениками, но учил и особо,

сокровенно, наедине, как избраннейших своих учеников, как будущих избраннейших учителей мира, проповедников имени Его, как избраннейших посланников премудрости божественной. Много было открыто им еще при жизни Господа на земле особою божественною благодатью, как Петру сам Бог Отец открыл едиnorodного своего Сына в лице Христа Иисуса, открыл, чтобы в лице Петра явить будущий незыблемый камень Христовой церкви, которой и врата ада не одолеют. Так и прочим апостолам, еще при жизни Христа на земле, сам Бог Отец открывал в некоторой мере тайны царства небесного, открывал сим младенцам, людям некнижным, простым, утаивая в тоже время сии тайны от премудрых и разумных, По воскресении же своем Господь чудодейственно отверзает им ум разумети писания Моисея и других пророков, которые все предвозвещали о Нем, о Его пришествии в мир, о Его страдании и воскресении, и о спасении мира именем Его.

Теми и другими, естественными и сверхъестественными, способами Господь Иисус открывал избраннейшим своим ученикам имя Бога Отца, передал им слова, которые дал Ему самому сам Бог Отец. И они приняли и уразумели истинно, что Христос изшел от Бога Отца. Но полное уразумение божественной истины Христос обещает им по сошествии на них Духа Утешителя, Духа истины, который наставит их на всякую истину и вспомынет им все, что Христос говорил им при жизни: скажет им даже больше того, что они слышали от Него самого при жизни, но скажет не свое, а Христово же слово, потому что от Него же примет, и возвестит им, потому что Дух Утешитель исходит вечно от Бога Отца, с которым едиnorodный Сын Его едино, как и все сии три, Отец, Сын и Святой Дух, едино суть. По сошествии же на апостолов Святого Духа, по очищении их благодатью Святого Духа, они будут едино со Отцем и Сыном и Святым Духом, Тогда Сын Божий прямо возвестит им об Отце. Тогда они и Его самого, Сына Божия, увидят, как теперь, до смерти Его, пока не видят; тогда явится Он и сам, чтобы пребывать с ними во век: тогда и Дух Святой, раз сошедши на них, пребудет с ними также во век, чтобы наставлять их на всякую истину. Тогда Христос, как истинная лоза, привьет их к себе как ветви, и они станут жить Его жизнью, просвещаться Его ведением, дышать Его духом, духом истины и правоты, так как Он есть путь, истина и жизнь. Тогда верующие в Него, силою Его, сотворят дела, которые Он сам творил, и больше того сотворят. При жизни своей Христос сам соблюдал своих учеников от мира; а теперь пред смертью Он молит Бога Отца, чтобы сам Бог Отец соблюдал их от мирского зла; молит, чтобы освящал их истиною своею, молит о них особо и исключительно, да будут они едино во Отце и Сыне, чтоб и мир чрез слово их познал, что Отец послал Христа в мир, чтобы чрез эту веру люди достигли жизни вечной, которая в том и состоит, да знают единого истинного Бога Отца и его же послал Он, Иисуса Христа. Тогда, по сошествии на них Святого Духа, не они, не апостолы будут говорить, но Дух Отца небесного будет говорить в них. Тогда Он сам, Господь Иисус, даст им уста и премудрость, ей же не возмогут противиться или противостать все противляющиеся им. Тогда они пребудут в Духе Святом, и Он в них; пребудут в Сыне Божием, яко же Он во Отце, и Отец в Нем, так и апостолы пребудут во Отце и Сыне и Святом Духе. Тогда чрез них Дух Святой будет свидетелем Иисуса Христа в мире, и они, пребыв со Христом от начала, как самовидцы Слова, станут также Его свидетелями повсюду, от Иерусалима и до концов земли. Тогда кто примет их, примет самого Христа, а кто отвергнется их, отвергнется самого Христа. Тогда, по сошествии на них Святого Духа, они и действительно изшедше проповедаша слово Христово всюду, Господу споспешествуя, и слово их, как истинное божественное слово, утверждающе последующими знаменами неисчислимых чудотворений. Св. апостол Павел, в послании к Коринфянам и Солунянам, в подтверждение божественной истинности своего слова, сам указывает на многие знаменья, чудеса и силы, явленные им пред их собственными очами. Здесь — поразительнейшее доказательство как непреложности чудотворений, так и божественности

учения св. апостола Павла, а равно и других апостолов.

Для истинного последователя Христова только то откровение может быть истинно божественным, которое преподали, устно и письменно, сам Господь Иисус Христос и святые апостолы Его, а из древнейших учений только то учение может быть божественным откровением, которое признавали и выдавали за таковое Они же, Сам Христос Господь е своими апостолами, которое провозвещали пророки и другие святые мужи, которое содержала ветхозаветная церковь. Подобным же образом и истинною церковью последователь Христов должен признавать только ту, которую за таковую признавали в ветхом завете сам Христос Спаситель и апостолы Его, а в новом завете ту, которая содержит истинное божественное откровение свято в нерушимой целости.

Новозаветная церковь есть от Бога установленное общество человек, соединенных православною верою, законом Божиим, священноначалием и таинствами, Подобным же образом и ветхозаветная церковь была также от Бога установленное общество человек, соединенных богооткровенною верою и законом Божиим, священноначалием (в патриархальной церкви родовым патриархальным, а в подзаконной — богоизбранным Иерархическим) и священными обрядами, прообразовавшими новозаветные таинства, каковы были в церкви патриархальной богоустановленные чины и обряды бракосочетания, обрезания, приношения жертв и вообще священнослужения, а в церкви подзаконной чины и обряды тех же обрезания, бракосочетания, жертвоприношений и поставления во священство, с разными уставами священнослужения. Церковь земную должно всегда мыслить не в ином виде, как в связи с церковью, небесною, с духами праведников, отшедших в горний мир, с горними ангельскими силами, посылаемыми на служение спасению человек, с Духом Божиим, воодушевляющим, просвещающим и животворящим церковь, наконец, с главою церкви воплотившимся Сыном Божиим, который уже в ветхом завете был главенствующим руководителем церкви и патриархальной и подзаконной, как Ангел Завета, как predetermined от века посредник между Богом и человеком. Что Бог и святые Его неразрывно соединены с земною церковью, это подтверждается для всякого непрерывным, на всем пространстве истории от начала мира и до последних дней, рядом знамений и чудес, видимо проявляющих в церкви Божией сверхъестественную силу Божию и постоянно подтверждающих божественное происхождение и значение самой церкви.

Как общество истинно верующих, земная церковь установилась не только естественно и необходимо, но и особым устройением Божиим, и обратно, не только по особому устройению Божию, но и необходимо и естественно. „Идеже еста два или трие, собрани во имя Мое, ту есмь посреде их“, — изрек Господь наш Иисус Христос. Первую церковь на земле составили первые два человека, соединенные волей Божией и естественным союзом мужа и жены. Впрочем, и тогда составляли церковь не два лица, а больше, третий с ними и над ними сам Бог Творец, Вседержитель и Отец человек; а между людьми и Богом ту же церковь восполнял бесчисленный сонм духов небесных. С течением же времени ту же церковь заполняли разрастающиеся семейный и родовой союзы; так, в семействе первозданных людей дети их, а в роде их все первоначальное потомство их от Адама до Ноя. Причем видимо главенствующими в первобытной патриархальной церкви естественно являются патриархи Сим, Енох, Масусаил, Ной, как начальники родов и как по святости жизни, состоявшие в ближайшем общении с Богом. Они же первые были и провозвестники воли Божией, ведомой им и по преемственному преданию и по непосредственному богооткровению, и судии других от лица Божия, как отцы семей и родоначальники, Они же первые стали изрекать и клятву и благословение на других, как изрек Ной патриарх на сынов своих и потомство их, Впрочем, сам Бог, Творец и Отец всех человек, положил пред лицом каждого человека благословение и клятву, да своей волей и собственным разумом каждый изберет благое и благословение и отвергнет злое и клятву,

изреченную от века на всякое зло. Так, не говоря о самом Адаме, неверием слову Божию и нарушением Божией заповеди навлекшем клятву на себя и весь род человеческий, уже в падшем человечестве первую по Адамовой клятву навлекает на себя и на род свой первый сын Адама, первый же злостный братоубийца Каин, вследствие чего сам собой и отделяется от церкви Божией. После Каина ту же клятву наследовали в допотопном человечестве все сыны человеческие, проистекавшие по преимуществу от Каина, которые впали в неверие и в плотскую жизнь; а соединяясь плотскими союзами и с потомством Сифа, растлили весь человеческий род, кроме Ноева, за что и истреблены от Бога всемирным потопом. Когда же Богу так угодно положить благословение и клятву пред лицом каждого человека, то кто оспорит это право у каждого избрать себе, вольною волей и вольным разумом, положенные пред лицом каждого благо и благословение, или зло и клятву? Кто оспорит и у самого Бога безусловное Его право изречь благословение на добро и клятву на зло? Они уже изречены прежде сложения мира, прежде создания каждого человека, по предведению и предопределению. Кто оспорит у отца, у родоначальника патриарха право изречь благословение или клятву на добрые или злые свои порождения? Кто оспорит у отца естественное и божественное право наложить свою волю на детей, требовать от них ее исполнения и наказывать за нарушение? Кто оспорит то же право у родоначальника, в отношении к ближайшему его потомству, или же у союза родоначальников, в отношении к ближайшим и дальним своим потомкам? Можно детям и потомкам вотще оспаривать это право у своих отцов и родоначальников; но отнять это освященное общечеловеческими заветами право у отцов и родоначальников, когда они им воспользовались, когда из него развилась вся история всех человеческих обществ, когда история подтвердила силу и действенность отеческих заветов, клятв и благословений, когда в исполнившихся заветах и обетованиях отцов здравый общечеловеческий смысл привык усматривать непреложную волю Божию,— отнять это право у отцов и начальников родов нельзя. Это не только невозможно, но было бы и противоестественно, и богопротивно.

Так вот, в раскрытии судеб церкви Божией на земле, вызванный в землю обетованную Авраам вступает с Богом в завет, который скрепляет клятвенной присягою, вступает не только за себя, за свою семью, но и за все свое потомство, клянясь на веки быть верным единому истинному Богу, под угрозой нарушителям сего завета из своего рода даже смертной казни. Так потомки Авраама, родоначальники колен, племен и родов Израилевых, осыпанные в Египте благодеяниями Божиими чрез Моисея, выведенные из рабства Египетского, по чудесном переходе чрез Чермное море, крестились в Моисея, т. е. дали обет за себя и за весь род свой навсегда быть верными Моисею; у Синая же поклялись, скрепив свою клятву буквально присягою, быть на веки верными завету своих праотцев и своему собственному с Богом Авраама, Исаака и Иакова, изрекая не только клятву на себя самих и весь род свой, но и тяжкие наказания нарушителям сего завета до смертной казни включительно. Пусть же теперь кто либо, три-четыре тысячи лет спустя, оспаривает у Моисея и современников его, как и у патриархов их Авраама, Исаака и Иакова, право вступит в завет с Господом Богом, под страхом клятвы и даже смертной казни, не только за себя, но и за потомство свое. Они вступили и связали этою клятвою себя и род свой на века. Пусть кто либо из наших суемудрых современников отыщет то же право держать себя и потомство свое под тою же клятвою в завете Моисея и Авраама у отцов и родоначальников современного нам еврейского народа. Увы! Право естественное, хотя теперь, по изменившимся на пространстве тысячелетий обстоятельствам церкви Божией, по учреждении церкви новозаветной, и ошибочно израильянами направляемое. Тягость ветхого Мосеева завета была и есть то иго рабства, от которого, по слову апостола Павла, избавил нас учредитель нового завета Господь Иисус Христос,

Понятна злобная ненависть современных нам суемудров к Христовой церкви, но

непостижимо их непонимание относительно церкви. Впрочем это будто бы непонимание есть не иное что, как ослепление их, как отвержение ими очевидной истины, как явная хула их на Духа Святого. Ведь всякому известно, что по рождению своему до самой смерти, точнее до тайной вечери, Господь Иисус сам принадлежал к ветхозаветной церкви, которую и признавал как богоучрежденную церковь, подчиняясь всем ее уставам, пока на тайной вечери, учредив величайшее таинство нового завета, не утвердил и новозаветную церковь. Начало же этой новозаветной церкви Он положил, когда призвал к себе первых своих учеников апостолов. А когда воспитал их до изречения апостолом Петром, по откровению от Бога Отца, твердой веры в Него, Господа Иисуса, как в Единородного Сына Божия, то и изрек: *ты еси Петр и на сем камени (на вере Петра и прочих апостолов в Него, Иисуса как Единородного Сына Божия) созижду церковь мою, и врата, ада не одолеют ее.* Завершил же Христос Господь основание своей церкви, когда в день пятидесятый по воскресении своем ниспослал

Пресвятого своего Духа на святые своя ученики и апостолы. Тогда, по сошествии на них Святого Духа, они, изшедше в мир весь, наченше от Иерусалима, устроили церкви Божии по всем градам, а католическую, апостольскую, едину, святую, Христову церковь утвердили во всех краях земли, Тщетным суемудрием являются современные лжеучители, когда смущают других словом Христовым апостолам: *вы не нарецайтесь учителями, един бо есть учитель ваш Христос* что в речи Христовой буквально значит: вы не мните быть учителями, равными единому учителю вашему Христу, равно опасайтесь быть и такими суемудрыми тщеславными учителями, каковы еврейские книжники и фарисеи, которые любят зватися от человек: равви, равви! учителю, учителю! отче, отче! Ведь говоря против них же, против тех же книжников и фарисеев, тем же святым апостолам: *и отца не зовите себе на земли; един бо есть Отец ваш, иже на небесех,* не запрещает же Христос называть отцами отцов земных, которых сам не только называет, но и заповедует называть отцами ([Матф. 19:19](#)), Ведь их же, ближайших учеников своих, Христе назвал своими апостолами, посланниками, своими друзьями ([Иоан. 15:13-15](#)), назвал не только книжниками мудрецами, но и пророками, назвал в той же самой речи, в которой внушает им не тщеславиться пустыми титулами: равви, равви! учителю, учителю! отче, отче! ([Матф. 23:34](#)). Им же, апостолам, Христос Господь пред вознесением своим, заповедует: *шедше научите вся языки, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам,* поставляя их учителями вселенной. Сам Христос, по слову апостола Павла, *дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники* (евангелисты), *овы же пастыри и учителя, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова — церкви* ([Евр. 4:11-12](#)). И храм Божий, созидаемый Духом Святым, растет в церковь святую о Господе, будучи наздан на основании апостолов и пророков, сущу краеугольну самому Иисусу Христу ([Еф. 2:20-22](#)),

Учрежденная Господом Иисусом, учителем милосердия и любви, церковь Христова может ли проклинать? Поставив вопрос шире и точнее, может ли церковь судить и осуждать, может ли извергать из своего общения, изрекать анафему отлучения или даже клятвы,— отвечаем решительно, что может. На это церковь уполномочена самим Христом. Своим апостолам, проповедникам евангелия, сам Христос заповедал: *иже аще не примет вас, ниже послушает словес ваших, исходяще из дому, или из града тою, отрясите прах ног ваших. Аминь глаюлю вам: отраднее будет земли Содомстей и Гоморрстей в день судный, неже граду тому* ([Матф. 10:14-15](#)). Известна заповедь Христа всякому Его последователю, как и всей церкви: *если согрешит к тебе брат твой, делом, словом и мыслию, иди и обличи ей между тобою и тем едином. Аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единого или два. Аще ли не послушает их, повеждь церкви. Аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь, как отверженный* ([Матф. 18:15-17](#)). Апостол Павел заповедует отвергать не только тех, которые, смущая верных, хотят превратить благовествование Христово и проповедуют иное

благовествование, но даже тех, которые проповедуют больше, чем преподано истинными апостолами Христовыми: *еще мы сами, или даже Ангел с небеси благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет*, — что и подтверждает повторяя: *якоже предрекохом и ныне паки глаголю: еще кто благовестит вам паче, еже прияте, анафема да будет* ([Гал. 1:7-9](#)). А святой Иоанн Богослов изрекает подобное прещение как на того, кто приложит к словам благовестия пророков и апостолов и самого Господа нашего Иисуса Христа, так и на того, кто отымет от словес учения их, запрещая не только прибавлять что либо к богооткровенному учению, но и убавлять от него ([Апок. 22:18-19](#)), внушая прерывать не только церковное, но и всякое житейское общение с человеком, иже приходит к нам и Христова учения не приносит ([2 Иоан. 9-11](#)). Потому-то все апостолы, оставившие нам свои писания, каковы св. апостолы Иаков, [Петр](#), Иоанн, Иуда изрекают тяжкие прещения на нечестивцев, еретиков, лжеучителей, лжеапостолов, антихристов своего и всех последующих веков. А св. Павел изрекает на современных ему лжеапостолов, противников Христовых, прямо и буквально анафему: анафема да будет!

Может ли церковь применять к противляющимся ей другие меры наказания? — Может, начиная с кар небесных загробных. Христос Господь внушает своим проповедникам апостолам отрясти прах ног своих от дома или града, в котором не примут их, проповедников и прибавляет угрозу своего божественного суда: *аминь глаголю вам отраднее будет земли Содомстей и Гоморрстей в день судный, нежели граду тому*. Своей церкви предоставил Господь власть и силу разрешать на земле каждого для неба и вечной жизни и вязать на смерть вечную. Известно, что древняя ветхозаветная церковь казнила и временную смертью, пока состояла в неразрывной связи с государством, точнее, пока составляла неразрывное единство с государством и совершала сама собою все собственно государственные отправления, что творила, как в патриархальный свой период ([Быт. 31:32](#); 38, 24), так и в подзаконный, пока не пришел уреченный час для ветхозаветной церкви, с ее кровавыми приношениями и казнями, уступить свое место церкви новозаветной, с ее бескровною жертвою и бескровными же взысканиями. Как раз ко времени пришествия Христова на землю, у Иудейской, отпадавшей от истины Божией, церкви право казнить смертью отняли покорители Иудеев римляне ([Иоан. 18:31](#)). Священнослужителям же своей новозаветной церкви ее основатель запретил проливать кровь, сказав Петру: *вложи нож твой в ножны*, так как царство Христово не от мира сего, и ближайшие слуги его не могут оборонять его мечами. По чину православной церкви, священнослужители, приносящие бескровную жертву, никогда и не проливали крови оружием. Таков исконный дух истинной православной церкви Христовой. Тем не менее, в священной новозаветной истории мы имеем два или три факта чудесного наказания Божия за нечестие, наказания телесною смертью и слепотой. Так св. апостол Петр казнил смертью Ананию и Сапфиру, как по преданию казнил и Симона Волхва. Св. апостол Павел казнил слепотой Эллиму Волхва. В церковной же истории мы имеем немало примеров явного, чудесного, телесного поражения нечестивцев за нечестие мысли, слова и дела, Но обыкновенной смертной казни или телесной пытке православная церковь сама собою никогда никого не подвергала. Тем не менее, согласно заповеди самого же Христа воздавать кесарево кесарю и по внушению св. апостола Павла воздавать всем должное — налоги, дани, честь и страх предержащим властям, которые от Бога же вооружены и мечем на страх злодеям, в защиту благодетелей, ко благу человеческих обществ, церковь Христова не воспрещает употреблять оружие государству, тем более, что государство исполняет целую внешнюю половину того же служения Богу и человечеству, какое некогда несла сама же церковь до выделения из нее государства.

В центральной части исторического человечества, точнее сказать в среде исторического человечества, первоначальное государство действительно выделилось из церкви, по крайней

мере выделилось из того единого источника и русла, из которого проистекла и церковь. Несомненно, что первобытное государство образовалось из семейной и родовой общины, связанной, кроме уз родства плотского, узами родства и духовного, скрепляемого единством веры в Бога и в святость родового начала. Так вот патриарх Авраам, он отец и родоначальник, и владыка в семье над чадами и домочадцами, он же и священник, приносящий жертву, он же и вождь семейного воинства. Он с 300 домочадцев воюет с пятью соседними, подобными ему, царями и побеждает их. Когда возвращался он с победы, его встречает подобный же ему царь Салима, Мельхиседек, священник Бога Вышнего ([Быт.](#) гл. 14). Такой же царь был и патриарх Иов, он же и жрец; таковы же и друзья его цари (Иова 1, 5; 48, 17). Бесспорно, что в первобытных государствах, как застаёт их ясная история, религиозные учреждения преобладали над гражданскими, жреческое сословие имело руководящее значение, сами цари любили являться в священном ореоле ближайших слуг Божиих, вестников воли Божией для подвластных; а все это наводит на мысль, что не только патриархальные ханаанские царства, но и другие, напр. в Индии, Египте, Средней Азии, Елладе, в Италии, все первоначально произошли и развились из семейных и родовых союзов, скрепленных преданиями единой веры, т. е. из церковнорелигиозных союзов.

Уже отсюда видно, что государственный союз так же возник по воле Божией, как и союзы церковнорелигиозные, родовые и семейные. Сверх того, по божественному откровению, подкрепляемому народными преданиями, мы знаем, что сам Промысл Божий рассеял народы во все концы земли из западной Азии, от Арарата, как центра, после Вавилонского смешения языков, во все концы земли: в среднюю Азию, в Индию, в Египет. В Европу из-за Каспийского и Евксинского морей. По изречению Боговидца Моисея мы знаем, что Бог поставил пределы народов по числу ангелов Божиих. По слову Спасителя, к каждому человеку приставлен особый ангел хранитель; а по Апокалипсису мы знаем, что особые ангелы хранители поставлены над разными частями и стихиями мира, над царствами и народами, над городами и особыми церквями. По слову св. апостола Павла, Бог, сотворив от единые крове весь род человеческий и предназначив жить ему по всему лицу земному, сам устави предучиненные времена и пределы селения народов, сколько времени и в каких пространствах какому народу жить, указав цель жизни всякому народу взыскати Господа. Вообще же кто верит в живого Бога, тот не может не верить и во вседержительный Промысл Божий, управляющий народами и царствами.

Благотворно ли разделение человечества на народы и царства?— Суетный вопрос суемудрия, равняющийся вопросу: благотворно ли творческое разделение земного шара на моря и сушу, на такие-то горы и долины, поля и бесплодные степи, которые, по нашему расчету, можно бы раскинуть и с большей пользой для человечества. Суетный вопрос, когда все это разделение как земного шара на его части, так и всего человечества также на его части, проистекло из творческой-вседержительной и промыслительной воли Божией, Проистекло из воли Божией, значит, и необходимо и естественно, а в конечных промыслительных целях и благотворно для человека. Самое покорение одних племен другими и образование из них больших царств благотворно же, потому что без сомнения направлено Промыслом, не хотящим смерти грешника, ко благу не только покорителей, но и самих покоренных. Божественное откровение не только показывает нам, что разделение человечества на царства и народы входит в план божественного домостроительства, но частью проясняет и смысл этого плана. Так когда, посредством плотских союзов в человечестве допотопном, сыны человеческие, потомки Каина, слились с сынами Божиими из избранного потомства Сифова, тогда Бог нашел нужным допотопный человеческий род истребить, как растленный и неспособный к истинно-человеческой духовной жизни. Человечество послепотопное, сосредоточиваемое Нимвродом и преемниками его, первыми в истории властителями, около Вавилона, также быстро стало

забывать истинного Бога, и всецело погружаться не только в земные заботы, необходимые для жизни, но и в целые предприятия нелепой гордыни, каково построение до неба Вавилонской башни, Тогда Господь наказал людей, как и спаял их от полнейшего, в скученном состоянии, быстрого растрепания смешением языков и рассеянием по всем концам мира. Когда среднеазиатское человечество, скученное около того же Вавилона, стало и после рассеяния народов быстро погружаться в язычество и идолопоклонство, Бог, для спасения на земле истинного богопочтения, нашел нужным выделить Авраама и род его из всего человечества на служение себе, единому истинному Богу. Когда и род Авраамов, подавленный и развращаемый египетским рабством, стал заражаться и египетскими суевериями, тогда Господь вывел Израильян из Египта рукою крепкою, страшными казнями на Египтян, и ввел в землю обетованную, заповедав истребить там все ханаанские народы и не сообщаться с ними ни семейными союзами, ни обычаями, ни тем более верою, Божий Промысл решил лучше сделать Израиля ненавистным для всех окрестных народов, чем не сберечь его от смешения с другими народами, и веру его от смешения с повсеместным идолопоклонством, Св. апостол Павел говорит, что Бог оставил предучиненные времена и пределы народов для того, чтобы они *взыскали Господа, да поне осяжут Его и обрящут, яко недалече от единого коеюждо нас суца*. Да, нигде так ощутительно нельзя обрести, хотя и недалече от нас суцаго, но закрытого от нас нашей греховностью и житейскою суетностью, Бога, как в судьбах Собственного народа и отечества: *о Нем бо, о Боге нашем, мы живем и движемся и есмы*; о Нем и побораем врагов наших и устроаем временное свое счастье и душевное спасение. И нигде это так не видно для внимательных, как в отечественной истории.

Отсюда патриотизм, как естественнейшая и священнейшая обязанность. Патриотизм есть любовь к отечеству, покорность ему и верность даже до смерти, до пролития крови, Отечество потому так и называется, что оно каждого из нас родило и воспитало; потому что заключает в себе всю совокупность наших отцов, как живых пока еще, так и отшедших уже в вечность, которые своей верою и любовью, своей преданностью тому же отечеству до смерти, своими клятвами и заветами своим потомкам, основали и утвердили и нам на вечное хранение завещали то же отечество; потому что оно сдерживается, движется на своем основании и управляется, как главою, отцом отечества, прямым потомком того богоизбранного рода, которому Промысл Божий, своим исключительным избранием, вручил главенство между первейшими родами, основавшими государство, и вверил судьбы народа, закрепленного за царством и царем вольными на верность ему клятвами многих поколений; того богоизбранного рода, который освящен для своего высшего призвания вековечною за него молитвою премногих миллионов соотечественников живых и в горний мир отшедших; который, в своих богоизбранных первенцах, запечатлен, для исключительного служения целям Промысла, печатью дара Духа Святого, в священном миропомазании, пред лицом неба и земли, пред лицом церкви воинствующей на земле и торжествующей в небесах, под наитием молитв и благословений как той, так и другой церкви, на счастье богохранимого царства, на благо тьмы — тем спасающихся в нем душ. Кто из смертных на земле может быть священнее Помазанника Божия, богоизбранного Царя? Что неприкосновеннее его жизни, с которою так крепко связана жизнь всего отечества? Что обязательнее богоустановленной и Богом благословенной клятвы на верность Царю даже до смерти, до пролития каждым из верноподданных собственной крови? Ведь проливая кровь нашу за Царя, мы проливаем ее за все, что есть для нас на земле самого священного, дорогого и любезного, за веру и святыню, за храмы и могилы предков, за отцов и братьев, за жен и детей, за семейный очаг и народный уклад, нас воспитавший, питающий и одушевляющий и провожающий в могилу. А Царь есть высшее священнейшее знамя всего дорогого и любезного и священного для нашего сердца на нашей родине. Что патриотизм будто

есть только продукт превратного воспитания, что всякое государство основано на насилии, что всякая власть — насилие, что законы — насилие, что отправление правосудия — насилие, что защита отечества оружием — также насилие, — это есть нечестивое злохуление суемудрия, распространяющееся особенно в последнее время, по всей справедливости называемое тяжелым и смутным, и именно среди этих злосчастных смут. Любовь к отечеству воспитывается школою веков, вековечною школою истории. Как мы видели, государственное начало развилось из семейного, родового, церковнорелигиозного. Как легко сообразить, отечество разрослось из семьи, из семей, из родов более или менее от одного корня. Между тем природа учит сына любить отца, учит внука любить деда, учит потомство чтить и любить и хранить заветы родоначальников, поддерживать дух предков, соблюдать их веру и священные предания и предавать их заботливой любви и сбереженью своих детей и внуков. Отсюда любовь к отечеству. Сын, по закону естественному, человеческому и божественному, покорствуется отцу, внук деду, потомки родоначальникам, народ (то, что народилось от старейших) первенствующим родам, делавшим историю народа; все старейшие и юнейшие, высшие и низшие, главенствующему роду, избранному Промыслом для ведения судеб государства. Все это установилось само собою, все это вытекло из родового начала, освящено народною верою, заветами и преданиями; все это превратилось в скрытно лежащий или даже явный и гласный народный договор, скрепленный общенародною присягою. Ведь всякий нарождающийся человек, сознательно-бессознательно, открыто или подразумеваемо, но несомненно, принимает этот общенародный договор, когда растет и воспитывается, живет и идет в могилу в среде этого народа. Ведь всякий больше или меньше волен, как и распространители суемудрия, как напр. граф Лев Толстой, волен же пойти на границу и за границу Монголо-Манчжурских степей, оставив сзади за собою все, до последней срачицы, все данное ему до сих пор народом, который налагает на его личную волю будто бы насилие своей собирательной воли. Ведь всякая присяга на верность Государю есть свободнейшее и святейшее проявление воли каждого верноподданного, воли, во свидетеля которой он, пред лицом всего мира, пред лицом церкви земной и небесной, призывает сердцеведца Бога; а общенародная присяга есть святейшее выражение общенародного договора, в святость которого народ выражает в храме Господнем свою веру и обет верности и в свидетеля своей совести призывает того же сердцеведца Бога, пред лицом той же церкви земной и небесной. Посмотрел бы Лев Толстой, прислушался бы русским сердцем, если таковое у него не совсем высохло, к общенародному русскому сердцу, с каким восторгом, подымая свои ручонки к небу, присягали малые дети, по убиении Александра II, на верность его сыну Александру III. Нет, это не насилие. Послушал бы он, русский граф Лев Толстой, как рассуждали тогда об убийцах мученика Царя, вообще о бунтовщиках против русского Царя, провозглашающих царскую власть насилием, все добрые русские люди. Так это не насилие, а это общенародный договор. Это общенародный дух, народная душа, И только дряблость некоторых кругов терпит подобные неслыханные от начала мира хулы на законность богопоставленной власти, так как без власти нет народной жизни, без власти народная смерть.

Но присяга на верность государственной власти ведет к убийствам врагов народа, внешних и внутренних. Ведь все народы братья. Верно. Богу угодно, чтобы я любил ближнего, как самого себя. Но Богу же угодно было дать такой естественный закон, что *никтоже когда плоть свою возненавиде, но питает и греет ю*. Богу же угодно, чтобы каждый любил и берег своих родителей, жену, детей, братьев больше, чем чужих. По апостолу Павлу, *кто о присных нерадит, тот веры отвергся и неверного горший есть*. Притчей о милосердом Самарянине Христос поучает, что ближний человеку всякий другой человек, несмотря на принадлежность к своему ли, к чужому ли племени и народу; однако ближний для меня по преимуществу тот, кто сотворил милость со мною, как самарянин с израненным сеем, кто обязал меня

признательностью и взаимностью. Кто творит мне добро, тому я обязан большей любовью и признательностью, К своему присному я обязан большей привязанностью, чем к чужому. Всякий русский, с которым поставила меня судьба в родственно-народные сношения, должен быть ближе для меня, чем китаец, или новозеландец, или нубиец, или патаговец, с которыми я никогда не вижусь и никак не соприкасаюсь. Христос запрещает убийство, запрещает войну? Убийство- да, запрещает, но войну нигде не запрещает, как не запрещает атмосферные бури, извержения вулканов, землетрясения или наводнения. Это зло, но мировое, неотвратимое, *Егда услышите брани и слышания бранем, зрите, не ужасайтесь.* По слову Христову, брани будут до кончины мира, если не от нас, учеников Христовых, то на нас от врагов Христовых, как напор злых стихийных сил. Все коварные толки врагов Христовых о том, что Христос не велел воевать, сводятся лишь к тому коварному выводу, что верные Христу не должны отражать нападения врагов, а должны отдать на их полную волю себя и своих дряхлых отцов, слабых жен и малых детей, на опозорение и искоренение рода нашего, отдать свои храмы на разорение, свою святыню на поругание, свою святую веру на попрание, свою народную честь на злорадное посмеяние, на втоптанье в грязь. И блистательный пример этому — австралийские островитяне, которых белая англосаксонская раса забрала в свои руки, ограбила и мало-по-малу извела до конца. Да пример тому и все коренные американцы, теперь почти совсем искорененные белою Европейскою расой.

Христос не велел убивать даже преступников, например блудницу, ятую в прелюбодеянии? Когда Пилат сказал Христу: *не веси ли, яко власть имам распяти Тя и власть имам пустити Тя?* Христос ему отвечает: *не имаши власти ни единые на Мне, аще не бы ти дано свыше.* Не имел Пилат власти над духом Христовым, потому что дух человеческий всегда принадлежит только тому, кто дал его, т. е. Богу; не имел и над жизнью Христовою, поскольку Христос не совершил преступления достойного смерти. Тем не менее, Пилату, его политическим расчетам и страхам собственного самобережения, попущено было свыше исполнить план Божия домостроительства — убить Иисуса. Не будь на своем месте Пилат, был бы на его месте другой, а судьба Божия совершилась бы неотложно. Но Пилат оказался пред Богом и совестью нечист в том, что, имея от Бога власть и распять и пустить, и сам, сознавая эту власть, согласился распять неповинного. Воины же, исполнители казни над Христом, оказались нечисты пред Богом и совестью тем, что присоединили к казни неповинного злорадство, издевательства, истязания, но и они были неповинны за исполнение повеленной казни. Вообще же у Христа в евангелиях мы нигде не встречаем ни тени осуждения на отправление правосудия; видим укоры только на судей неправедных. Блудницу Христос не повелел казнить именно потому, что казнь в этом случае была бы несоразмерна проступку, так как между обличителями грешницы не оказалось ни одного достойного кинуть в нее первый камень, напротив, все они ушли, обличаемые в совести. Однажды ([Лук. 13:1-5](#)), рассказали Господу Иисусу о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их, повелев избить их у самого жертвенника во храме, Рассказчики, очевидно, думали услышать от Господа слово осуждения на Пилата и сострадания к несчастным, Что же Христос? Не выразил ни того, ни другого. Иисус сказал им на это: *„думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам. Но если не покаетесь, все также погибнете“.* Это значило, что те погибли по своей вине за свои грехи, а Пилат, предав их смерти, праведно ли неправедно ли с точки зрения человеческого правосудия, исполнил волю Божию, исполнил меру правосудия божественного. Видим мы далее, что в притчах своих Христос сравнивает даже своего небесного Отца с правосудным и даже гневным царем, который лишает повинных чести и всего достояния, продает жену и детей жестокосердого заимодавца, ввергает в темницы и во тьму кромешную, избивает убийц и град их зажигает. Да и сам Он, по страшном суде, отошлет отверженных и

проклятых в геенну огненную, иде же скрежет зубов, несмолкающий стон и вопль муки, иде же червь не умирает и огонь не угасает, откуда дым и смрад мучения грешников восходит во веки веков... Увы! Правосудие неумолимое, но правосудие божественное! Пойдите, отрицайте его. Отрицая его, вы будете отрицать все евангелие, все божественное откровение.

Таким же и еще большим безумием было бы сказать, будто бы преступника не должно наказывать не только смертью, но и никак, До последних дней никто не оспаривал у отца естественное право наказать свое дитя, вообще своего семьянина, за проступок или преступление. Пусть с течением времени это право ограничено законами, но не отнято, как совершенно естественное. Отсюда же, из родового права, освященного религией, произошло право и начальников общин наказывать общинников за проступки и преступления. Не только христианство, но и все человечество не знало человека без свободы воли, не знало закона, как случайного произвольного создания человеческого ума, а не природного голоса совести; не знало и преступления без вменения. Христианство, да и все человечество не знало преступления, которое не было бы болезнью души, которое не требовало соответственного лекарства и не влекло бы болезненных последствий для своего виновника. Отсюда наказание, и как врачевство, и как возмездие за проступок, как чувствительно неприятное последствие для виновника, особенно же бесчувственного. Кроме того, никаким умничаньем нельзя оспорить у меня право оттолкнуть человека, наступившего мне на больную ногу. Никаким умничаньем нельзя оспорить у меня естественное право, проистекающее из самого естественного неотвратимого побуждения, взяться за оружие, чтобы отразить врага, нападающего на меня оружием. Но это естественное право самозащиты превращается для меня и в долг, когда я призван защищать другого, когда я отец семьи, когда родоначальник, когда начальник общины, когда я защищаю жену, детей, всякую попорченную невинность, всякую угнетенную насильем слабость, или поруганную нахальством святыню. При этом враг, нападающий оружием, и кровопролитием, естественно, сам вызывает против себя оружие и кровопролитие. Преступник, наносящий обиду другому, всячески вызывает естественное отражение обиды. Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь, — искони века было основой естественного правосудия. Можно ограничивать это коренное требование правды, можно смягчать, еще лучше возмещать чем либо соответственным, каким либо другим, менее непоправимым и более целесообразным возмездием; но отменить, но уничтожить этот прямой голос правды никакими умствованиями невозможно, Так уже Каин, проливший первую неповинную кровь на землю, сам собою полость веры, способны терять силу и удобоприменимость, когда падает религиозный дух народов. Падение народного духа и основанной на нем силы законов есть всегда роковой признак для жизни народов. Свидетельница этому непререкаемая — та же история народов. Так, пока был крепок религиозный дух греко-римского мира, этот мир рос и мужал и поборал весь мир. Но когда потух этот дух, тогда самый народ римский стал гнить и разлагаться. И великий Константин тем между прочим и велик, что проник своим государственным умом, руководимым и небесными знаменами, что на гнилом основании римско-языческого духа, лежащей в его основе языческой религии и вытекших из него законов уже нельзя созидать счастье подвластных Риму народов. Оттого Константин и стал христианином и основателем нового Рима, новой империи, просуществовавшей с тех пор еще целое тысячелетие, хотя и среди непрестанной борьбы с врагами. Как в Греции, так и в нашем отечестве православная восточная церковь сочувствовала не карам против иноверия и инославия, а духу народа, крепко охранявшему целостность единой истинной Христовой веры. Как в византийской империи, так и в русском государстве бывали только попытки преодолеть ново-возникавшее суемудрие и извращение веры общественными карами. В византийской, как и в древнеримской империи, церковь не столько поощряла это направление государственной власти, сколько страдала от

него сама, в римской империи от императоров язычников, а в византийской от императоров еретиков; почему церковь всегда настаивала на свободе совести против насилия государственной власти для себя. А настаивая для себя, вместе с тем сама же отстаивала свободу совести в деле веры и для других. Усвоить православной церкви крайности западно-латинской церкви в преследованиях за веру — это величайшая историческая неправда. Сама же латинская церковь, испробовав все крайне жестокие меры для подавления свободомыслия и ересей, своим поразительным примером и доказала, что эти меры не только бесплодны, но и вредны для самой церкви, не касаясь уже того, что не согласны с духом Христовым, с духом Нового завета, который выразился, между прочим, в притче Господней о:плевелах: *ни, да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу. Оставьте обое расти купно до жатвы...* Латинская церковь много погрешила против этой заповеди Господней, сколько кроткой, столько же и божественно мудрой и предусмотрительной. За то же она и наказана отпадением целой своей половины в реформацию.

Потому-то в нашем российском государстве никогда не было и нет гонений на чужие веры, на язычников, сверив, магометан, римских католиков, протестантов. Даже против своих собственных разномыслящих, которые одновременно возникали из недр собственно русского православного люда, были только попытки вразумления карательными мерами, да и тех было почти только две, одна против еврействующих еретиков в древней Руси, а другая против раскольников. Первая привела к преследуемой цели, по не углубленности в русском духе еврействующего лжеучения. Последняя же, увы! только отдалила от цели. И пришли как церковь, так и государство к убеждению, что карательные меры вразумления в делах веры, при всей своей законности, основываясь даже на самых коренных государственных законах, нецелесообразны. По крайней мере, нецелесообразны при современном направлении как общенародного нашего, так и общеевропейского, так и общечеловеческого духа. Дух этот, увы! развивается, по крайней мере, в особо культурном христианском мире, в особо культурных кругах, в антирелигиозном направлении.

Благо или зло — развитие духа человеческого в направлении антирелигиозном? Для христианского мира, для русского царства — бесспорное зло. Окиньте взором кругом и около всю арену, на которой живет и движется человечество. Какие народы стоят прочно? Вот верный своим народным преданиям Китай простоял тысячелетия. Вот верный религиозному духу отцов Индостан простоял тысячелетия и стоит, упорно не поддаваясь преодолевающему политическому и военному преобладанию своих христианских завоевателей. Вот упорно держащийся своего корана и пророка, крепнет и растет, без усилий приобретая миллионы прозелитов, мир магометанский, питая в себе не шуточную угрозу против мира христианского. Между тем и магометане вырождаются в тех странах, где заражаются Европейской культурой. Особенно же поразительное зрелище: вот еврейский мир, верный до смерти закону Моисея, истолкованному талмудом, несмотря на неизмеримую громаду гонений, законных и незаконных со стороны христиан, мерно, но верно силится покорить себе все христианское человечество, преспокойно загребая в свои сокровищницы все золото земли, все богатство народов, весь плод потового труда всего человечества, все номинальные знаки всех ценностей всего мира, Американские свободолюбивые государства, свободомысленные по происхождению, только вчерашние; они никому еще не могут преподать исторического примера и урока. Мы видели, что громаднейшее из них чуть не развалилось в наши дни от одной междоусобной войны. Мы видим, что среди Европейского человечества гордо высит уязвимую, но несокрушимую голову социалистический анархизм. Мы видим и слышим, увы, что и в нашем отечестве хульники, отважно восставшие на Бога отцов своих, восстали и на Христа Его. Мы давно твердили, что одно с другим здесь тесно связано. Нам не верили. Теперь

уверились. Люди русские, враждебные уже полтора века вере и верности отцов, надевавшие, однако же, личину любезности и низкопоклонства пред попускавшею, иногда даже потакавшей им властью, теперь снимают свою личину... Теперь они то явные, то больше скрытные враги, против которых сила бессильна. Теперь они сами сила, несокрушимая в своей неуловимости, и имя им, увы, не легион ли?! яко беси мнози внидоша в оны. Теперь они взывают к перевороту у нас, как и в Европе. И не чувствуется ли, что этот переворот стучится у ворот, по крайней мере в передовых странах Европы — во Франции, в Германии, в Англии? Столетие французской революции пока еще не исполнилось, исполнится только в 1889 году.

Только этим разложением христианского духа и укреплением антихристианского можно объяснить отвагу, с какою поклоняемый у некоторых наших антихристианский авторитет шумит, выражая изумление по тому поводу, что „люди хлопчут, чтоб другие пользовались непременно этой, а не иной формой откровения»; что „требуют, чтобы все верили, как они“; что вер целые сотни, а каждая домогается того же, что составляет очевидную поразительную бессмыслицу“; что вера есть отношение с Богом, устанавливаемое каждым человеком, — каждый сам собою устанавливает свое отношение к Богу; он знает истину истин, как и я знаю истину истин; выражение их может быть различно, сущность их должна быть одна и та же; почему и учить вере нельзя, а можно только обману веры; заставить другого изменить его веру я не могу ни насильем, ни хитростью, ни обманом, так как нельзя ничем заставить человека верить в то, во что он не верит; люди навязывают другим подобие веры, т. е. обман веры; вера не может быть принимаема ради чего-нибудь — насилия, обмана или выгоды, а потому это не вера, а обман веры“ и т. п.

Помутившийся в уме человек бредит, а его слушают не только хладнокровно, но некоторые и подобострастно. Он говорит против психологии и всяческой логики, против истории и ежедневного опыта, и пред ним преклоняются. Вопреки логике и психологии, он смешивает веру, как убеждение, как душевное состояние, с верою, как ее содержанием, в которое человек верит. Смешивает, выражаясь философским языком, субъективную, личную сторону веры с объективной, предметною стороною той же веры, и употребляет одно понятие вместо другого. Против истории, против опыта, против здравого смысла говорит, что учить вере нельзя. Отчего же? Учат же вере, и как содержанию веры, учат, что должно веровать, как и во что веровать, детей, простецов, дикарей, учат всех. Всякий в детстве своем все принимает на веру. Скажи ребенку благоговейно и разумно, во что и как он должен веровать, и он будет веровать в то, и так всю свою жизнь. Каждый сам собою устанавливает свое отношение к Богу, — где же это видано? Если речь идет о том, чему и как человек должен веровать о Боге, то этому учат обыкновенно всех и каждого другие. А затем, конечно, каждый устанавливает свое внутреннейшее отношение к Богу во внутреннейшем, недоступном для другого человека, святилище своей души. Но каждому же во всяком обществе помогают в этом направлении и другие, старейшие, опытнейшие, святейшие, И до сих пор история пока еще не знала мало-мальски культивированного общества, в котором старейшие не помогали бы юнейшим устанавливать свои отношения к Богу посредством научения и руководства, посредством религиозных и общественных учреждений. Новейшему лжеучителю этот общий в человеческом роде порядок, конечно, не нравится. Но такой порядок был, есть и, конечно, всегда будет. Нельзя отнять веру у другого? Нельзя, Нельзя заставить его верить в то, во что он не верит? Нельзя. Но можно переменить и обыкновенно переменяют веру других убеждением. Например, дикарь обмазывает сметаною губы идола, думая угодить ему; древний эллин приносил студныя жертвы Приапу, Венере, противоестественному сладострастнику Юпитеру; древний финикиец или карфагенянин сожигали разом целые сотни своих детей кровожадному Молоху. И всем этим безумцам растолковано, чему они и поверили, что делать так не годится, что единый

истинный всесвятый Бог бесконечно выше свирепого Молоха, легкомысленного блудливого Юпитера и ничтожного сибирского какого-либо бурхана. „Люди без веры, посредством научения или насилия, посредством хитрости или обмана, принимают не веру, а подобие веры, или обман веры“. Допустим даже и некоторую долю принуждения, хотя в деле присоединения к вере всякий здравомысленный, ревнующий о благе и чести своей церкви, ревнующий о славе Божией и пользе присоединяемых, всякий здравомысленный проповедник постарается всячески избежать всего предосудительного. По крайней мере, наша истинно-православная церковь никогда не поощряла, в распространении веры Христовой, ни хитростей, ни обманов, ни насилий. Но что же бывает? Человек, переменявший свою веру по убеждению, иногда даже при некоторой доле и принуждения, впоследствии становится самым горячим прозелитом, Разве сам апостол Павел покорился Христу не по особому промыслительному принуждению? А между тем стал апостол Павел! Бывает, что люди, принявшие веру по каким либо расчетам, впоследствии показывают и сами приверженность к новой вере самую неуклонную, а в детях своих воспитывают самых искренних прозелитов, так что в первом, втором поколении потомство их совершенно перерождается.

Странно, что люди хлопочут навязать другим свою веру, чтобы другие пользовались именно этой, а не иной формой откровения, что, будто бы, составляет очевидную, поразительную бессмыслицу“. Очевидная поразительная бессмыслица заключается здесь не в этой будто бы странности, что люди хлопочут об этом, а в том, что человек, мнящий себя не только мыслящим, но и христиански мыслящим, видит в этом странность. Святые апостолы, первые христианские проповедники видели, напр., что их образованные современники продолжают еще приносить свои студные жертвы Приапу и Венере, или кровавые жертвы Молоху, видели и внушали свое христианское евангелие. Значит, это они странно поступали?! Нынешний сибирский миссионер видит, что полудикарь-инородец сегодня намазывает своему бурхану губы сметаной, с поклоном, а завтра того же бурхана чечет с азартом розгами. Миссионер внушает полудикарю святое евангелие Христово, — это он странно же поступает?! Католический миссионер видит, что островитянин австралиец, или первобытный американец сожигает в жертву богам человека, а потом сам доедает его в религиозном пиршестве. Миссионер раскрывает этому людоеду Христово евангелие, — и он странно же поступает?! Вот англичане своими законами и казнями запрещают индийцам кидаться под колесницу своего свирепого бога и гибнуть под колесами; а свободомыслящие североамериканцы внушают мормонам Христову заповедь одноженства даже посредством пушек, Или вот наши законы предписывают мероприятия против скопцов, в видах ограждения других от их изуверств. И все они стали равно виноваты пред уроком помутившимся лжеучителем.

Наш лжеучитель „знает истину истин“, и скопец, или индийский изувер душитель, или американский людоед, знают, каждый для себя, свою истину истин? Позвольте же, Что эти трое знают не только истину, но даже истину истин, в этом мы с вами не только не оговоримся никогда, но считаем излишним и сговариваться. А позвольте вас спросить самих о вашей собственной истине истин? Вы не хотите говорить о браминизме, буддизме, конфуцианстве, магометанстве; вы выставляете исключительно христианство, как „веру вам известную, нужную и дорогую“. Позвольте же, нельзя ли определенные. Какое вы христианство изволите разуметь? Да, Вам угодно разуметь христианство без догматов, с одним нравственным учением. „Все учение христианское“, по словам лжеучителя, „распадается на два отдела: учение о догматах и на нравственное учение“; „как ни старались, — по его словам, — учителя церкви смешивать эти две стороны учения, они никогда не смешивались, как масло и вода; своими догматами христиане служат дьяволу, а не Богу; Христос прямо говорил, что Он пришел разрушить все догматы“. Начнем же с вопроса, где Христос говорил, что Он пришел разрушить все догматы?

Нигде ничего подобного Христос не говорил; совершенно обратное: не *приидох розорити закон или пророки, но исполнити* (восполнить, довершить); *иота едина или едина черта не преидет от закона* (откровения Божия). Во всех евангелиях Христос разъясняет догматы о своем небесном Отце, о Божием Промысле, о своем божественном посланничестве, о Святом Духе и Его дарах, о будущей жизни, о своем воскресении, о страшном суде, о таинствах крещения и евхаристии и т. д. евангелие же от Иоанна все исполнено возвышеннейшего догматического богословствования; почему Иоанн и наименован Богословом. А ведь наш лжеучитель пользуется евангелием от Иоанна, как и прочими тремя, т. е. искажает его, как и все евангелия. Для лжеучителя, да, „открыт первый смысл евангелия, отрицающего всякие догматы“. Точнее — открыт самоизмышленный смысл евангелия потому, что лжеучитель сам сочинил евангелие; а до сих пор, в продолжение почти 19 веков, никто не догадался это сделать. В старые годы делали это разве Маркион и другие сумасбродные еретики гностики, которые теперь совсем забыты, как и евангелия их. Догматы христианства никак не вяжутся с нравственными заповедями? Лжеучителю угодно утверждать такой абсурд, который никому пока не приходил в голову. Сам Христос Спаситель, во всех четырех евангелиях, связал свое догматическое учение с своим нравственным учением. Кто же посмеет разделить то, что связал сам Христос? Посмел сочинитель нового евангелия! О, против такой дерзости, в наши дни, силен только суд Божий. Такая дерзость отважится и отважит на многое; на все, „Все ли согласны в каких бы то ни было догматах»? спрашивает лжеучитель, и отвечает: „нет. Все ли согласны в нравственных правилах? Все“, отвечает, „Нет, — отвечаем — мы, не все согласны и в нравственных правилах“. Возьмем сущность этих правил, якобы извлеченных г. Львом Толстым из заповедей христианства. Не противься злumu? С толкованием этой заповеди у Льва Толстого не согласны ни православные, ни нигилисты, два противные полюса. Не прелюбодействуй? С толкованием его же, в смысле принадлежности одного из Супругов на всю жизнь одному мужу или одной жене, не согласны ни нигилисты, ни даже православные, у которых разрешаются второй и третий браки, разрешается брак и прелюбодеям до брака, Не клянись? Не согласен никто.

Не Судись? Не согласен никто. Зачем же он проповедуете такие нелепости, срамя себя и людей, которые его слушают и слушаются? Возьмем заповеди наиболее трогательные, христианские упражнения наиболее или возвышенные или более обычные, например заповедь о том, чтобы просящему дать, или обет удалений в пустыни для общения с Богом, или обычай подавать калачи в острог — заповеди и упражнения, которые лжеучитель выставляет особенно, настаивая, что относительно нравственного их характера согласны все. Нет, не все согласны. Удаляться в пустыню, говорят, безумно и противоестественно,— противоестественно отымать себя у общества человеческого, обрекать свою природу на: бесплодие для человечества. Подавать просящим нужно, говорят, не всякому, не всяко; попрошайкам, нищим по ремеслу, говорят, подавать безнравственно. Подавать калачи в острог — нет, говорят, не только не нравственно, но и губительно для народной нравственности, так как часто острожники говорят, что в остроге кормят их так, как дома не кормят и в светлый день Пасхи. Одним словом, всякое нравственное правило христианства подвергалось еще большим пререканиям, чем догмат, Современная же философская мораль отвергает целую, даже большую и высшую, внутреннюю половину евангельского нравственного учения об обязанностях к Богу и самому себе, о внутреннем очищении духа; о восхождении к Богу, ограничивая долг человека так называемым альтруизмом, обязанностями человека только к другим людям: чего не желаешь себе, не твори другому, и обратно, что в исполнении может быть совершенно безнравственно с евангельской точки зрения, Лжеучитель провозглашает христианство без догматов. А спросим: возможно ли какое бы то ни было вероучение без догматов, например даже отрицательное буддийское, даже нигилистическое, даже будто бы христианское, а на деде антихристианское учение г. Льва

Толстого? Ведь и у него есть свои догматы: 1) что истинно только его евангелие; 2) что Иисус не Божий Сын, а простой человек; 3) что человек есть сын бесконечного начала, сын Отца, но не личного Бога, сын не плотью, а духом; 4) человек должен служить этому началу, Отцу и Богу (не личному) духом (не таинствами, не богослужением, не молитвами); 5) жизнь всех людей имеет божественное начало, она одна свята; 6) истинная жизнь есть только в каждый миг настоящего; обман жизни во времени, жизни прошедшего и будущего, т. е. вера в вечность личного Бога, как и надежда на личное бессмертие; скрывает от людей истинную жизнь настоящего; 7) истинная жизнь есть жизнь настоящего, общая всем людям, жизнь Сына человеческого; и 8) потому живущий в настоящем общей жизнью всех людей, истинную жизнь Сына человеческого, соединяется с Отцом, безличным началом и основой всей жизни. Как же лжеучитель требует отделения догматов в христианстве истинном, когда даже в ложном христианстве г. Льва Толстого измышленная им мораль тесно сплетена с измышленными им же нелепыми догматами, включающими в себе внутреннее противоречие?

И как же это „истина истин“ нашего лжеучителя, христианская „истина истин“, столь ему известная, нужная и дорогая, выходит у него совершенно согласно с истиною истин русского скопца или австралийского людоеда, который съедает своего врага, зарезанного в жертву богам, на религиозном пиршестве?! „Выражение таких разных вер может быть различно, — уверяет лжеучитель, — сущность должна быть одна и та же, мы все люди“. Выражения веры русского скопца, австралийца, американца и индийца-людоеда уже слишком резки, и омерзительны сравнительно с христианством. Так легко поступает настоящим христианством странный его исповедник разве только потому, что „вера его - слова, а не то, чем он живет, нарост, а не сердце«, и даже не нарост, а блажь, а фальшь, а маска, а удочка для уловления других. Каким же образом возможно в сердце у человека христианство без личного Бога, без Христа, верующего в бессмертие, без бессмертия, без признания и дьявола? Чему равняются речи этого неслыханного в мире лицемера, что христиане своими „догматами служат дьяволу, а не Богу“, когда этот лицемер не верит ни в Бога, ни в...? „И действительно, — сознается этот вредоносный лицемер, — „с общей точки зрения всякая вера есть обман, все это есть суеверие, что и доказывает царствующая теперь философия. Глядя с общей точки зрения, и я (лицемер) неотразимо пришел к признанию того, что все верообманы людские“. Вот это ясно. Оттого-то у него „их сотни вер“ и все они одинаковы. „Сущность в них одна, — суеверие, обман“, хотя выражения и различны по сравнительной тупости обманывающихся и обманывающих людей. Оттого христианин ли, грубейший ли идолопоклонник, людоед ли во славу своих свирепых божеств, это все у него одно, Оттого-то у него „истинная вера может быть во всех так называемых расколах, ересях, но, наверное, не может быть только там где она соединена с государством; явно ложна только государственная вера“. Но позвольте же, я совершенно охотно, всем сердцем принимаю веру истинную государственную, веру большинства народа, искренне находя ее лучшей всех известных мне ересей и расколов, какова она и есть, вера моих отцов, вера св. отцов, св. мучеников, св. апостолов, самого Христа? Ведь моя вера в лучшую из вер совершенно искренняя и глубока и пламенная, почему же это она непременно должна быть ложна?

Известно, с чего у нас на Руси пошли и как встретились государство и церковь. Последние археологические изыскания и этнографические гадания дают понять, что славяне были аборигенами Европы, что они старше здесь всех народов, бороздивших Европу в знаменитую эпоху переселения народов, что славяне жили в Европе уже за 2000 лет до Р., Х. Допустим. Для нас это неважно, Важно то, что славяне, в длинную эпоху своего проживания в Европе до Рюрика, не выработали из себя никакого политического строя. Вся народная масса их, нарождаясь от семей и родов, доросла только до понятия племени, остановившись на раздроблении племен, которые в течении многих веков не успели срастись в один народ. Слово

народ употреблялось скорее в смысле небольшой массы народившихся от одной семьи или рода в том или другом племени, чем в смысле народа, как совокупности всех народившихся от одного корня славянских племен, слившихся в одно народное тело. Такого славянского народа тогда никто, ни из славян, ни из инородцев, не видал, не слышал, и не знал. Были новгородцы, полочане, киевляне, были кривичи, вятичи, лютичи, были и славяне, как особое племя. Но никто не знал славянского народа. Начальники родов или городов судили и рядили своих сродственников посредством рады, круга или веча. Но эти круги или веча или рады скорее разделяли племя от племени, чем стягивали их в один народ. Их религия, с ее разрозненною, не установившейся мифологией, без всякой попытки сосредоточиться даже около какого-либо трескучего Перуна, который не имел даже такого жалкого отношения к прочим божествам, как Зевс в эллинской мифологии, религия без жреческого сословия, без особо-чтимых святилищ, без грамоты и какого бы то ни было символа, также нимало не сближала племени с племенем. Известно, что любящие свободу, точнее — шатуны номады, чуть-чуть пахари, наши предки, прожив на своих широких землях, может быть, тысячелетия, наконец надумались отказаться от своей свободы, решив позвать к себе варяжских князей с наказом: „земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, придите княжить и володеть нами“, Зачалось государство, Но и первобытное государство не имело ни личного, ни земельного центра, Рюрик обжился было в Нове-городе, но Олег уже облюбил Киев, а Святослав стремился уже за Дунай в Болгарию. Самое же важное, Рюрик с братьями принесли с собою собственно не государственное, а семейное родовое и удельное начало, которое должно было скорее раздробить, чем сплотить русский народ, Вот туе-то и началась благотворная миссия святой православной церкви для русского народа и государства,

Не вдаваясь в подробности, назовем существенные черты этой церковно-государственной миссии. Православная церковь принесла на Русь из Православной Византии идей великого князя, как Богом поставленного владыки, правителя и верховного судии подвластных народов, устранив славяно-варяжскую идей князя, как старейшего в роде атамана удалой, покоряющей огнем, железом и дубьем дружины. Церковь перенесла на Русь из Византии идею государства, с устранением варяжской идеи земли с народом, которую княжеский род может дробить без конца, как удельную свою собственность. Церковь утвердила единство народного самосознания, связав народы единством веры, как единокровных, единокровных чад единого Отца небесного, призывающих Его пренебесное имя на едином языке, который с тех пор стал для всех словенских племен единым, родным и священным языком. Церковь создала сперва одно, потом другое дорогое для народа святилища. В Киеве и Москве, закрепив там своим благословением, своими молитвами, сосредоточением там высших церковных учреждений, местопребывание все связывающей государственной власти. Церковь перенесла на святую Русь грамоту и культуру, государственные законы и чины византийского царства. Единственно только церковь была собирательницей разрозненных русских княжеств, разделенных еще больше, чем старинные племена славянства, удельными усобицами, Единственно только церковь спервоначала была собирательницей русских людей, князей, городов и земель, раздавленных татарским погромом. Церковь, выпестовала, вырастила слабого московского князя сперва до великокняжеского, а потом и до царского величия. Пересадив и, вырастив на русской земле идею византийского единовластительства, церковь возложила и св. миропомазание древних православных греческих царей на царя Московского и всея Руси. Церковь же оберегла народ и царство и от порабощения игу ляхскому в годину смут самозванцев и общего шатания умов...

Разверзлись хульные уста того же лжеучителя на почитание святых мощей. Подите, кто хочет, любопытствующие изыскатели, посмотрите в подземельи великой церкви святой Киево-Печерской лавры честные мощи почившего в прошлом столетии святителя Павла, митрополита

Тобольского, пока еще не причтенного к лику святых. Подите в разные концы св. Руси, в которых почтительно хранятся мощи разных святителей, также пока еще не канонизованных. Подумайте, с каким тщательным опасством открывались св. мощи святителей Митрофана Воронежского в зашлое и Тихона Задонского в прошлое царствование. Подумайте, отчего это Бог хранит десятки лет и века в нетлении мощи больше монахов, всего чаще святителей, и непременно высокой богоугодной жизни. И перестаньте хульники хульничать. Русский народ, в миллионах своей непочатой, нерастленной пока Толстовскою культурою среде, чутьем чует, куда ему идти на поклонение, для назидания, для подражания, туда ли, куда народ пока еще не ходил, где выживший из ума, всем от пресыщения наскучивший барин, отвергающий Бога и Христа, слепя очи слепых, балуется, ходя за сохою, или лепя печи, или тачая сапоги; или же туда, куда народ ходит тысячу лет, от начала царства и св. веры на Руси, в Киев, в Москву, в Троице-Сергиеву лавру, или на Соловки, где преподобные отцы спасали себя и других, в пустынях скитающиеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастях земли, лишени, скорбяще, озлоблени, их же не бе достоин весь мир; где, люди российские, сей простой черный народ, также в своей бедноте и черноте лишени, скорбяще, озлоблени, в пустынях скитающиеся, и по горам, и в вертепах и по пропастям земли, видят свой собственный идеал, черного снаружи, но ангельски светлого в душе человека, видят звезду внутреннего душевного счастья, упокоения в Боге и горней надежды, свою зарю обетованного вечного счастья в небесах?! А никак не здесь, не на земной Толстовской ферме... Это вы тут деритесь, без Бога живого, без живого Христа, без надежды на небо, без надежды когда либо даже помириться между собою в драке из-за равного для всех куска хлеба. В чужих бо зубах ломоть всегда велик.

В последнее время в особенности прославляется любовь к свободе и причисляется к великим заслугам того или другого лица, Любовь к свободе заслуга?! Ее питает хищный волк, бегущий в лес с овцою; ее питает собака на привязи, лев в клетке, медведь на цепи, питает всякий дикий зверь, дикая пташка, рыба, гадина. Любить свободу также естественно, как любить поесть, попить, поспать. Это любовь чисто животная. В чем тут заслуга человека собственно человеческая? Достойная собственно человека заслуга заключается в любви не к свободе, а, наоборот, в любви, в почтительности, в благопокорном стремлении к ограничению свободы. Любит свободу дикарь, который уходит в особую дальнюю берлогу со своей женою и детенышами, не любя стесняться присутствием других, равных или старших. Разумная же общественность немислима без стеснения свободы, Была ли свобода, за которую так гоняются дикари, даже в древней Элладе после царей, среди борьбы племен, городов, маленьких республик, среди борьбы с преобладанием мелких тиранов, со злоупотреблениями черни? Была ли в древнем Риме, среди подобной же борьбы, от последнего царя до Мария и Суллы? Не больше ли там, в этих республиках, было настоящего рабства и порабощения, чем в монархиях? Вопрос, что долше живет, что тверже стоит, республика, или монархия? Кажется, этот принцип республиканства или монархизма тут неприложим, Долше живут и крепче стоят народы: китайский, индийский и особенно еврейский. Скажите же, в чем секрет их жизненности? В свободе или стеснении? Во-первых, не в гражданском мотиве, а в религиозном, потому что индусы и евреи давно свою гражданскую самостоятельность потеряли; далее же, не в свободе, а именно в свободном самоотчуждении, в свободном непоколебимом самоподчинении религиозным уставам, преданиям и обычаям. Китаец, индус, еврей, который оставляет стеснение себя своими родными, освященными и скрепленными временем, обычаями и воспринимает Европейскую культуру, тот китаец, индус, еврей потерян для народа и народности, особенно если он принял и веру чужого народа. В основу русского государства также положен идеал никак не свободы, а также стеснения, свободного самоотчуждения от свободы полудикарей, шатунов, вечевых крикунов и т. д. Затем св. православная вера связала

русских в народное единство, подчиненное единой воле Помазанника Божия. Тогда-то мы и были слабы, тогда едва не развалились, когда по временам захватывали себе побольше старославянской шатости, как было в период уделов и самозванцев. Напротив, когда мы были всего крепче? Когда охотно несли благое иго Христово и доброе иго доброй единой власти, например, при Петре I, во время шведской войны, при Александре I, во время отечественной войны, и при Николае I. А когда у нас на Руси пошла неслыханная дотоле шатость умов, с тех пор мы стали для всего света колосс на глиняных ногах. Пусть подумают об этом те великомудрые мужи, которые со своих высоких кафедр, воздвигнутых для их блеска потом народа, собиравшего русское царство, гремят дифирамбами во славу своей любви к свободе. Далеко ли они ушли от графа Льва Толстого, имевшего неслыханную отвагу провозгласить и неслыханное упорство провозглашать всякую власть насилием, каковое должно всячески искоренять? Пусть подумают, в согласии или в разрез с народным духом проповедуют они свою любовь к свободе, — народному духу, который создал и вынес русское государство среди всяких исторических бурь самоограничением свободы и христианским самопокорением своей грешной воли всеблагой воле Провидения. Замечательно, что христианство вовсе не поощряет любви к свободе, как чувства естественного, в котором чистое и достойное смешано с плотским и греховным, Христианство, напротив, поощряет смирение, самопокорение, самоотвержение, и во-первых, отвержение собственной греховной воли, приклонение под благое иго Христово собственного вжимающегося на разум Божий ума; поощряет вольное подъятие и несение креста Христова. Пусть подумают, что в основу русского государства положено самоограничение народной воли, выразившееся в общенародном приговоре относительно призвания князей, — приговоре или договоре, который и до сих пор скрепляется, из поколения в поколение, всенародною присягой, с целованием Христова креста и призыванием Бога христианского в свидетеля верности и крепости всенародной присяги. Пусть подумают, что без свободной душевной тяги, если не всего, то огромного большинства народа, в русском же царстве, без сомнения, всего русского христоролюбивого народа, без свободной тяги к средоточию народной жизни, к предрержащей власти, невозможно было бы св. Руси жить, миллионы инородцев крепко к себе привязывать и еще побеждать многие миллионы закованных в железо, дышащих огнем врагов. Пусть подумают, насилие ли это, или же настоящая, разумно-человеческая, сознательно-христианская свобода, постигаемая и умом народа, особенно же чувствуемая его сердцем, Пусть подумают, что всякий присоединившийся к православной русской Церкви человек увеличивает, а всякий отпавший от нее уменьшает народное большинство вернейших подданных русского Царя, вольною волей и вольным разумом поддерживающих его царский престол. Пусть подумают, что присоединение к православию есть наиполнейшая *русификация* (выражаясь языком современной школы), не переоблачение, а перерождение, пресуществление инородца во втором, в третьем поколении, в коренного русского человека; тогда как отпадение русского от православия в иные секты (за исключением ближайшего к православию старообрядства), особенно же в рационалистические, молоканство, штунду, пашковство, нигилизм, толстовщину, перерождает русских в нерусских. Пусть подумают о том, что эти проповедники любви к свободе и ненависти к власти, как насилию, готовят русскому народу. А то же, что и во всем свете всему человечеству. Готовится безысповедный вселенский космополитизм, в котором, как пред потопом или вавилонским смешением, все люди смешаются в упадке всякой веры, всякого возвышенного идеала, всякого стремления к горнему, небесному, смешаются в работе самым низменным страстям, в захвате и раздоре из-за благ мира сего; а разделятся, как в допотопном человечестве, на два лагеря, на лагерь исполинов коварства и злобы, который захватит лагерь более незлобивых и нелукавых в самое беспощадное рабство. И от этого последнего зла избавит только сам Бог, стерши с лица земли человечество, как недостойное

более жить.

„Братие, — умоляет нас избранный сосуд благодати Христовой св. апостол Павел, благовестник христианского идеала христианского государства, — братие! Молю вас творити моления, прошения, благодарения пред Богом за вся человеки, прежде всех — за Царя, а потом и за всех, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте. Сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, иже всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти“.

Глаголаше Иисус к веровавшим Ему; аще вы пребудете в словеси Моем, воистину ученицы Мои будете. И уразумеете истину, а истина свободит вы. Аще убо Сын свободит вы, воистину свободни будете ([Иоан. 8:31-36](#)). Вот это слова Христовы, речи евангельские, учение Христовой церкви. Аминь.

1888 г.

---

---

### Примечания

Сказана в церкви Императорского Новороссийского университета.

Изложена в зале Одесской духовной семинарии.

Правосл. Собеседник, 1886 г. Июнь, стр. 214; Ma religion гл. XII.

Для внецерковного собеседования.

Теперь в газетах уже заявляется.

На днях объявлено в газетах: физиологи предполагают, что супруги, достигши известного возраста, после сожителства целого ряда лет, имея общие идеи, питая симпатии друг к другу и живя в одних и тех же условиях, кончают тем, что становятся похожими друг на друга. Женевское фотографическое общество, желая проверить, насколько основательно подобное предположение, сняло фотографии с 78 пар. В результате оказалось, что в 34 случаях сходство между мужем и женой больше, нежели между братом и сестрой, а в 30 случаях супруги походили друг на друга, как брат и сестра. («Одесский Листокъ» 1890 № 172),